

Art Logos

(искусство слова)

№ 4 (29), 2024

Art Logos (The Art of Word)
scientific journal, No. 4 (29), 2024

Art Logos

(искусство слова)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

№ 4 (29), 2024

Главный редактор

Т. В. Мальцева, д-р филол. наук, профессор, ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Редакционная коллегия

С. Л. Слободнюк, д-р филол. наук, д-р филос. наук, профессор,
ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

О. Ю. Осьмухина, д-р филол. наук, профессор, МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия

Т. И. Рожкова, д-р филол. наук, профессор, МГТУ им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

А. А. Карпов, д-р филол. наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

С. Г. Греньев, канд. филол. наук, профессор, Университет Джорджтауна, Вашингтон, США

М. Яхьяпур, канд. филол. наук, профессор, Тегеранский университет, Тегеран, Иран

В. В. Волков, д-р филол. наук, профессор, ТьГУ, г. Тверь, Россия

К. П. Сидоренко, д-р филол. наук, профессор, РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Е. В. Купчик, д-р филол. наук, доцент, ТюмГУ, г. Тюмень, Россия

О. А. Мещерякова, д-р филол. наук, доцент, ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

З. И. Резанова, д-р филол. наук, профессор, ТГУ, г. Томск, Россия

М. Р. Желтухина, д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ, Волгоград, Россия

Г. Н. Чиршева, д-р филол. наук, профессор, ЧГУ, г. Череповец, Россия

Н. В. Козловская, д-р филол. наук, доцент, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

О. Е. Похаленков, д-р филол. наук, доцент, КГУ им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия

Учредитель, издатель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 3 февраля 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-68617

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал издается с 2017 года. Периодичность 4 раза в год

Art Logos

(The Art of Word)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

No. 4 (29), 2024

Chief editor

T. V. Maltseva, Doctor of Philology, Full Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

Editorial Board

S. L. Slobodnyuk, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Full Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

O. Y. Osmukhina, Doctor of Philology, Full Professor, MRSU, Saransk, Russia

T. I. Rozhkova, Doctor of Philology, Full Professor, NMSTU, Magnitogorsk, Russia

A. A. Karpov, Doctor of Philology, Full Professor, SPbSU, St. Petersburg, Russia

S. G. Grenier, PhD in Philology, Professor, Georgetown University, Washington, D.C., USA

M. Yahyapour, PhD in Philology, Professor, UT, Tehran, Iran

V. V. Volkov, Doctor of Philology, Full Professor, TSU, Tver, Russia

K. P. Sidorenko, Doctor of Philology, Full Professor, Herzen University, St. Petersburg, Russia

E. V. Kupchik, Doctor of Philology, Associate Professor, UTMN, Tyumen, Russia

O. A. Meshcheryakova, Doctor of Philology, Associate Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

Z. I. Rezanova, Doctor of Philology, Full Professor, TSU, Tomsk, Russia

M. R. Zheltukhina, Doctor of Philology, Full Professor, VSSPU, Volgograd, Russia

G. N. Chirsheva, Doctor of Philology, Full Professor, ChSU, Cherepovets, Russia

N. V. Kozlovskaya, Doctor of Philology, Associate Professor, ILS RAS, St. Petersburg, Russia

O. E. Pokhalenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, KSU n. a. K. E. Tsiolkovskiy, Kaluga, Russia

Founder, publisher: Pushkin Leningrad State University

The journal is registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
February 03, 2017. The certificate of the mass media registration ПИИ № ФС 77-68617

The journal is included into the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding
series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

The journal is issued since 2017. Quarterly, 4 issues per year

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Л. И. Вигерина Изучение «Хожения за три моря» Афанасия Никитина в российской филологической науке XXI века	10
А. Г. Гродецкая Б. Н. Чичерин-мемуарист о литературных салонах Москвы 1840-х годов	29
Е. В. Папилова «Полурусский сосед»: образ Ленского как последователя немецкого романтизма	46
Т. З. Иркагалиев «Поэт» и «Бог» в пьесе В. Шершеневича «Вечный жид»	59
В. В. Королева, О. В. Февралева И. В. Гете и Э. Т. А. Гофман: к вопросу о творческом диалоге (влияние И. В. Гете на формирование сказочной поэтики Э. Т. А. Гофмана)	78
С. М. Коновалов Типология сатирических персонажей в романе Джонатана Коу «Какое мошенничество!»	91

ЛИНГВИСТИКА. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

Т. Е. Лебедева, Н. С. Романова Внутренняя форма наименований лиц по физическим характеристикам (высокий / низкий рост) в вологодских говорах	110
М. Е. Дербеднев, М. В. Ягодкина Семантические особенности имен собственных в составе фразеологических оборотов	128

Е. В. Чудинова, О. С. Шурупова	
Проблема двойничества: от романтизма до постмодернизма (на примере романа Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка»)	141
Р. Е. Булат, С. В. Титовец, Х. С. Байчорова	
Перспективы развития спортивной терминологии в области баскетбола	154

ДИСКУССИЯ

Е. А. Цуканов	
Делаем новости или творим пустые миры: журналисты как демиурги постмодернистского мультиверсума	172

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О. Б. Абакумова, А. Д. Бакина	
VIII Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение» (Орел, 10–11 октября 2024 г.)	186
Н. К. Данилова	
Поклонение Достоевскому	197

Contents

LITERARY STUDIES AND HISTORY OF LITERATURE. PERSONALITIES

Liudmila Vigerina

Study of Afanasy Nikitin's *A Journey beyond the Three Seas* in Russian Philology of the 21st Century 10

Anna Grodetskaya

B. N. Chicherin-Memoirist About the Literary Salons of Moscow in the 1840s 29

Elena Papilova

"Half-Russian Neighbor": The Image of Lensky as a Follower of German Romanticism 46

Talgat Irkagaliev

"The Poet" and "God" in the Play *The Eternal Jew* by V. Shershenevich 59

Vera Koroleva, Olga Fevraleva

I. V. Goethe and E. T. A. Hoffman: On the Question of Creative Dialogue (The Influence of I. V. Goethe on the Formation of E. T. A. Hoffman's Fairy-tale Poetics) 78

Sergey Konovalov

Typology of Satirical Characters in Jonathan Coe's Novel *What a Carve Up!* 91

LINGUISTICS. LANGUAGE AS A MEANS OF COMMUNICATION

Tatiana Lebedeva, Nadezhda Romanova

Internal Form of Names of Persons Based on Physical Characteristics (Tall / Short Stature) in Vologda Dialects 110

Maxim Derbedenev, Maryana Yagodkina

Semantic Features of Proper Names as Part of Phraseological Phrases 128

Elena Chudinova, Olga Shurupova
The Problem of Duality: From Romanticism to Postmodernism 141
(on the Example of *The Thirteenth Tale* by D. Setterfield)

Roman Bulat, Stanislav Titovets, Khafiza Baychorova
Prospects for the Development of Sports Terminology 154
in the Field of Basketball

DEBATE

Evgeny Tsukanov
Making News or Creating Empty Worlds: 172
Journalists as Demiurges of Postmodern Multiversum

REVIEWS

Olga Abakumova, Anna Bakina
VIII International Scientific and Practical Conference 186
"Language. Culture. Communication: Study and Teaching"
(Orel, October 10–11, 2024)

Natalia Danilova
Adoration of Dostoevsky 197

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.
ПЕРСОНАЛИИ

Л. И. Вигерина

Изучение «Хожения за три моря» Афанасия Никитина в российской филологической науке XXI века

Уникальное произведение русской словесности XV века «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, несмотря на длительную и плодотворную историю его изучения, остается во многом загадочным для читателей XXI века. Нерешенными или дискуссионными на сегодня являются вопросы, связанные как с личностью автора, его мировоззренческой позицией, целью путешествия, так и со спецификой «Хожения» как литературного памятника. Цель статьи – определить основные тенденции в изучении «Хожения» в российской филологической науке XXI века. Новизна прочтения «Хожения» в XXI веке связана с применением современной методологии и методики анализа литературного произведения. Описываются ключевые проблемы в изучении памятника: проблема автора, авторского сознания; способы конструирования своей культурной и религиозной идентичности Афанасием Никитиным; мотивы обращения Афанасия Никитина к восточным языкам; «мусульманский код» «Хожения», его связь с философией суфизма; типологические связи памятника с иноязычными травелогами и другие. В статье делается вывод о значительном вкладе российской филологии XXI века в осмысление «Хожения за три моря» и о перспективности намеченных направлений изучения памятника.

Ключевые слова: «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, обзор научной литературы, российская филология XXI века, методология.

Для цитирования: Вигерина Л. И. Изучение «Хожения за три моря» Афанасия Никитина в российской филологической науке XXI века // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 10–28. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_10. EDN: ACLQXG

Изучение «Хожения за три моря» Афанасия Никитина было начато в середине XIX века академиком Измаилом Ивановичем Срезневским в работе «Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472» [14], уже в XX веке основательно изучено Н. С. Трубецким [16], Д. С. Лихачевым [7], Б. Успенским [18], Я. С. Лурье [8], Л. С. Семеновым [10] и другими учеными. Они внесли значительный вклад в исследо-

вание истории текста, его жанровой природы, образа автора, языка, места и значения памятника в истории русской культуры. Труды названных ученых являются теоретической и историко-литературной базой для современных исследователей данного памятника.

Несмотря на успехи науки в осмыслении «Хождения за три моря», многие вопросы, связанные с личностью автора, хронологией его путешествия, своеобразием поэтики, остаются нерешенными и дискуссионными. В XXI веке и особенно в настоящее время наблюдается повышенный интерес к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина, что отмечают и современные отечественные и зарубежные исследователи¹. Так, А. Г. Бобров в статье «Новейшие исследования “Хождения за три моря” Афанасия Никитина» указал: «Научный и общественный интерес к “Хождению за три моря” и его автору заметно увеличился в самое последнее время, и тому есть ряд причин, как социально-политических, так и культурно-исторических» [3, с. 242]. Среди причин активизации внимания к личности Афанасия Никитина и его сочинению ученый назвал следующие: «С одной стороны, этот интерес определяется общим «поворотом на Восток» российской политики, а с другой – судьбы многих соотечественников, по разным причинам оказавшихся в иноязычной и инокультурной среде, напоминают жизненный путь Афанасия Никитина» [3, с. 242].

Внимание ученых к «Хождению за три моря», с нашей точки зрения, обусловлено и развитием современной филологической науки, разработкой актуальных историко-литературных и теоретических проблем: теории и истории травелога, автора и героя, авторской маски, теории межкультурной коммуникации, гипертекста, в частности, мусульманского, индийского, персидского текстов русской литературы.

В статье будет представлен обзор репрезентативных исследований о «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, демонстрирующих основные направления в изучении литературного памятника в XXI веке.

¹ См., например, материалы IV Международного форума Иранской ассоциации русского языка и литературы: От Каспия до Персидского залива: По следам Афанасия Никитина. К 550-летию открытия сочинения Афанасия Никитина о путешествии по Персии и Гундустану. Тезисы научных докладов IV Международного форума ИАРЯЛ с 29 сентября по 2 октября 2024 г. Тегеран-Баболсар. Тегеран: Изд-во Тегеранского ун-та, 2024. 149 с.

Анализ биографии средневекового книжника и обзор современных исторических и текстологических исследований «Хожения» Афанасия Никитина, представленный в книге В. А. Толстова «Афанасий Никитин», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» в 2023 году [15], сделан в статье А. Г. Боброва [3], поэтому в настоящей статье мы сосредоточимся на анализе научных источников, посвященных преимущественно поэтике памятника и выполненным в рамках более широких теоретических и историко-литературных исследований.

Кратко остановимся на основных положениях и выводах ценной статьи А. Г. Боброва, посвященной недавно вышедшим изданиям: книге В. А. Толстова «Афанасий Никитин» и книге «Хожение за три моря» Афанасия Никитина с обновленной археографией, изданной А. П. Богдановым [2]. Ученый подчеркнул, что В. А. Толстов «подошел к написанию биографии Афанасия Никитина скорее не как исследователь, а как журналист и экскурсовод, но анализ его книги позволит обратиться к дискуссионным и нерешенным вопросам научного изучения биографии путешественника и самого “Хожения за три моря”» [3, с. 242]. Хотя книга В. А. Толстова имеет научно-популярный характер, тем не менее, с точки зрения ученого, допущенные исторические, хронологические и иные ошибки, связанные с незнанием исследований по вопросам текстологии «Хожения», могут ввести читателя его книги в заблуждение. Автор статьи не только указал на фактические ошибки, касающиеся исторических лиц и событий, текстологические неточности и неверные суждения о русском летописании, но и разъяснил для читателей суть ошибок, восстановив историческую точность. Он также отметил стилистическую небрежность писательской манеры автора биографии, в частности, «регулярное использование автором вульгаризмов, канцеляризмов и просторечий, иногда с использованием кавычек, а иногда и без оных» [3, с. 246]. С точки зрения А. Г. Боброва, книга В. А. Толстова об Афанасии Никитине «едва ли сможет удовлетворить взыскательного читателя»: «Написав много необязательного и ненужного, автор благополучно миновал самые важные нерешенные проблемы изучения жизни и творчества своего героя, по сути дела, уклонился от обсуждения вопросов о его биографии, о хронологии путешествия, о его маршруте, о рукописной традиции “Хоже-

ния» и др.» [3, с. 246]. Она может лишь послужить для заинтересованного читателя импульсом к более глубокому изучению биографии и «Хожения» Афанасия Никитина.

Критически оценил А. Г. Бобров и «новое академическое издание», как заявлено в издательской аннотации к книге, предпринятое А. П. Богдановым. Во-первых, с точки зрения А. Г. Боброва, «смысл повторной публикации многочисленных достаточно близких между собой переводов “Хожения за три моря” не очевиден и А. П. Богдановым не разъяснен». «Также лишены практической научной пользы, – по замечанию ученого, – перепечатки изданий древнерусских редакций сочинения Афанасия Никитина» [3, с. 247]. К тому же, по мнению А. Г. Боброва, «читатель получил по сравнению с оригиналами публикаций лишь испорченные в процессе сканирования и распознавания тексты» [3, с. 247], так как исследователь не вычитал тексты по древнерусским рукописям. Предисловие, в котором А. П. Богданов высказал свой взгляд на «Хожение», А. Г. Бобров расценивает как «направленное против большинства текстологических решений, принятых в воспроизведенном им издании («Хожения» Афанасия Никитина. – Л. В.) 1986 года» [3, с. 247].

Указывая на исторические, хронологические неточности, пренебрежение источниками, посвященными истории текста, разным редакциям «Хожения», А. Г. Бобров делает следующий вывод: «Отсутствие специальных знаний в области истории литературы и книжности именно XV века приводит А. П. Богданова к многочисленным ошибкам и заблуждениям» [3, с. 248]. Ссылаясь на свои исследования последних лет, а также на работы филологов-медиевистов¹, А. Г. Бобров в полемике с идеями А. П. Богданова уточняет и аргументированно представляет современное решение вопроса о хронологии путешествия Афанасия Никитина: «Таким образом, новейшие исследования “Хожения за три моря” позволяют пересмотреть хронологию путешествия Афанасия Никитина. Выехав из Москвы ранней

¹ См., например, работы: Городилин С. В. Царевич Касым, князь Александр Федорович и Афанасий Никитин // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2022. Вып. 14. С. 164–169; Грязнов А. Л. «А подписал дьяк Леваш»: Администратор и дипломат на службе русских митрополитов // Акротерий. Проблемы истории, искусствоведения, архитектуры и реставрации. Сборник статей в честь Александра Гавриловича Мельника. М., 2022. С. 38–62; Новикова О. Л. Из истории редактирования летописных памятников в Кирилло-Белозерском монастыре на рубеже XV–XVI веков // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 206–235.

весной 1467 года, Афанасий Никитин вернулся на Русь и скончался в окрестностях Смоленска в начале 1473 года» [3, с. 253].

Исследователь уточняет вопрос о цели путешествия тверского купца: «Включение “Хождения за три моря” в состав летописного свода 1480-х годов, предположительно связанного с митрополитом Геронтием, косвенно подтверждает не “мирские”, а церковные интересы путешественника. Целью его странствия, скорее всего, являлись индийские специи (“зелья”), необходимые для сотворения священного мира, “вещества таинств”, используемого при крещении» [3, с. 253]. Более развернутое решение вопроса о цели путешествия тверского купца представлено в специальной статье А. Г. Боброва «Что искал в Индии Афанасий Никитин» [4].

Материалы и методы

Мы сосредоточим внимание на филологических и междисциплинарных исследованиях XXI века, посвященных «Хождению за три моря», и определим основные направления в изучении текста памятника в современной российской филологической науке и перспективы его дальнейшего изучения.

Отметим, что чаще в научных трудах XXI века «Хождение за три моря» привлекается в качестве литературного материала для решения актуальных историко-литературных, историко-культурных или теоретических проблем. О такого рода работах и пойдет речь в основной части статьи.

Результаты

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина – один из значимых памятников русской культуры, вызывающий и сегодня споры о личности автора, о смысле использовании иноязычной лексики Никитиным, о сохранении или потере веры героем-повествователем, не утихают споры о толковании отдельных «темных» мест его травелога, о событийности, о своеобразии нарратива и другие. Об этом свидетельствуют труды современных ученых, все они в той или иной степени носят проблемно-полемический характер, обусловленный сложностью литературного материала.

Российской наукой накоплен значительный опыт по осмыслению памятника. Каким предстает автор и его сочинение

в трудах ученых первой четверти XXI века? Какие вопросы остаются до сих пор нерешенными? Обзор современных научных источников поможет прояснить перспективы будущих исследований «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.

Ключевым вопросом в изучении памятника как в предшествующую эпоху, так и сегодня остается вопрос об авторе и герое, об особенностях мировоззренческой позиции Афанасия Никитина и связанный с предыдущим вопросом об особенностях нарратологической структуры «Хождения», о его событийности.

В докторской диссертации¹ и работах О. Ю. Осьмухиной [9], посвященных изучению авторской маски в русской литературе, делается вывод о том, что истоки авторской маски можно обнаружить в жанрах русской средневековой литературы, не подчиняющихся средневековому этикету, таких, как моление и травелог. Анализ «Хождения за три моря» Афанасия Никитина в аспекте авторской маски приводит ученого к выводу: «В “Хождении за три моря” Афанасия Никитина попыткой определения собственного места в не просто “чужой”, но чуждой реальности становится непоследовательное, ситуативное использование повествователем авторской маски, функционирующей как в речи (контаминация мусульманских и христианских выражений), так и в поведении (контаминация мусульманских и христианских обрядов) Никитина. Маска здесь – средство сохранения собственной индивидуальности, прежде всего самости религиозной»². «Прием авторской маски, – подчеркивает исследователь, – используется в “Хождении” в рамках “антиповедения” повествователя, о чем, несомненно, свидетельствует тенденция к саморефлексии в образе автора повествования – именно отчетливо выраженное авторефлексивное начало и порождает авторскую маску»³. В этом смысле точка зрения исследовательницы близка мнению Б. А. Успенского об «антиповедении» Афанасия Никитина в «чужом» пространстве [18].

Продуктивным в изучении памятника представляется комплексный подход, предложенный в диссертационной работе

¹ Осьмухина О. Ю. Авторская маска в русской прозе 1760–1830-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2009. 455 с.

² Осьмухина О. Ю. Авторская маска в русской прозе 1760–1830-х годов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2009. С. 21.

³ Там же. С. 21.

Д. С. Смирновой¹, который предполагает междисциплинарный характер исследования и включает лингвистический и литературоведческий анализы. Отметим, что работы исследовательницы посвящены теоретической проблеме дискурсивного конструирования, нарратива, однако выполненные на материале «Хожения», они многое проясняют в поэтике текста. Используя теорию межкультурной коммуникации, лингвистический анализ, дискурс-анализ и нарратологический подход, Д. С. Смирнова по-новому взглянула на искусство повествования Афанасия Никитина, попыталась определить, чем руководствовался средневековый автор в выборе тех или иных повествовательных стратегий в своем «Хожении».

Сложность нарратологической структуры «Хожения», с точки зрения Д. С. Смирновой, состоит в том, что ненарративный текст, включающий большое количество описательных фрагментов (молитв, молитвенных воззваний, зарисовок природы, культуры чужой земли, быта), обладает имплицитной событийностью, которая достигается, с ее точки зрения, использованием восточных языков, которые маркируют внутреннюю конфликтность героя-повествователя: «автор вкладывает в уста Афанасия Никитина-нарратора иностранное слово, тем самым наделяя автореферентный акт молитвы событийностью» [12, с. 202].

Интересно, но не бесспорно наблюдение исследовательницы над описанием боевых индийских слонов в «Хожении», структурированным по принципу «нанизывания» (от большого к малому), которое она связывает с фольклорной традицией (дуб, сундук, утка, яйцо, иголка). «Действительно, – пишет Д. С. Смирнова, – выбирая подобные стилистические средства Афанасий Никитин <...> сближает историю и литературу и придает итеративным высказываниям оттенок нарративности» [12, с. 202]. Анализ нарративной структуры «Хожения» приводит исследователя к выводу об уникальности писательского таланта средневекового автора, о его искусстве выстраивания сюжета и повествования.

«Хожение за три моря» рассматривается исследовательницей как «уникальное текстовое воплощение раннего опыта

¹ Смирнова Д. С. Дискурсивное конструирование опыта межкультурной коммуникации в биографическом нарративе (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 198 с.

межкультурной коммуникации» в русской литературе»¹. Среди средств конструирования такого опыта важнейшим Д. С. Смирнова считает использование иноязычных выражений, которые создают, по ее мнению, «эффект экзотики» в тексте, рассказывающем о «чужом» пространстве для русского читателя. Однако сама исследовательница сознает зыбкость такой трактовки, так как восточный колорит повествования мог быть создан и иными средствами. Исследовательница указывает на психологический смысл иноязычных вставок, которые должны были «поддерживать у индивидуальной личности ощущение принадлежности к группе, защищать индивида от психологического стресса, вызванного существованием в обществе этнических предубеждений и явлений, способных поколебать целостность и самоидентичность индивида»². В этом смысле Д. С. Смирнова солидарна с точкой зрения Н. С. Трубецкого, слова которого она и цитирует в своей статье: «...тут была потребность обращения к Богу не на обычном, понятном для всех языке – потребность, отмеченная в психологии религии разных времен и народов. Но была тут и своеобразная символика религиозного одиночества»³.

Анализ иноязычных вставок, нарративных стратегий автора приводит исследователя к выводу о важности для героя-повествователя сохранения его религиозной идентичности, но все же «несмотря на усилия Афанасия Никитина сохранить свою культурную идентичность», он стал «религиозным маргиналом»⁴.

Вместе с тем в работах Д. С. Смирновой есть положения, с которыми трудно согласиться. Так, например, в связи с образом «бесерменина Мелика» она выдвигает предположение, что «данный персонаж является вымышленным, так как его слова “поистине, ты не кажешься мусульманином, но и христианства не знаешь” (перевод С. Н. Кистерева) копируют мысли самого нарратора» [13, с. 35]. Возникает вопрос, не осовременивает ли исследователь отчасти персонажей и героя-повествователя, учитывает ли специфику средневековой литературы.

¹ Смирнова Д. С. Дискурсивное конструирование опыта межкультурной коммуникации в биографическом нарративе (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. С. 4.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

Обсуждение вопросов иноязычных вставок, культурной и религиозной идентичности Афанасия Никитина, его отношение к исламу, вопрос о перемене или сохранении веры является центральным едва ли не во всех современных трудах.

В статье «Свой среди чужих» [10] О. В. Родионова предлагает рассмотреть отношение Афанасия Никитина к исламу и мусульманам с точки зрения отношения к исламу в средневековой Руси. Исследовательница убедительно доказывает, что Афанасий Никитин не мог не осознавать, что, отправляясь в путешествие на Восток, он отправляется в грешную землю. В этой связи О. В. Родионова указывает, что само заглавие памятника подчеркивает своеобразие его содержания – описание грешного путешествия. Исследовательница ссылается на Б. А. Успенского, отметившего, что название сочинения Афанасия Никитина имеет символический, а не географический характер. «Замечательно, – подчеркивает О. В. Родионова, – что сам Афанасий Никитин характеризует свое сочинение именно как “грешное хождение”». По ее мнению, «это не традиционный прием самоуничужения, но точное указание на обратный, “перевернутый” характер данного “хождения”» [10, с. 127]. Она сопоставляет в этом плане «Хождение» Афанасия Никитина с визионерскими текстами, в частности, с «Божественной комедией» Данте. Тогда один из внутренних смыслов его путешествия, по мнению исследователя, заключается в следующем: «Как Данте, Афанасий Никитин тверд в своих убеждениях, но вместе с тем стремится понять и почувствовать видимых персонажей, познать Бога и самого себя» [10, с. 127]. Связь с визионерскими текстами обнаруживается исследовательницей и в «причудливой “смеси” бытописания и мифологии»: «рядом с перечислением цен на базаре (“один я человек, а на харч два с половиной алтына в день идет”) появляются рассказы о дивных существах (“змеи ползают по две сажени” – и это в большом, стольном, по словам Никитина, городе); у обезьян есть “язык свой”, а непохожих на родителей детенышей обезьяны бросают, их подбирают индустанцы, “да учат всяким ремеслам”; птица гукук приносит смерть (“на чьем доме сядет, там человек умрет”) и “огонь изо рта пускает”» [10, с. 127–128].

Еще одна загадка сочинения Афанасия Никитина – в смешении языков в тексте памятника. О. В. Родионова предлагает

свою точку зрения на вопрос о причинах и смысле использования иноязычной лексики в «Хожении»: «Греховность места обуславливает применение заведомо неправильного, “нечистого” языка. Применение “неправильного” языка может быть обусловлено в одних случаях непристойным содержанием (обычно, когда речь идет о проституции), а в других – ненормальным местом (ситуацией)» [10, с. 129].

Анализ фрагментов текста с иноязычными вставками (о псах-бесерменах, кафирах, о правильной вере, молитва после разговора с Маликом) приводит исследователя к заключению: «Таким образом, перед нами лингвокультурологическое творчество Афанасия Никитина, которое, с одной стороны, несколько снижает существующий антагонизм с “бесерменами”, а с другой – напротив, дополнительно подчеркивает его использованием непонятного читателю языка, что призвано лишний раз промаркировать противоположное, антикультурное, антиподное пространство, в котором находится автор» [10, с. 135].

Вопрос о перемене православной веры героем-повествователем или ее сохранении исследователь решает положительно: «На наш взгляд, пристрастный интерес путешественника (имеется в виду интерес к исламу, знание “столпов ислама”. – Л. В.) никоим образом не выводит его из православия» [10, с. 129].

К анализу иноязычных вставок и, в частности, имен Бога обратился в своей статье «Мусульманский код “Хожения за три моря” Афанасия Никитина» П. В. Алексеев и предложил иное видение внутреннего сюжета произведения и образа героя-повествователя. «Хожение» Афанасия Никитина он рассматривает как «первый случай [в русской литературе. – Л. В.] оформления и функционирования скрытой мусульманской структуры, значимой для раскрытия идейного содержания всего произведения». Он предлагает новый подход к изучению «Хожения» – не с точки зрения христианского сознания, менталитета, а с позиций «самопонимания мусульманской культуры» [1, с. 70–71], ислама.

П. В. Алексеев указывает на неточности перевода некоторых иноязычных слов и выражений, которые возникли вследствие того, что не были учтены особенности мусульманской культуры и менталитета. С позиций глубокого знания ислама многие фрагменты текста, как и текст в целом, прочитываются иссле-

дователем иначе, чем это имеет место в существующих комментариях к «Хожению» и научных интерпретациях памятника.

Он считает, что «вместо принципа аналогий», который чаще всего применяется в комментариях, следует толковать мусульманские феномены не через подбор христианских аналогий, как, например, дервиш – монах, а учитывая мусульманский код, с помощью которого только и можно адекватно прочесть «Хожение».

П. В. Алексеев считает, что на вопрос о том, принял ислам Афанасий Никитин или сохранил православную веру, ответить однозначно нельзя. С его точки зрения, проблема намного сложнее: «Картину мира человека, о котором мы знаем только с его собственных слов, практически невозможно описать одной “застывшей” характеристикой: отношение Никитина к Исламу не исчерпывается определением “мусульманин” или “не мусульманин”» [1, с. 71]. Исследователь считает, что важно «на вопрос о том, кем себя считал Никитин, или, кем он был по религии, на основании имеющихся текстовых данных необходимо согласиться» с мнением С. Я. Лурье и других, кто считает, что герой-повествователь «не мог принять ислам» [8, с. 77–78], но на «вопрос о том, категориями какой семиотической системы Никитин воспринимал Бога и бытие или кем он был по вере, приходится признать мусульманскую доминанту» [1, с. 71].

В своей статье П. В. Алексеев на основе анализа иноязычных вставок и имен Бога в «Хожении» с помощью мусульманского кода доказывает, что Афанасий Никитин был религиозным вольнодумцем своего времени. В подтверждение этой идеи он обращается к культурно-историческому контексту XV века.

Внутренний сюжет судьбы Афанасия Никитина исследователь рассматривает в связи с общей культурно-исторической ситуацией эпохи Предвозрождения: «Хожение» Афанасия Никитина зафиксировало сложную ситуацию одновременно духовного поиска и протеста личности XV века в условиях формирования на территории Руси централизованного Московского государства, «когда от верующего требовалось быть не “христианской личностью”, как в минувшие века, а дисциплинированным адептом церкви, следовавшим всему, чего требовало от него наружное благочестие и внешняя обрядовость» [1, с. 71–72].

Исследователь доказывает, что мировоззренческая позиция Афанасия Никитина в его путешествии сформировалась под влиянием суфизма: «В этом прорыве к надконфессиональному пониманию Бога видится несомненное влияние мусульманской мистической философии – суфизма, в форме которого, главным образом, ислам и распространялся в Индии XV века» [1, с. 72]. Для доказательства данной идеи он анализирует использование божественных имен Афанасием Никитиным и сопоставляет образ автора с лирическими образами поэзии суфизма, обнаруживая «близость философских позиций Никитина суфизму» [1, с. 72].

В докторской диссертации П. В. Алексеева «Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма» «Хожение» рассматривается как важнейшая составляющая восточного текста русской литературы: «Благодаря этому памятнику XV века в русском ориентализме изначально заложена базовая программа взаимоотношения русского человека с Востоком: обязательное глубокое погружение в восточный менталитет (протеизм на грани отступничества) и право на собственно русское познание и присвоение Востока»¹.

Научные работы П. В. Алексеева, посвященные исследованию «Хожения», несомненно, внесли значимый вклад в научное осмысление памятника и в то же время поставили перед учеными новые вопросы, требующие своего разрешения.

В рамках изучения образа Индии в русской литературе к «Хожению за три моря» Афанасия Никитина обращается Е. В. Фисковец. В ее работах [17]² выдвинуто предположение о том, что Афанасию Никитину были близки индуистские духовные ценности. Слова героя-повествователя «Хожения за три моря»: «... а правую веру Богъ ведает. А права вера Бога единого знати, и имя его призыва на всяком месте чисте чисто», – она связывает с услышанным и осмысленным Афанасием Никитиным наставлением Кришны Арджуне: «В чистом месте воздвигнув твердую опору для себя <...>, сосредоточив сознание на одном, подавивший деятельность мысли и чувств,

¹ Алексеев П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2016. С. 14.

² Фисковец Е. В. Образ Индии в русской литературе: между реальностью и мечтой: автореф. дис. ... канд. филол. Петрозаводск, 2011. 22 с.

воссев на той опоре, да прибегнет он к йоге ради самоочищения»¹. Отметим, что тот же фрагмент «Хожения» Афанасия Никитина П. В. Алексеев связывает с суфизмом, с мусульманской семиотической системой.

Предположение Е. В. Фисковец о восприятии Индии Афанасием Никитиным как святой земли, а своего путешествия как паломничества, с нашей точки зрения, требует более убедительных доказательств. Думается, что вопрос о восприятии Индии Афанасием Никитиным и связи его с индуизмом гораздо сложнее и требует более тщательного изучения, но как введение в проблему представляет интерес.

Среди направлений изучения «Хожения» в современной науке следует назвать сравнительно-типологические исследования. Одним из примеров такого рода работ является статья А. Ф. Галимуллиной «Образ повествователя в “Хожении” Афанасия Никитина и в “Записках Исмаила Бекмухамедова о его путешествии в Индию”» [5]. Сопоставляя травелоги разных эпох (XV и XVIII веков), написанных авторами, принадлежащими разным религиозным конфессиям и культурам, исследователь устанавливает общность памятников, основанную на константных чертах жанра путешествия, что свидетельствует, по ее мнению, о сложившейся традиции путевых записок, «усвоенных даже зажиточными горожанами» [5, с. 29].

Отличие заключается в специфике образа героя-повествователя: мусульманин Исмаил в Индии посещает святые для мусульман места и чувствует себя как «свой среди своих», иное положение у Афанасия Никитина, поэтому его образ оказывается психологически более сложным. Сравнивая произведения в художественном отношении, А. Ф. Галимуллина отмечает писательский талант Афанасия Никитина и документальный, лаконичный стиль Исмаила Бекмухамбетова.

Перспективной представляется в рамках интермедийных исследований и рецептивной эстетики тема восприятия Афанасия Никитина и его сочинения в литературе и искусстве. Примером такого рода исследований является статья О. С. Карандашовой и А. Ю. Сорочана «Образ Афанасия Никитина в русской литературе», в которой рассма-

¹ Фисковец Е. В. Образ Индии в русской литературе: между реальностью и мечтой: автореф. дис. ... канд. филол. Петрозаводск, 2011. С. 10.

тривается использование образа Афанасия Никитина в русской литературе XIX–XXI веков: от исторических романов И. И. Лажечникова «Басурман» и Н. В. Кукольника «Иоанн III, собиратель земли русской» до произведений детской литературы и постмодернистских опытов XXI века. Исследователи устанавливают причины обращения И. И. Лажечникова и Н. В. Кукольника к образу тверского купца (его известность в русской культуре XIX века благодаря «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, публикация текста «Хождения за три моря» в 1821 году в «Софийском временнике», а также восприятие Афанасия Никитина как выдающейся личности XV века) и делают выводы о своеобразии его художественного воплощения: «Каждый из них стремился добиться собственных целей, и персонаж становился выразителем определенных религиозно-мистических (в первом случае [Лажечников. – Л. В.]) и политических (во втором [Кукольник. – Л. В.]) идей. Но в обоих случаях реальность исторического факта и конкретно-исторического героя разрушалась за счет вымысла» [6, с. 56].

Авторы обратили внимание на актуализацию и востребованность образа Афанасия Никитина в детской литературе XXI века и разнообразии писательских стратегий его художественного воплощения. В книге Е. Мурашовой «Афанасий Никитин: повесть о тверском купце» (2005) Афанасий Никитин представлен прежде всего горячим патриотом, достойным примером для подражания. В сценарии анимационного фильма «Хождение за три моря» М. Ардашева Афанасий Никитин «изображается как исключительно положительный герой, но его образ и его путешествие являются фоном для приключений и философских исканий собаки» [6, с. 58], хозяином которой и является Никитин.

В серии книг Е. Гаглоева «Афанасий Никитин и Создатель механизмов», «Афанасий Никитин. Повелитель ящериц» и других применяется, по мнению ученых, прием, характерный для постмодернизма – «использование известного в истории, культуре и предшествующей литературе имени, по сути оторванного от прообраза» [6, с. 59].

Статья О. С. Карандашовой и А. Ю. Сорочана демонстрирует неослабевающий интерес русской культуры и лите-

ратуры к личности Афанасия Никитина и его путешествию вплоть до современности.

Обсуждение и выводы

Мы рассмотрели далеко не все научные источники XXI века, посвященные «Хожению за три моря», но наиболее репрезентативные, демонстрирующие основные подходы к памятнику в современной филологической науке.

Представленные в обзоре работы демонстрируют многообразие методологических и методических подходов к тексту: нарратологический, дискурсивный, интертекстуальный и интермедиаальный, имагологический, сравнительно-типологический. «Хожение за три моря» рассматривается в современных исследованиях в контексте проблем гипертекста, дискурсивного конструирования опыта межкультурной коммуникации, автора и героя, авторской маски.

В изучаемых статьях представлены разные точки зрения на важнейшие вопросы содержания и поэтики «Хожения за три моря», что свидетельствует о том, что на сегодня нет единого мнения о мировоззренческой позиции Афанасия Никитина; остается вопрос о внутреннем сюжете его «Хожения», о перемене или сохранении религиозной веры героем-повествователем, жанрового своеобразия, стиля и некоторые другие.

Из нашего обзора очевидно, что наиболее спорным и требующим усилий ученых представляется вопрос об иноязычных вставках в сочинении Афанасия Никитина и связанный с ним вопрос об отношении героя-повествователя к исламу, индуизму, к религиям, с которыми он познакомился в своем путешествии.

Перспективы дальнейшего изучения «Хожения за три моря» в историческом, текстологическом аспекте намечены А. Г. Бобровым: «Наряду с публикацией всех трех редакций сочинения Афанасия Никитина, представляется необходимой подготовка обоснованной в каждом конкретном чтении реконструкции архетипного текста произведения, а также основанного на ней нового перевода на современный русский язык. Потребуется также написание уточненных историко-географических и текстологических комментариев и статей, посвященных хронотопу «Хожения за три моря» Афанасия Никитина, его изучению и восприятию в Новое и Новейшее

время, происхождению и бытованию его списков в древнерусской рукописной традиции» [3, с. 253–254].

Из представленных в нашем обзоре научных источников становится ясно, что актуальными и перспективными являются сравнительно-типологические исследования, изучение памятника в рамках проблемы травелога, гипертекста, ин-термедийальных и интертекстуальных связей «Хожения за три моря» Афанасия Никитина.

Список литературы

1. Алексеев П. В. Мусульманский код «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 3 (15). – С. 70–74.
2. Афанасий Никитин. Хожение за три моря / сост. и предисл. А. П. Богданова. – М.: Алма матер, 2024. – 415 с.
3. Бобров А. Г. Новейшие исследования «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // Русская литература. – 2024. – № 2. – С. 241–254.
4. Бобров А. Г. Что искал в Индии Афанасий Никитин // *Rossica Antiqua*. – 2017. – № 2 (15). – С. 124–143.
5. Галимуллина А. Ф. Образ повествователя в «Хожении Афанасия Никитина» и «Записках Исмаила Бекмухамедова о его путешествии в Индию» // Вестник Татарского гос. гуманитарно-педагогического ун-та. – 2009. – № 1 (16). – С. 25–29.
6. Карандашова О. С., Сорочан А. Ю. Образ Афанасия Никитина в русской литературе // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2020. – № 1 (64). – С. 53–60.
7. Лихачев Д. С. Хожение за три моря Афанасия Никитина // Лихачев Д. С. Великое наследие. – М., 1980. – С. 299–304.
8. Лурье Я. С. Русский чужеземец в Индии XV века // «Хожение за три моря» Афанасия Никитина / изд. подгот. Я. С. Лурье и Л. С. Семенов. – Л.: Наука, 1986. – С. 61–87.
9. Осьмухина О. Ю. Авторская маска как способ самоидентификации реальной личности в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина // Вестник Поморского ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2006. – Вып. 8. – С. 199–204.
10. Родионова О. В. Свой среди чужих // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2016. – Вып. 1 (762). – С. 117–138.
11. Семенов Л. С. Хронология путешествия Афанасия Никитина // Хожение за три моря Афанасия Никитина / подгот. изд. Я. С. Лурье и Л. С. Семенова. – Л., 1986. – С. 88–107.
12. Смирнова Д. С. Нарратологическая структура «Хожения за три моря Афанасия Никитина» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2009. – № 7 (1). Вып. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 199–203.
13. Смирнова Д. С. Категория событийности в биографическом нарративе (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // Вестник Университета Российской академии образования. – 2011. – № 1. – С. 30–36.
14. Срезневский И. И. Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1857. – [2], 88 с.
15. Толстов В. А. Афанасий Никитин. – М.: Молодая гвардия, 2023. – 247 с. (серия «Жизнь замечательных людей», вып. 1978).
16. Трубецкой Н. С. "Хожение за три моря" Афанасия Никитина как литературный памятник // Версты / под ред. Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского; под рук. С. Я. Эфрона; при участии А. М. Ремизова, М. И. Цветаевой, Л. И. Шестова. – 1926. – № 1. – С. 164–186.

17. Фисковец Е. В. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина: Индия глазами русского путешественника // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: материалы 6-й Межвузовской научной конференции. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. – С. 66–69.

18. Успенский Б. А. Дуалистический характер средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина) // Успенский Б. А. Избранные труды. В 3 т. – М.: Генезис, 1994. – Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – С. 254–297.

Liudmila Vigerina

Study of Afanasy Nikitin's *A Journey beyond the Three Seas* in Russian Philology of the 21st Century

A unique work of Russian literature of the 15th century, Afanasy Nikitin's *A Journey Beyond the Three Seas*, despite a long and fruitful history of its study, remains largely mysterious to readers of the 21st century. Unresolved or controversial issues are related to the author's personality, his ideological position, the purpose of the journey, and the specifics of *Journey* as a literary monument. The purpose of the article is to identify the main trends in the study of *Journey* in Russian philology of the 21st century. The novelty of *Journey* interpretation in the 21st century is associated with the use of modern methodology and methods of literary analysis. One of the key issues in the study of the monument is the problem of the author, his consciousness. In the works of O. Yu. Osmukhina, *Journey* is analysed in the aspect of the author's mask. From the standpoint of narratology and intercultural communication, D. S. Smirnova analyses the ways of constructing his cultural and religious identity by Afanasy Nikitin. Within the framework of the current problem of Islam and Russian Literature the motives of Afanasy Nikitin's appeal to Eastern languages (D. S. Smirnova, P. V. Alekseev, O. V. Rodionova and others), the Muslim code of *Journey*, its connection with Sufism (P. V. Alekseev) are studied. A number of works are devoted to the goals of Afanasy Nikitin's journey (A. G. Bobrov), typological connections of the monument with foreign travelogues (A. F. Galimullina), and the analysis of *Journey* as the most important component of the Indian text of Russian literature (E. V. Fiskovets). The article concludes about the significant contribution of Russian philology of the 21st century to the understanding of *A Journey Beyond the Three Seas* and the prospects in studying of the monument.

Key words: *A Journey Beyond the Three Seas* by Afanasy Nikitin, scientific literature review, Russian philology of the 21st century, methodology.

For citation: Vigerina, L. I. (2024) Izuchenie «Hozheniya za tri morya» Afanasiya Nikitina v rossijskoj filologicheskoj nauke XXI veka [Study of Afanasy Nikitin's *A Journey beyond the Three Seas* in Russian Philology of the 21st century]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 10–28. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_4_10. EDN: ACLQXG

References

1. Alekseev, P. V. (2009) Musul'manskij kod «Hozheniya za tri morya» Afanasiya Nikitina [Muslim code of Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas"]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture, Education*. No. 3 (15). Pp. 70–74. (In Russian).
2. Bogdanov, A. P. (2024) (ed.) Afanasij Nikitin. *Hozhenie za tri morya* [Journey Beyond Three Seas; comp. and foreword by A. P. Bogdanov]. Moscow: Alma mater Publ. (In Russian).
3. Bobrov, A. G. (2024) Novejšie issledovaniya «Hozheniya za tri morya» Afanasiya Nikitina [The latest research on Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas"]. *Russkaya literatura – Russian Literature*. No. 2. Pp. 241–254. (In Russian).

4. Bobrov, A. G. (2017) CHto iskal v Indii Afanasij Nikitin [What Afanasy Nikitin was looking for in India]. *Rossica Antiqua – Rossica Antiqua*. No. 2 (15). Pp. 124–143. (In Russian).
5. Galimullina, A. F. (2009) Obraz povestvovatelya v «Hozhenii Afanasiya Nikitina» i «Zapiskah Ismaila Bekmukhamedova o ego puteshestvii v Indiyu» [The Image of the Narrator in Afanasy Nikitin's Journey and Ismail Bekmukhamedov's Notes on His Journey to India]. *Vestnik Tatarskogo gos. gumanitarno-pedagogicheskogo un-ta – Bulletin of the Tatar State Humanitarian and Pedagogical University*. No. 1 (16). Pp. 25–29. (In Russian).
6. Karandashova, O. S., Sorochan, A. YU. (2020) Obraz Afanasiya Nikitina v russkoj literature [The Image of Afanasy Nikitin in Russian Literature]. *Vestnik TvGU. Seriya Filologiya – Bulletin of TvSU. Series Philology*. No. 1 (64). Pp. 53–60.
7. Lihachev, D. S. (1980) Hozhdenie za tri morya Afanasiya Nikitina [Afanasy Nikitin's Journey Beyond Three Seas]. Lihachev D. S. *Velikoe nasledie* [The Great Heritage]. Moscow. Pp. 299–304. (In Russian).
8. Lur'e, YA. S. (1986) Russkij chuzhezemec v Indii XV veka [Russian Stranger in 15th Century India]. «Hozhenie za tri morya» Afanasiya Nikitina; izd. podgot. YA. S. Lur'e i L. S. Semenov [Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas"; prepared by Ya. S. Lurye and L. S. Semenov]. Leningrad: Nauka Publ. Pp. 61–87. (In Russian).
9. Os'muhina, O. YU. (2006) Avtorskaya maska kak sposob samoidentifikacii real'noj lichnosti v «Hozhdenii za tri morya» Afanasiya Nikitina [The Author's Mask as a Way of Self-Identification of a Real Personality in Afanasy Nikitin's "Journey Beyond Three Seas"]. *Vestnik Pomorskogo un-ta. Ser.: Gumanitarnye i social'nye nauki – Bulletin of the Pomor University. Ser.: Humanitarian and Social Sciences*. Issue 8. Pp. 199–204. (In Russian).
10. Rodionova, O. V. (2016) Svoj sredi chuzhih [One of Our Own Among Strangers]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Bulletin of Moscow State Linguistic University*. Issue 1 (762). Pp. 117–138. (In Russian).
11. Semenov, L. S. (1986) Hronologiya puteshestviya Afanasiya Nikitina [Chronology of Afanasy Nikitin's Journey]. *Hozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina; podgot. izd. YA. S. Lur'e i L. S. Semanova* [Voyage Beyond Three Seas by Afanasy Nikitin; prepared by Ya. S. Lurye and L. S. Semenov]. Leningrad: Nauka Publ. Pp. 88–107. (In Russian).
12. Smirnova, D. S. (2009) Narratologicheskaya struktura «Hozheniya za tri morya Afanasiya Nikitina» [Narratological Structure of "Voyage Beyond Three Seas by Afanasy Nikitin"]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya» – Bulletin of Tver State University. Series Philology*. No. 7 (1). Issue «Lingvistika i mezkul'turnaya kommunikaciya». Pp. 199–203. (In Russian).
13. Smirnova, D. S. (2011) Kategoriya sobytijnosti v biograficheskom narrative (na materiale «Hozheniya za tri morya» Afanasiya Nikitina) [The category of eventfulness in biographical narrative (based on Afanasy Nikitin's "Voyage Beyond Three Seas")]. *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya – Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*. No. 1. Pp. 30–36. (In Russian).
14. Sreznevskij, I. I. (1857) *Hozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina v 1466–1472* [Voyage Beyond Three Seas by Afanasy Nikitin in 1466–1472]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akademii nauk. (In Russian).
15. Tolstov, V. A. (2023) *Afanasij Nikitin* [Afanasy Nikitin]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (seriya «ZHizn' zamechatel'nyh lyudej», Issue 1978). (In Russian).
16. Trubeckoj, N. S. (1926) «Hozhenie za tri morya» Afanasiya Nikitina kak literaturnyj pamyatnik [“Journey Beyond Three Seas” by Afanasy Nikitin as a Literary Monument]. *Versty – Versty*. No. 1. Pp. 164–186. (In Russian).
17. Fiskovec, E. V. (2007) «Hozhenie za tri morya» Afanasiya Nikitina: Indiya glazami russkogo puteshestvennika [“Journey Beyond Three Seas” by Afanasy Nikitin: India through the eyes of a Russian traveler]. «Svoe i «chuzhoe» v kul'ture narodov Evropejskogo Severa [“Ours” and “Aliens” in the Culture of the Peoples of the European North]. Proceedings of the 6th Interuniversity Scientific Conference. Petrozavodsk: PetrGU Publ. Pp. 66–69. (In Russian).
18. Uspenskij, B. A. (1994) Dualisticheskij harakter srednevekovoj kul'tury (na materiale «Hozheniya za tri morya» Afanasiya Nikitina) [Dualistic nature of medieval culture (based on Afanasy Nikitin's "Voyage Beyond Three Seas")]. Uspenskij B. A. *Izbrannye trudy*. V 3 t. [Selected Works] Vol. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. Moscow: Genesis Publ. Pp. 254–297. (In Russian).

Об авторе

Вигерина Людмила Ивановна, доцент Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: livigerina@yandex.ru, ORCID ID: 0009-0005-4919-2343

About the Author

Liudmila Vigerina, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, PhD in Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: livigerina@yandex.ru, ORCID ID: 0009-0005-4919-2343

дата получения: 26.09.2024 г.
дата принятия: 30.10.2024 г.
дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 26 September 2024
date of acceptance: 30 October 2024
date of publication: 28 December 2024

А. Г. Гродецкая

Б. Н. Чичерин-мемуарист о литературных салонах Москвы 1840-х годов

Мемуары Б. Н. Чичерина, которые, как и его философские труды, «пленяют прелестью изложения» (Э. Радлов), имеют высокую ценность для истории русской общественной мысли, пространством реализации которой в 1840-е годы, в условиях жесткой николаевской цензуры, стали широко посещаемые литературные салоны Москвы. Именно в салонах в острых дискуссиях славянофилов и западников «выковывалась новая русская культура» (Д. Святополк-Мирский). Чичерин-мемуарист рисует живые и яркие картины жизни десятков московских салонов, как светских, так и литературных, выделяя дома А. П. Елагиной, Е. А. Свербеевой, К. К. Павловой, М. Д. Шеппинг, превратившиеся в дискуссионные аудитории славянофилов и западников. Выразительные портреты хозяев и гостей салонов, «людей сороковых годов», созданные мемуаристом, существенно дополняют известные литературные мемуары Панаева, Анненкова, Григоровича, Кавелина, отдельные главы «Былого и дум» Герцена. В статье обобщены важнейшие свидетельства как Чичерина, так и других мемуаристов, которые обогащают наше представление о русской салонной культуре и исторически обусловленных формах ее существования.

Ключевые слова: мемуары, Б. Н. Чичерин, люди сороковых годов, литературные салоны, А. П. Елагина, Е. А. Свербеева, К. К. Павлова, М. Д. Шеппинг.

Для цитирования: Гродецкая А. Г. Б. Н. Чичерин-мемуарист о литературных салонах Москвы 1840-х годов // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 29–45. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_29. EDN: CWJIDA

Известный философ, историк, правовед, публицист, один из идеологов русского либерализма Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) был также замечательным мемуаристом. Его «Воспоминания» [18], над которыми он работал в конце жизни, отличает, по словам их первого публикатора С. В. Бахрушина, «свежесть и сила» [18, с. 17]. И если чтение философских произведений Чичерина, как отмечал Э. Л. Радлов, «весьма полезно, ибо оно дисциплинирует ум, приучает читателя к стройности выводов и пленяет прелестью изло-

жения» [15, с. 901], то не менее пленяющи, можно утверждать, и его воспоминания. Своеобразие чичеринских мемуаров не обошел вниманием и В. В. Зеньковский, писавший: «Внутреннее равновесие, спокойствие, уравновешенность Чичерина всегда оставляли у современников впечатление какого-то бесстрастия и бесчувственности, но на самом деле, как это особенно видно по “Воспоминаниям”, натура у Чичерина была горячая, пламенная. Он умел глубоко и даже страстно чувствовать, но внутренняя уравновешенность постоянно как бы закрывала эти движения души» [7, с. 579].

Первая часть мемуаров Чичерина «Москва сороковых годов», относящаяся главным образом ко времени его учебы в 1845–1849 гг. на юридическом факультете Московского университета, рисует колоритную картину жизни «многочисленного и разнообразного» московского общества, когда «светская жизнь была блестящею, ибо принимающих домов было много, и дворянство не успело еще поразориться». «Тогдашняя Москва была преимущественно дворянским городом, – вспоминал он. – Тут жили зажиточные, независимые семьи, которые не искали служебной карьеры и не примыкали ко двору. Это налагало своеобразную печать на всю московскую жизнь. В ней не было того, что составляло и поныне составляет язву петербургского большого света, стремления всех и каждого ко двору, близость к которому определяет положение человека в свете. Слова и действия царственных особ и чиновные производства не занимали все умы и не были предметом постоянных толков» [18, с. 203].

Культурная и интеллектуальная жизнь Москвы была по преимуществу сосредоточена в широко посещаемых салонах, как светских, так и литературных. Принято считать, что салонная культура в России, пережив расцвет в первой трети XIX века, к 1840-м гг. не просто угасает, но разрушается [12], утрачивает влияние в социальной и литературно-художественной сферах, объективной причиной чему явилось завершение «дворянского» периода русской культуры, начало процесса ее демократизации. Между тем литературные и литературно-художественные салоны при общей тенденции к значительной культурной трансформации и утрате ряда специфических признаков салонности имели долгую жизнь

на протяжении не только XIX, но и XX столетия [13]¹. И для истории салонной культуры мемуары Чичерина, не часто цитируемые, дают исключительно ценный материал, включая подробный очерк о десятках блестящих московских салонов: Долгоруких, Пашковых, Нарышкиных, Базилевских, Васильчиковых, Бахметевых, Сушковых, Свербеевых, Павловых и многих других. Себя Чичерин-мемуарист представляет не без иронии: «Я был непременным участником всех собраний, постоянным гостем и литературных салонов и светских. <...> Я разъезжал, танцевал, играл с дамами в карты и точил язык с утра до ночи и с ночи до утра» [18, с. 218–219].

Материалы и методы

К 1830-м гг. салонная культура имела отчетливо оформленные социальные, эстетические, коммуникативные строго этикетные нормы бытования. Сложившиеся нормы в силу их кодифицированности и устойчивости на протяжении долгого времени воспринимались современниками именно как салонные, позволяя именовать салонами вполне определенные литературные и литературно-художественные объединения. В деятельности большинства литературных салонов середины и второй половины XIX века сохраняются регулярность собраний, относительно постоянный круг посетителей салона, общность их интересов, преимущественно литературно-художественных, и значительно большая в сравнении с литературными кружками открытость салонного пространства для общения допущенных к нему участников – в салонах присутствовала не только деятельная творческая, но и пассивная слушательская аудитория. Важнейшей чертой поздних салонов остается наличие в них *хозяев*, и особенно *хозяйки* салона, что и позволяет современникам почти безвариантно именовать *салонами* дома А. П. Елагиной, Е. А. Свербеевой, М. Д. Ховриной, К. К. Павловой, Е. П. Ростопчиной, Е. В. Салиас, Е. А. Штакеншнейдер и в конце века – С. А. Толстой (вдовы А. К. Толстого), А. П. Философовой, А. А. Давыдовой, Л. Я. Гуревич и ряд других. В классической салонной традиции, как французской, так и русской, хозяйка салона определяла его

¹ См. также: Канторович И. В. Московские литературные салоны 2-й четверти XIX века в общественно-культурной жизни России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 26 с.

статус, его успех, состав посетителей, характер времяпровождения и стиль общения. «Вести салон», как признавал в «Старой записной книжке» П. А. Вяземский, ностальгически вспоминая «золотой век» салонов, могла только просвещенная женщина, обладавшая особым складом ума, который, по его словам, «тем и обольщает и господствует, что он отменно чуток на чужой ум. Женский ум часто гостеприимен; он охотно зазывает и приветствует умных гостей, заботливо и ловко устроивая их у себя...» [2, с. 381]. Эту характерную особенность запечатлел Толстой в «Войне и мире» – за работой «разговорной машины» в салоне следит его хозяйка Анна Павловна Шерер. Существовали, как широко известно, и мужские салоны, однако преобладали, безусловно, салоны женские, а регулярные собрания в домах литераторов-мужчин, как правило, получали название литературных «обедов», «вечеров», «журфиксов» (по дням недели). Отличием поздних литературных салонов от салонов классической эпохи стало участие в них в организующей роли хозяйки популярных, признанных женщин-писательниц (К. К. Павлова, Е. П. Ростопчина, Е. А. Салиас), а к концу века и женщин – издателей и редакторов журналов (А. А. Давыдова, Л. Я. Гуревич).

Неотъемлемой частью салонной культуры, важнейшей формой ее организации была светская беседа, своеобразное элитарное речевое искусство, в котором языковая игра, острословие (*bon mot*) и соблюдение в общении этикета, хорошего тона (*bon ton*) придавали интеллектуальной дискуссии непринужденно-игровой характер [6; 12]. Об этой утраченной традиции прежних салонов не без горечи вспоминал уже цитированный выше Вяземский: «А какая была непринужденность, терпимость, вежливая и себя и других уважающая свобода в этих разнообразных и разноречивых разговорах! Даже при выражении спорных мнений не было и слишком кипучих прений...» [2, с. 494].

Мемуаристы, и не только Чичерин, как правило, подчеркивают сохраняющиеся элементы светского салонного этикета в поведении, манере одеваться, умении вести беседу того или иного гостя салона. Эталоном в этом отношении служил посетитель нескольких московских салонов в 1830–1840-х гг. П. Я. Чаадаев, с его отмеченными Чичериным «неукоризнен-

но светскими манерами» [18, с. 134]. И у него же находим воспоминание о другом посетителе московских салонов, выпускнике Московского университета, позднее известном философе-славянофиле Ю. Ф. Самарине: «Разговор у него был живой и блестящий, всегда в утонченной светской форме, нередко приправленный холодной и едкой иронией или острою шуткою» [18, с. 323]. Традиции светской галантности поддерживал и «умный, живой, даровитый» профессор римской словесности и древностей в Московском университете Д. Л. Крюков, появлявшийся в гостиных «всегда изящно одетый, *elegantissimus*, как называли его студенты» [18, с. 134].

Результаты

В 1840-е гг. в наследовании и поддержании салонной традиции Москве принадлежала особая роль. В историю русской культуры и, много шире, в историю русской философско-политической мысли вписаны несколько знаменитых московских литературных салонов. «Дебаты по философским, историческим и литературным вопросам, – писал Д. П. Святополк-Мирский, – главная и прославленная достопримечательность мыслящей Москвы конца тридцатых-сороковых годов – происходили в салонах Елагиных, Свербеевых, Хомяковых, у Чаадаева, у Каролины Павловой. В этих салонах выковывалась новая русская культура...» [16, с. 257]. Здесь названы славянофильские салоны (исключая Чаадаева), где зарождались и «выковывались» в жарких дебатах с западниками идеи ранних славянофилов. Особого внимания заслуживает тот общепризнанный факт, что русское западничество формировалось преимущественно в литературно-философских кружках (Станкевича, Герцена и Огарева, Грановского, Белинского, Кавелина), славянофильство зарождалось и оформлялось в целостную историко-философскую систему именно в московских салонах.

В условиях жесткой цензуры николаевской эпохи, когда публичное обсуждение социально-политических вопросов было под запретом, пространство для философско-исторических, политико-правовых, эстетических дискуссий создавали философско-литературные кружки, формировавшиеся главным образом в Московском университете и вокруг него. Поразительным явлением в 1840-х гг. в жизни «фило-

софствующей» Москвы (в отличие от чиновного Петербурга) стало перемещение острых интеллектуальных диспутов из кружков в салоны. Или, говоря иначе, московские салоны стали выполнять не свойственную им функцию дискуссионных клубов, семинаров – функцию, близкую роли кружков, студенческих аудиторий, критических отделов толстых журналов. Студенчество, профессура, ученые, публицисты и литературные критики стали их постоянными посетителями [17].

Как свидетельствовал, Чичерин «[у]мственный интерес в обществе был возбужден; студенты слушали жадно и боготворили своих профессоров; из университета выходили даровитые молодые люди, которые обещали прибавление новых сил к тесному кругу русского образованного общества. Друзья собирались постоянно, обсуждали все вопросы дня, все явления науки и литературы, проводили иногда долгие ночи в оживленных беседах. Самые их противники, славянофилы, существовали кажется, только для того, чтобы придать более яркости мысли, более живости прениям. Временно обострившиеся отношения смягчились; споры возобновились по-прежнему; собирались в литературных салонах у Свербеевых, у Елагиной. Это была, можно сказать, пора поэтического упоения мыслью в университете и в окружающем его обществе» [18, с. 158]. Любопытен здесь, конечно, саркастический отзыв о славянофилах, среди которых были такие выдающиеся ученые, мыслители, ораторы и полемисты, что Чичерин, убежденный западник, сторонник и последователь идей Т. Н. Грановского¹, вынужден будет позднее в той или иной степени признать.

Вспоминая первые острые дискуссии славянофилов и западников, Герцен отмечал: «Война наша сильно занимала литературные салоны в Москве», и уточнял: «Говоря о москов-

¹ Вспоминая первую встречу с Грановским в салоне Павловых, Чичерин писал: «Здесь в первый раз я увидел этого замечательного человека, который имел на меня большее влияние, нежели кто бы то ни было, которого я люблю всей душою, и память которого доселе осталась одним из лучших воспоминаний моей жизни. Самая его наружность имела в себе что-то необыкновенно привлекательное. <...> Высокий, стройный, с приятными и выразительными чертами, осененными великолепным лбом, с выглядывающими из-под густых бровей большими, темными глазами, полными ума, мягкости и огня, с черными кудрями, падающими до плеч, он на всей своей особе носил печать изящества и благородства. Также изящна и благородна была его речь, тихая и мягкая, порою сдержанная, порою оживляющаяся, иногда приправленная тонкою шуткою, всегда полная мысли и интереса. И в мужском, и дамском обществе разговор его был равно увлекателен. Он одинаково хорошо выражался на русском и на французском языках. В дружеском кругу, когда он чувствовал себя на свободе, с ним никто не мог сравниться; тут разом проявлялись все разнообразные стороны его даровитой природы: и глубокий ум, и блестящий талант, и мягкость характера, и сердечная теплота, и, наконец, живость воображения, которое во всякой мелочной подробности умело схватить или поучительную, или трогательную, или забавную картинку» [18, с. 136–137].

ских гостиных и столовых, я говорю о тех, <...> где А. С. Хомяков спорил до четырех часов утра, начавши в девять; где К. Аксаков с мурмолкой в руках свирепствовал за Москву, на которую никто не нападал; <...> где Грановский являлся с своей тихой, но твердой речью; где все помнили Бакунина и Станкевича; где Чаадаев, тщательно одетый, с нежным, как из воску, лицом, сердил оторопевших аристократов и православных славян колкими замечаниями, всегда отлитыми в оригинальную форму и намеренно замороженными; где молодой старик А. И. Тургенев мило сплетничал обо всех знаменитостях Европы <...>; где Боткин и Крюков пантеистически наслаждались рассказами М. С. Щепкина и куда, наконец, иногда падал, как Конгривова ракета, Белинский, выжигая кругом все, что попадало» [4, с. 152–153]. И он же счел необходимым добавить, что Москва сороковых годов «принимала деятельное участие за мурмолки и против них; барыни и барышни читали статьи очень скучные, слушали прения очень длинные, спорили сами за К. Аксакова или за Грановского, жалея только, что Аксаков слишком славянин, а Грановский недостаточно патриот. Споры возобновлялись на всех литературных и нелитературных вечерах, на которых мы встречались, – а это было раза два или три в неделю. В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у А. П. Елагиной. Сверх участников в спорах, сверх людей, имевших мнения, на эти вечера приезжали охотники, даже охотницы, и сидели до двух часов ночи, чтоб посмотреть, кто из матадоров кого отделеает и как отделеает его самого...» [4, с. 156].

Горячую атмосферу салонных полемик славянофилов и западников, тех «кипучих прений», которые, по убеждению Вяземского, по условиям салонного этикета были невозможны, мемуары Чичерина воссоздают в ярких и живых подробностях.

Одним из центров культурной жизни Москвы с середины 1820-х и до конца 1840-х гг. был уже не раз упомянутый салон Авдотьи Петровны Елагиной (урожд. Юшковой, в первом браке Киреевской), матери И. В. и П. В. Киреевских [10]. Племянница и воспитанница В. А. Жуковского (дочь его сестры Варвары), многие годы она поддерживала дружбу с поэтом, состояла с ним в переписке; прекрасно знавшая русскую и зарубежную литературу, владевшая иностранными языками, она успешно

занималась переводами. С конца 1830-х гг. салон Елагиной, где идеологами славянофильства выступали прежде всего ее старшие сыновья, братья Киреевские, но также и постоянно здесь бывавшие М. П. Погодин, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев, А. И. Кошелев, С. Т. и К. С. Аксаковы, стал главным центром полемик славянофилов и западников. Из числа последних с конца 1830-х его регулярно посещают вернувшиеся из Германии молодые профессора Московского университета Д. Л. Крюков, Н. И. Крылов, П. Г. Редкин, Т. Н. Грановский, с 1842 г. – Герцен, Огарев, Н. М. Сатин, Н. Х. Кетчер, братья Бакунины, В. П. Боткин. Автором большого некрологического очерка о Елагиной (1877) стал убежденный западник К. Д. Кавелин, писавший: «Салон Авдотьи Петровны Елагиной в Москве был средоточием и сборным местом всей русской интеллигенции, всего, что было у нас самого просвещенного, литературно и научно-образованного <...> под ее глазами составлялись в Москве литературные кружки, сменялись московские литературные направления, задумывались литературные и научные предприятия, совершались различные переходы русской мысли. Невозможно писать историю русского литературного и научного движения за это время, не встречаясь на каждом шагу с именем Авдотьи Петровны» [8, с. 320].

Долгая жизнь литературного салона поддерживалась присутствием в нем двух поколений, двух культурных эпох. «С тридцатых годов и до нового царствования, – писал Кавелин, – дом и салон Авдотьи Петровны были одним из наиболее любимых и посещаемых средоточий русских литературных и научных деятелей. <...> В нем преобладало славянофильское направление, но это не мешало постоянно посещать вечера Елагиных людям самых различных воззрений до тех пор, пока литературные партии не разделились на два непримиримых лагеря – славянофилов и западников, что случилось в половине сороковых годов» [8, с. 325].

У Чичерина подробных сведений о салоне Елагиной мы не находим, его мемуары дают яркие зарисовки из жизни других, также считавшихся славянофильскими, московских салонов – М. Д. Ховриной, Е. А. Свербеевой и К. К. Павловой, также превратившихся в дискуссионные аудитории славянофилов и западников.

Литературный салон Е. А. и Д. Н. Свербеевых не терял популярности достаточно долго, с первой половины 1830-х и до 1850-х гг. Здесь, как вспоминал Чичерин, «блистая красотою, соединяла вокруг себя славянофильский кружок» [18, с. 217] Екатерина Александровна Свербеева (урожд. кн. Щербатова), тогда как ее муж – историк, дипломат и писатель Дмитрий Николаевич Свербеев славянофильские убеждения жены разделял не вполне. Хозяин салона, по наблюдениям мемуариста, «человек весьма недюжинного, тонкого ума, образованный, с живыми интересами, с положительным и несколько скептическим взглядом на вещи» [18, с. 217], был дружен с Чаадаевым, Герценом, Одоевским. Хозяйка салона была известна как приятельница Гоголя, в разные годы супруги принимали у себя Жуковского, Крылова, А. И. Тургенева, Н. М. Языкова. Московские славянофилы и западники в 1840-х гг. в салоне Свербеевых собирались регулярно, но к концу десятилетия, подводит итог Чичерин, «литературные собрания сделались менее часты и менее оживленны» [18, с. 217].

Одним из самых посещаемых славянофильских салонов в Москве, где также регулярно проходили острые диспуты, был дом на Рождественском бульваре писателя и переводчика Николая Филипповича Павлова и его жены, поэтессы и переводчицы Каролины Карловны (урожд. Яниш) [11]. Салон существовал до рубежа 1850-х гг., в 1852-м между супругами произошел разрыв, в 1853-м Каролина Павлова уехала за границу. По единодушным свидетельствам современников, в салоне «царствовала» его хозяйка, имевшая в эти годы блестящий литературный успех и поражавшая современников знанием европейских языков и замечательной памятью. У Павловых сначала по вторникам, затем по четвергам («павловские четверги») бывали все московские славянофилы – Погодин, Хомяков, Шевырев, С. Т. и К. С. Аксаковы, также Загоскин, состоявший с С. Т. Аксаковым в близкой дружбе, братья Киреевские, Самарин. Из западников частыми гостями были Чаадаев, Герцен, Огарев, Кетчер, Н. А. Мельгунов, московские профессора Грановский, Редкин, Крюков, Кавелин. Много раз бывал в этом доме Лермонтов, знакомый с Н. Ф. Павловым до его женитьбы, бывали также И. С. Тургенев, Н. В. Берг, оставивший о Павловых воспоминания, петербуржцы Д. В. Григо-

рович и И. И. Панаев. Регулярно посещали салон европейские общественные деятели, литераторы, артисты, ученые, в числе которых были А. Гумбольдт и Ф. Лист.

Чичерин считал дом Павловых «одним из главных литературных центров в Москве». «Николай Филиппович, – вспоминал он, – находился в коротких сношениях с обеими партиями, на которые разделялся тогдашний московский литературный мир, с славянофилами и западниками. <...> Над Каролиной Карловной хотя несколько подсмеивались, однако поэтический ее талант и ее живой и образованный разговор могли делать салон ее приятным и даже привлекательным для литераторов. По четвергам у них собиралось все многочисленное литературное общество столицы. Здесь до глубокой ночи происходили оживленные споры: Редкин с Шевыревым, Кавелин с Аксаковым, Герцен и Крюков с Хомяковым. Здесь появлялись Киреевские и молодой еще тогда Юрий Самарин. Постоянным гостем был Чаадаев, с его голою, как рука, головою, с его неукоризненно светскими манерами, с его образованным и оригинальным умом и вечною позою. Это было самое блестящее литературное время Москвы. Все вопросы, и философские, и исторические, и политические, все, что занимало высшие современные умы, обсуждалось на этих собраниях, где соперники являлись во всеоружии, с противоположными взглядами, но с запасом знания и обаянием красноречия» [18, с. 133–134]. Салонная полемика, по словам мемуариста, представляла собой «постоянный турнир, на котором выказывались и знание, и ум, и находчивость, и который имел тем более привлекательности, что по условиям времени заменял собою литературную полемику, ибо при тогдашней цензуре только малая часть обсуждавшихся в этих беседах идей, и то обыкновенно лишь обиняками, с недомолвками, могла проникнуть в печать» [18, с. 134].

Хозяйка салона располагала современников к портретированию, далеко не всегда сочувственному. Немало саркастических замечаний вызывала, в частности, ее навязчивость в чтении собственных стихов. Чичерин вспоминал: «Она была умна, замечательно образованна, владела многими языками и сама обладала недюжинным литературным талантом. <...> Но тщеславия она была непомерного, а такта у нее не было

вовсе. Она любила кстати и некстати щеголять своим литературным талантом и рассказывать о впечатлении, которое она производила. Она постоянно читала вслух стихи, и свои, и чужие, всегда нараспев и с каким-то диким завыванием...» [18, с. 133]. Панаев, при первой встрече с Каролиной Карловной, «дамой вида строгого и величественного», отметил: «В ее позе, в ее взгляде было что-то эффектное, риторическое». Итогом более близкого знакомства стало заключение: «...манеры ее, несмотря на их театральное величие, отзывались иногда не совсем приятною грубоватостью» [14, с. 177]. О единственном визите к Павловым Григорович рассказал следующее: «Меня представили хозяйке дома, даме высокого роста, костлявой, с лицом, напоминавшим скорее лицо энергического мужчины, чем женщины. Не прошло получаса после обычных любезностей, она уже читала мне и двум-трем сидевшим тут лицам свои стихотворения...» [5, с. 130].

В воспоминаниях Чичерина находим сведения и еще об одном славянофильском салоне, редко упоминаемом другими мемуаристами, – салоне на Малой Никитской баронессы Марии Дмитриевны Шеппинг (урожд. Чертковой), жены барона Дмитрия Андреевича (Отто Густава) Шеппинга, отставного генерал-майора. По признанию мемуариста, он стал «приятелем дома» у баронессы, в прошлом светской львицы, и вспоминал о ней так: «Наружность ее была прелестная <...>. Ум был бойкий, живой, несколько насмешливый; разговор блестящий, полный игривости и бойкой иронии. <...> Меня пленяло это соединение очаровательной красоты, изящества форм, игривости ума и затаенных порывов сердца. Муж ее был человек добрый, обходительный, весьма некрасивый собой, кривой, небольшого ума, но образованный, с несколько славянофильским оттенком. Он был автор исследований по славянской мифологии» [18, с. 213]. Стоит добавить, что хозяйка салона была родной сестрой А. Д. Черткова, известного историка, археолога, библиофила, создателя знаменитой Чертковской библиотеки.

Салонные дискуссии, объединившие в московских гостиных на недолгое время славянофилов и западников необходимостью диалога об исторических судьбах России, ее прошлом, настоящем и будущем, к середине 1840-х гг. завершились их резким размежеванием. Как писал Кавелин, «сначала лица

различных направлений, приютившиеся в Москве, жили мирно, даже дружески между собою и действовали вместе. Различие взглядов выражалось только в оживленных спорах, в научной и литературной полемике. Но к половине сороковых годов разномыслие, заостряясь все более и более, привело наконец к разрыву между славянофилами и западниками. Неловкости, неосторожности и резкости, в которых были виноваты обе стороны, придали разрыву острый, раздражительный характер...» [9, с. 360–361]. И еще одно свидетельство того же равнодушного автора заслуживает цитирования. Кавелин писал: «Кто жил в среде, где зародились воззрения славянофилов и западников, кто лично знал и слышал разговоры и споры людей, стоявших во главе тех и других, тот никогда не забудет глубокопросвещенного, в высшей степени сочувственного строя мыслей и стремлений этих благороднейших идеалистов. <...> Это были люди замечательного ума и таланта, обширного знания и начитанности и европейски образованные» [9, с. 361].

Сохранились многочисленные свидетельства о высочайшем ораторском искусстве участников словесной полемики, о выдающихся образцах «устной литературы», отличавшейся, несомненно, от той, которую так ценил ее собиратель Вяземский, но составившей уникальное явление в истории русской культуры. Так, выдающимся полемическим даром, по всеобщему признанию, обладал А. С. Хомяков. Герцен, сам блестящий полемист, вспоминал о нем: «Ум сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на них, богатый памятью и быстрый соображением, он горячо и неутомимо проспорил всю свою жизнь. Боец без усталости и отдыха, он бил и колол, нападал и преследовал, осыпал островами и цитатами <...>. Необыкновенно даровитый человек, обладавший страшной эрудицией, он, как средневековые рыцари, караулившие богородицу, спал вооруженный. Во всякое время дня и ночи он был готов на запутаннейший спор и употреблял для торжества своего славянского воззрения все на свете – от казуистики византийских богословов до тонкостей изворотливого легиста. Возражения его, часто мнимые, всегда ослепляли и сбивали с толку» [4, с. 156–157]. «А. С. Хомяков был поэт, полигистор и замечательный диалектик», – вспоминал Кавелин [9, с. 362]. И он же признавал: «Самым разносторонним деятелем

из вождей славянофильства был Ю. Ф. Самарин. С глубоким знанием философии, богословской литературы и истории он соединял основательное и близкое знакомство с вопросами финансовыми, экономическими и народного хозяйства. Никто, не исключая Хомякова, не обладал таким даром полемики, никто не владел лучше Самарина пером» [9, с. 362].

Исключительно высокую оценку дал Самарину и Чичерин, убежденный противник славянофильских идей: «Это был, бесспорно, человек совершенно из ряда вон выходящий. Необыкновенная сила ума, железная воля, неутомимая способность к работе, соединенная с даром слова и с блестящим талантом писателя, наконец, самый чистый и возвышенный характер – все в нем соединилось, чтобы сделать из него одного из самых крупных деятелей как на литературном, так и на общественном поприще. <...> У него был удивительный талант подражания; он мог и забавлять и увлекать, мог равно блеснуть в салоне, развивать самую отвлеченную философскую мысль и разрабатывать фолианты практического дела» [18, с. 323].

Обсуждение и выводы

Публичная полемика западников и славянофилов на ее начальном этапе была необходимым условием для уяснения принципиальных разногласий между противоборствующими партиями. «Партии должны были бороться так, как они боролись, – вспоминал П. В. Анненков, – на глазах публики, для того именно, чтобы выяснить всю важность содержания, заключающегося в идеях, ими представляемых» [1, с. 209–210].

«К 1848 году московские кружки и салоны стали падать», – свидетельствовал Кавелин [9, с. 363]. Ту же рубежную дату приводит и Герцен в 6-й главе статьи «О развитии революционных идей в России» (1851), названной им «Московский панславизм и русский европеизм». По его словам, широко развернувшаяся полемика «продолжалась до 1848 года, достигнув высшего своего напряжения к концу 1847 года, как будто ее участники предчувствовали, что через несколько месяцев ни о чем нельзя будет спорить в России...» [3, с. 244].

О времени первых острых дискуссий западников и славянофилов Анненков вспоминал: «Все люди, мало-мальски пробужденные к мысли, принялись около этого времени искать,

с жаром и алчностью голодных умов, основ для сознательного разумного существования на Руси. Само собою разумеется, что с первых же шагов они приведены были к необходимости, прежде всего, добраться до внутреннего смысла русской истории, до ясных воззрений на старые учреждения, управлявшие некогда политическою и домашнею жизнью народа и до правильного понимания новых учреждений, заменивших прежде бывшие. Только с помощью убеждений, приобретенных таким анализом, и можно было составить себе представление о месте, которое мы занимаем в среде европейских народов, и о способах самовоспитания и самоопределения, которые должны быть выбраны нами для того, чтобы это место сделать во всех отношениях почетным. Все зашевелилось: искания пошли, как известно, с двух противоположных точек, и рано или поздно должны были привести исследователей в столкновение. Шум первых их сшибок и составил содержание всей эпохи нашего развития, которая обозначается общим именем – эпохи сороковых годов» [1, с. 193].

Мнение Анненкова, считавшего, что первые «сшибки» славянофилов и западников в московских литературных салонах составили содержание «всей эпохи» сороковых годов, несомненно, разделял и Чичерин. Он признавался: «Перед мною внезапно открылись бесконечные горизонты; впервые меня охватило неведомое дотоле увлечение, увлечение мыслью, одно из самых высоких и благородных побуждений души человеческой. Я узнал здесь и людей, которые стояли на высоте современного просвещения, и вместе с тем своим нравственным обликом придавали еще более обаяния возвещаемым ими идеям. Здесь сложился у меня тот идеал умственного и нравственного достоинства, который остался драгоценнейшим сокровищем моей души. Я захотел сам быть участником и деятелем в этом умственном движении, и этому посвятил всю свою жизнь» [18, с. 134–135].

В мемуарах Чичерина есть и еще одно признание, необходимое, на его взгляд, не только для полноты картины жизни московских литературных салонов, но и для понимания их особой духовно-воспитательной роли. Кроме «привычки общаться с людьми», из опыта салонной жизни он вынес, по его словам, «драгоценное душевное сокровище: идеал женской

грации, чистоты и изящества внешнего и внутреннего, идеал, который не дает молодому человеку погрязнуть в материальных наслаждениях или довольствоваться пошлостью полусвета. Счастлив, кому удалось обрести этот идеал в молодости и отдать ему всю свежесть еще не початых и не тронутых жизнью сил» [18, с. 220–221].

Мемуары Чичерина, пленяя «прелестью изложения», существенно дополняют известные литературные мемуары Панаева, Анненкова, Григоровича, Кавелина, отдельные главы «Былого и дум» Герцена, являясь ценным документом истории русской общественной мысли эпохи сороковых годов и русской салонной культуры как одной из исторически обусловленных форм ее реализации.

Список литературы

1. Анненков П. В. Замечательное десятилетие: 1838–1848 // Анненков П. В. Литературные воспоминания. – М.: Правда, 1989. – С. 111–352.
2. Вяземский П. А. Старая записная книжка // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 1–12. – СПб.: изд. гр. С. Д. Шереметева, 1883. – Т. 8. – 528 с.
3. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. – М.: АН СССР, 1956. – Т. 7. – 474 с.
4. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. – М.: АН СССР, 1956. – Т. 9. – 352 с.
5. Григорович Д. В. Литературные воспоминания. – М.: Худож. лит., 1987. – 336 с.
6. Дементьев В. В. Беседа светская // Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 149–161.
7. Зеньковский В. В. История русской философии. – М.: Академический проект, Рапидет, 2001. – 880 с.
8. Кавелин К. Д. Авдотья Петровна Елагина: (Биографический очерк) // Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. – М.: Правда, 1989. – С. 320–335.
9. Кавелин К. Д. Московские славянофилы сороковых годов // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М.: Правда, 1989. – С. 336–366.
10. Канторович И. В. Салон Авдотьи Петровны Елагиной // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 2 (30). – С. 165–209.
11. Канторович И. В. Салон Павловых // Москва: Люди, проблемы, события: Краевед. сб. – М.: ГПИБ.1998. – С. 60–90.
12. Муравьева О. С. Расцвет и разрушение светских литературных салонов «золотого века» // Литературный факт. – 2022. – № 4 (26). – С. 140–182. EDN: QTUNVS
13. Палий Е. Н. Салон как феномен культуры XIX века. Традиции и современность. – М.: Нефть и газ, 2008. – 320 с.
14. Панаев И. И. Литературные воспоминания. – [М.]: ГИХЛ, 1950. – 472 с.
15. Радлов Э. Чичерин Борис Николаевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Типогр. акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1903. – Т. XXXVIIIА. – С. 901.
16. Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. – 5-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: Свинин и сыновья, 2014. – 876 с.
17. Цимбаев Н. И. Московские споры либерального времени... // Русское общество 40–50-х годов XIX в. – М.: МГУ, 1991. – Ч. 1: Записки А. И. Кошелева. – С. 5–43.

18. Чичерин Б. Н. Воспоминания: в 2 т. / предисл., примеч. С. В. Бахрушин. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. – Т. 1. – 496 с.

Anna Grodetskaya

B. N. Chicherin-Memoirist About the Literary Salons of Moscow in the 1840s

The memoirs of B. N. Chicherin, which, like his philosophical works, “captivate with the charm of presentation” (E. Radlov), are of high value for the history of Russian social thought, the implementation space of which in the 1840s, under the conditions of strict Nikolaev’s censorship, became widely visited literary salons in Moscow. It was in the salons in the sharp discussions of Slavophiles and Westerners that “a new Russian culture was forged” (D. Svyatopolk-Mirsky). Chicherin-memoirist draws lively and vivid pictures of the life of dozens of Moscow salons, both secular and literary, highlighting the houses of A. P. Elagina, E. A. Sverbeeva, K. K. Pavlova, M. D. Shepping, which turned into discussion audiences of Slavophiles and Westerners. Expressive portraits of the owners and guests of the salons, “people of the forties”, created by the memoirist, significantly complement the famous literary memoirs of Panaev, Annenkov, Grigorovich, Kavelin, separate chapters of Herzen’s “Past and Thoughts”. The article summarizes the most important evidence of both Chicherin and other memoirists which enrich our understanding of Russian salon culture and historically conditioned forms of its existence.

Key words: memoirs, B. N. Chicherin, people of the forties, literary salons, A. P. Elagina, E. A. Sverbeeva, K. K. Pavlova, M. D. Shepping.

For citation: Grodetskaya, A. G. (2024) B. N. Chicherin-memoirist o literaturnykh salonakh Moskvy 1840-h godov [B. N. Chicherin-Memoirist About the Literary Salons of Moscow in the 1840s]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 29–45. (In Russian). DOI: 10.35231/25419 803_2024_4_29. EDN: CWJIDA

References

1. Annenkov, P. V. (1989) Zamechatel'noje desyatiletije: 1838–1848 [A Remarkable Decade: 1838–1848]. Annenkov, P. V. *Literaturnyje vospominanija* [Literary Memories]. Moscow: Pravda Publ. Pp. 111–352. (In Russian).
2. Vyazemskij, P. A. (1883) Staraya zapisnaya knizhka [Old notebook]. Vyazemskij, P. A. *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 1–12 [Complete collected works. Vols. 1–12]. Vol. 8. St. Petersburg, count S. D. Sheremetev Publ. (In Russian).
3. Gertsen, A. I. (1956) *Sobranie sochinenij: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols.]. Vol. 7. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian).
4. Gertsen, A. I. (1956) *Sobranie sochinenij: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols.]. Vol. 9. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian).
5. Grigorovich, D. V. (1987) *Literaturnyje vospominanija* [Literary Memories]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).
6. Dement'jev, V. V. (2007) Beseda svetskaya [Secular conversation]. *Antologiya rechevykh zhanrov: Povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of Speech Genres: Everyday Communication]. Moscow: Labyrinth Publ. Pp. 149–161. (In Russian).
7. Zen'kovskij, V. V. (2001) *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskij proekt, Raritet Publ. (In Russian).
8. Kavelin, K. D. (1989) Avdot'ia Petrovna Yelagina: (Biograficheskij ocherk) [Avdotya Petrovna Elagina: (Biographical sketch)]. Kavelin, K. D. *Nash umstvennyj stroj: Stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury* [Our Mental Structure: Articles on the Philosophy of Russian History and Culture]. Moscow: Pravda Publ. Pp. 320–335. (In Russian).

9. Kavelin, K. D. (1989) *Moskovskije slavyanofily sorokovykh godov* [Moscow Slavophiles of the Forties]. Kavelin, K. D. *Nash umstvennyj stroj: Stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury* [Our Mental Structure: Articles on the Philosophy of Russian History and Culture]. Moscow: Pravda Publ. Pp. 336–366. (In Russian).
10. Kantorovich, I. V. (1998) *Salon Avdot'i Petrovny Yelaginoj* [Salon of Avdotya Petrovna Elagina]. *Novoye literaturnoye obozreniye – New Literary Observer*. No. 2 (30). Pp. 165–209. (In Russian).
11. Kantorovich, I. V. (1998) *Salon Pavlovykh* [The Pavlovs' Salon]. *Moskva: Lyudi, problemy, sobytiya: krayevedcheskij sbornik* [Moscow: People, Problems, Events: Regional Studies Collection]. Moscow: GPIB Publ. Pp. 60–90. (In Russian).
12. Murav'yeva, O. S. (2022) *Rastsvet i razrusheniye svetskikh literaturnykh salonov «zolotogo veka»* [The Rise and Fall of Secular Literary Salons of the “Golden Age”]. *Literaturnyj fakt – Literary Fact*. No. 4 (26). Pp. 140–182. (In Russian).
13. Paliy, Ye. N. (2008) *Salon kak fenomen kul'tury XIX veka. Traditsii i sovremennost'* [Salon as a Phenomenon of XIX Century Culture. Traditions and Modernity]. Moscow: Neft' i gaz Publ. (In Russian).
14. Panayev, I. I. (1950) *Literaturnyye vospominaniya* [Literary Memories]. [Moscow]: Gos. izd. khudozhestvennoj literatury. (In Russian).
15. Radlov E. (1903) Chicherin Boris Nikolaevich. *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg: Tipogr. Akts. Obshchestva Brokgauz-Efron. Vol. XXXVIII. P. 901. (In Russian).
16. Svyatopolk-Mirskiy, D. (2014) *Istoriya russkoj literatury s drevneyshikh vremen po 1925 god. Per. s angl. R. Zernovoj* [History of Russian Literature from Ancient Times to 1925. Trans. from English by R. Zernova]. 5th ed., corr. and enlarged. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya Publ. (In Russian).
17. Tsimbaev, N. I. (1991) *Moskovskije spory liberal'nogo vremeni...* [Moscow Disputes of Liberal Times...]. *Russkoje obshchestvo 40–50-h godov XIX veka. Ch. 1: Zapiski A. I. Kosheleva* [Russian Society of the 40–50s of the 19th Century. Part 1: Notes of A. I. Koshelev]. Moscow: Moskovskij Gos. Universitet Publ. Pp. 5–43. (In Russian).
18. Chicherin, B. N. (2010) *Vospominaniya: v 2 t.; predisl., primech. S. V. Bahrushin* [Memoirs: in 2 vols. Preface., Notes S. V. Bakhrushin]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh. (In Russian).

Об авторе

Гродецкая Анна Глебовна, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН доктор филологических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: grodetskaiaag@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1198-2877

About the Author

Anna Grodetskaya, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Science, Doctor of Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: grodetskaiaag@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1198-2877

дата получения: 25.10.2024 г.
дата принятия: 30.11.2024 г.
дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 25 October 2024
date of acceptance: 30 November 2024
date of publication: 28 December 2024

Е. В. Папилова

«Полурусский сосед»: образ Ленского как последователя немецкого романтизма

В статье образ Владимира Ленского в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» рассматривается с позиций его связи с немецкой романтической культурой. Пушкин обосновывает романтическую сущность героя: Ленский – выпускник Геттингенского университета, поэт, воодушевленный «поэтическим огнем» и «вольнлюбивыми мечтами», его образ связан с Шиллером (в том числе и чисто внешним сходством: «кудри черные до плеч»), ему свойственны романтически-восторженное стремление к возвышенному, максимализм в любви и дружбе, его судьба исполнена романтического трагизма. Образ Ленского рассматривается в литературном контексте с привлечением исторических материалов о жизни русского дворянства XIX века. Выясняется причина иронии Пушкина относительно Ленского (он «с душою прямо геттингенской» и «поклонник» Канта, иронично описание его судьбы, если бы он не был убит Онегиным). Автор заключает, что она связана с несоответствием немецких романтических идеалов реальной жизни. Делается вывод, что предпринятая героем попытка двойной идентичности (его принадлежности к двум национальным мирам – немецкому и русскому, в их проявлении романтизма и реализма) не выдержала проверки на прочность.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», Ленский, немецкий романтизм, этностереотип, двойная идентичность.

Для цитирования: Папилова Е. В. «Полурусский сосед»: образ Ленского как последователя немецкого романтизма // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 46–58. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_46. EDN: NATYEX

В русской художественной культуре начала XIX века восприятие Германии и немцев имело две направленности. Первая, и она связана более всего с бытовыми контактами с немцами в повседневной жизни, характеризует Германию и немцев, как пишет С. С. Жданов, как носителей европейского духа буржуазности с присущими им техническими новшествами и изобретениями, в связи с чем представителей этой нации воспринимали как аккуратных, педантичных, расчетливых, прагматичных, способных к добросовестному, каче-

ственному труду [10]. Этот этностереотип был широко распространен в российском обществе, поскольку в ту пору большое количество чужестранцев-немцев разных специальностей проживало в России. В художественной прозе А. С. Пушкина он нашел отражение в таких персонажах, как инженер Германн («Пиковая дама»), немец-генерал Андрей Карлович Р. («Капитанская дочка»), немец-лекарь («Станционный смотритель»), директор пансиона Карл Иванович Мейер («История села Горюхина»), сапожник Готтлиб Шульц с приятелями-немцами портным и булочником («Гробовщик»).

Но наряду с этностереотипом немца как воплощения педантичности и прагматизма в российской культурной среде формировались представления о Германии как родине сентиментализма и романтизма, философии, духа свободы, возвышенных идеалов, что отметил Р. Ю. Данилевский [7]. Такие представления возникали лишь у образованной части общества, среди людей, знакомых с книжной культурой, зачастую посещавших Германию с целью обучения в немецких университетах или просто путешествия. Эти представления также отражались в литературном творчестве.

Существует обширная литература о взаимодействии представителей двух наций и восприятии русских немцами и наоборот: об этом писали А. И. Герцен [6], А. Ф. и К. А. Вильгельмы [4], С. В. Оболенская [21], Павловская [22] и др¹. Связи и взаимодействия русской и немецкой культур и литератур исследовались в классических трудах В. М. Жирмунского [11–12], В. И. Кулешова [16], Р. Ю. Данилевского [7–9] и др., но «многое еще осталось вне поля зрения исследователей, далеко не все факты использованы и осмыслены»².

Материалы и методы

В настоящей статье тип сентиментально-романтического персонажа, воспитанного немецкой культурой, рассматривается на примере анализа образа Владимира Ленского в романе

¹ См., например, серию книг Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН: Немцы и развитие образования в России. СПб.: БАН, 1998. 318 с.; Немцы в России: проблемы культурного взаимодействия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 328 с.; Немцы в России: петербургские немцы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 624 с.; Немцы в России: немецкий мир Санкт-Петербурга. СПб.: Росток, 2015. 688 с. и др. (в серии вышло 12 книг).

² Ильченко Н. М. Русско-немецкие литературные связи в отечественной романтической прозе 30-х гг. XIX в.: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. С. 15.

А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Методика анализа национальных миров и образов иностранцев разработана в трудах Г. Д. Гачева [4], А. П. Забровского [13] и др. Учитывается практика сравнительного анализа инонациональных образов, примененная к другим авторам и персонажам¹.

В исследовании применяются сюжетный, композиционный, структурный, лингвистический методы и приемы анализа, исследуются суть конфликта, авторская позиция, художественные детали, произведение рассматривается в литературном контексте с привлечением литературоведческой критики и исторических материалов о жизни русского дворянства XIX века.

Результаты

Германию принято считать родиной романтизма. «Первоначально романтизм упрочился в Германии, получив глубокое теоретическое обоснование, – писал В. Е. Хализев, – и скоро распространился по европейскому континенту и за его пределами»². Русская литература XIX века, особенно его первой трети, развивалась под влиянием европейского романтизма и была, как отмечал В. В. Кожинов, «в известном смысле “ответом” на немецкую философскую культуру, являвшую тогда собой своего рода последнее слово мировой культуры в целом» [15, с. 160]. В. М. Жирмунский писал, что в начале XIX века французское влияние отступает на задний план, а «новый свет восходит из Германии, в поэзии Гете и романтиков, в философии Шеллинга и, впоследствии, Гегеля» [11, с. 197].

Передовые русские люди испытывали влияние йенского (позже – гейдельбергского) романтизма, осваивали эстетику, осмыслили путь развития России, во многом исходя из историсофских концепций немецкой классической философии.

¹ См., напр.: Арустамов А. А. «Немецкое» и «русское» в творчестве И. С. Тургенева (к проблеме диалога культур) // Мир славянских, германских и романских культур: их взаимосвязи и взаимодействие в языке и литературе. Пермь: Пермский университет, 2000. С. 205–210; Буткова Н. В. Образ Германии и образы немцев в творчестве И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 18 с.; Жердева О. Н. Образы немецкого мира в творчестве А. А. Фета: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 22 с.; Гилолашвили М. Герой-иностранец в творчестве Пушкина // Филологический вестник Ростовского университета. 2001. № 3. С. 5–15; Данненманн У. Изображение немцев в творчестве Чехова: деконструкция стереотипов // Чехов и Германия. М.: МГУ, 1996. С. 11–18; Жданов С. С. Немецкость как воплощение порядка в русской литературе: от Н. В. Гоголя до С. Черного // Вестник Сибирского государственного университета геосистем и технологий. 2015. Вып. 2 (30). С. 151–163; Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М. Немецкие типажы русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 37–54 и др.

² Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. С. 399.

Так, Н. М. Карамзин, отправляясь в 1789 г. на Запад, уже был знаком с творчеством Гете, Шиллера, Канта, Виланда, Гердера. Последних трех он счел необходимым посетить, был и у дома Гете, наблюдал того в окне его дома, сказав: «Важное греческое лицо!» [18, с. 70]. Книжные представления о немцах, подкрепленные личными впечатлениями от путешествия, отразились в творчестве Карамзина. Помимо него, проводниками немецкого романтизма в России были В. А. Жуковский, Д. В. Веневитинов, Вл. Ф. Одоевский, кружок Н. В. Станкевича и В. Г. Белинский, ранние И. С. Тургенев и Ф. И. Тютчев. В 1801–1802 гг. в среде московских студентов образовалось «Дружественное литературное общество», в которое вошел, например, молодой Жуковский, увлекавшийся Шиллером и переведивший его баллады; в Москве их называли «наши немцы».

Сентиментально-романтическому этнотипу немца в русском культурном сознании было свойственно идеализированное отношение к немцам. На этой основе формировался особый тип романтического героя, для которого характерно противостояние обществу, государству, быту, в результате чего, как правило, он погибает, оставаясь верным своим убеждениям. Внешний мир способен погубить романтического героя, но не властен над его душой. Он пребывает в конфликте с действительностью, т. к. его душа устремлена к идеальному, очень отличному от действительного, миру. Окружающим он кажется странным: ему присущи нестандартное поведение, одухотворенная красота и творческая одаренность, мир он воспринимает несколько иначе, чем обычные люди. В создании его образа особую роль играет пейзаж: природа кажется романтику стихией вольной и неподвластной людям.

Ярким романтическим персонажем Пушкина, связанным с немецкой культурой, стал Владимир Ленский в романе «Евгений Онегин» (1823–1831). Называя героя «полурусским соседом» (в тексте романа эти слова выделены курсивом, что указывает на то, что так Ленского называют его соседи, а не автор, – отметил Ю. М. Лотман [17, с. 191]), деревенское окружение Ленского подчеркивает его непохожесть на «своего», его принадлежность двум культурам – русской и немецкой. Ленский – «поклонник Канта и поэт», который «из Германии туманной / Привез учености плоды» [23, с. 35].

Эпитет «туманная» в устах Пушкина синонимичен эпитету «романтическая», он выражает особенности духовной атмосферы Германии – такой, какой она виделась поэту. Словарь языка Пушкина поясняет, что поэт видел Германию как «центр идеалистических философских течений и романтических направлений в литературе» [24, с. 599]. А. М. Гуревич писал, что романтизм был синонимом свободы для Пушкина [6, с. 96], а свобода – необходимое условие творчества романтиков. Таким образом, в Германии объединились художественный романтизм и творческая свобода.

Ленский – выпускник Геттингенского университета. Ю. М. Лотман отмечал, что этот университет занимал особое место среди европейских учебных заведений: там собрались свободолюбивые профессора со всей Германии [19, с. 323–324]. В самом либеральном университете немецкой земли учились многие русские, впоследствии оставившие заметный след в русской культуре. Среди них – историк и публицист А. И. Тургенев, его брат декабрист Н. И. Тургенев, публицист и поэт А. С. Кайсаров, близкий приятель Пушкина П. П. Каверин, лицейские профессора А. П. Куницын и А. И. Галич и др. (см. об этом: [1; 7; 14; 25]). И хотя геттингенский либерализм и немецкий романтизм не следует сводить к одному, их близость основывается на общем требовании наличия свободы как необходимого условия созидания для человека.

Свободолюбие Ленского сказывается в «учености плодах», привезенных им из Германии:

Вольнолюбивые мечты,
 Дух пылкий и довольно странный,
 Всегда восторженная речь
 И кудри черные до плеч.
 <...>
 Он с лирой странствовал на свете;
 Под небом Шиллера и Гете
 Их поэтическим огнем
 Душа воспламенялась в нем [23, с. 35–36]¹.

¹ Курсив в цитатах здесь и далее наш. – Е. П.

Остановимся на нескольких существенных моментах, заложенных автором в этих строках. Начнем с того, что Шиллер и Гете воспринимались Пушкиным, по словам Ю. М. Лотмана, как «апостолы романтизма» [17, с. 188]. Причем именно влияние Шиллера, по-видимому, было определяющим, что очевидно из следующих доводов. Во-первых, внешность Ленского: «кудри черные до плеч». Шиллера всегда изображали с вьющимися до плеч волосами, и быть похожим на него, по-видимому, являлось потребностью романтика Ленского. Во-вторых, так же, как великий немецкий классик, Ленский – поэт. Он пишет мадригал у могилы Дмитрия Ларина, элегии в альбом ветреной Ольги, перед дуэлью посвящает возлюбленной свои последние любовные стихи. В описании поэзии Ленского Пушкин применяет устойчивые романтические фразеологизмы: «чистая любовь», «сладкое мученье», «поэтический огонь», «возвышенные музы», «возвышенные чувства», «с лирой странствовал на свете» и др. Из всего этого следует вывод, что Ленский – романтический поэт возвышенной любви. Кроме того, ему свойственна «всегда восторженная речь», энтузиазм, экзальтация, склонность к патетике, столь характерные именно поэту-романтику, что вновь объединяет его с Шиллером. Наконец, накануне дуэли, в этот критический для себя момент Ленский «при свечке, Шиллера открыл» – деталь, явно не случайно введенная автором. И далее – «На модном слове *идеал* / Тихонько Ленский задремал». Выбор автором этого слова также не случаен: в эпоху романтизма оно имело специфический оттенок, связанный с противопоставлением низменно земного и возвышенно прекрасного, мечтательного [17, с. 301]. Кроме того, это слово отсылает нас к философской элегии Шиллера «Идеалы» («Die Ideale», 1795). По мнению Р. Ю. Данилевского, это произведение немецкого классика – «один из источников, питавших элегию Ленского» [8, с. 108]. Таким образом, и Ленского, и его кумира Шиллера отличало романтически-восторженное стремление к возвышенному, готовность служить идеалам свободы или погибнуть ради их торжества, оба они разделяли романтический культ идеала выдающихся личностей, избранных, высших натур. Романтичным максимализмом наполнены представления Ленского о дружбе. Он уверен, что друзья готовы жертвовать друг для друга всем на свете:

Он верил, что друзья готовы
 За честь его приять оковы
 И что не дрогнет их рука
 Разбить сосуд клеветника [23, с. 35–36].

Чувство Ленского к Ольге описано как настоящее, искреннее, глубокое:

Ах, он любил, как в наши лета
 Уже не любят; как одна
 Безумная душа поэта
 Еще любить осуждена [23, с. 41].

Сама судьба Ленского романтически трагична. Любовь к Ольге – главное, что наполняло его жизнь – погубит его, причем дважды: сначала – когда он станет свидетелем заигрывания с ней Онегина и ее краткого увлечения им, потом – когда конфликт достигнет трагической развязки на дуэли. Дуэли – этого «жертвоприношения ради чести» [19, с. 174] – легко можно было избежать. Во-первых, Пушкин подчеркивает, что никакой вражды у Онегина к Ленскому (равно как и наоборот) не было: он волочился за Ольгой, «втайне усмехаясь» [23, с. 107]. Далее, Онегин опоздал на дуэль («Еще над ним летает сон. / Вот наконец проснулся он / И полы завеса раздвинул; / Глядит – и видит, что пора / Давно уж ехать со двора» [23, с. 118]), что само по себе могло быть достаточной причиной для ее отмены (по правилам дуэлянт мог уехать с места дуэли после 15 минут ожидания соперника [17, с. 98–99, 302]). Наконец, Онегин явился на дуэль со слугой, *monsieur Guillot*, а не с равным себе по социальному статусу секундантом (нарушение этого правила воспринималось как нарушение дворянского кодекса чести [17, с. 98–99, 304]). Несмотря на множество обстоятельств, каждое из которых могло служить препятствием к дуэли, она все же состоялась, и в этом – романтический трагизм Ленского.

Ю. М. Лотман называет Онегина антиподом Ленского [17, с. 181]. Эти два персонажа мыслились Пушкиным как антитеза наивного, сохраняющего обаяние чистоты энтузиаста (Ленского) и отмеченного печатью зрелого ума, но затронутого

разъедающим скепсисом (Онегина). Даже внешность героев противоположна: черным кудрям романтика Ленского противопоставлена короткая стрижка денди Онегина. Романтизм Ленского противостоит циничному реализму, приземленной прозаичности Онегина. Об этом говорил и В. Г. Белинский, называя Онегина «характером действительным» (в нем не было ничего «мечтательного, фантастического»), а Ленского – его противоположностью, характером «совершенно отвлеченным», «чуждым действительности» [2, с. 584].

Внимательный читатель не может, однако, не заметить иронии, с какой автор создает образ поэта. Например, в его характеристике «с душою прямо геттингенской». Почему Пушкин использовал слово «прямо», имеющее в тексте функцию усилительной частицы и помеченное в Большом академическом словаре как разговорное? Это слово было найдено поэтом не с первой попытки: в черновиках значится другой вариант – «душой филистер геттингенский» [26, с. 213]. Такое русское просторечие в сочетании с утонченностью «геттингенской души» придает образу Ленского комический оттенок, на что не раз обращали внимание исследователи (см., например: [20, с. 74]). Опять же иронично звучит следующее определение Ленского: «поклонник Канта». Слово «поклонник» предполагает некоторую поверхность его знакомства с учением немецкого философа, иначе его можно было бы заменить «приверженцем», «последователем» или «знатоком». А вот как описан предмет размышлений Ленского:

Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал [23, с. 35].

Такое описание предмета философствований юного поэта явно исполнено иронии. Почему же автор, создавая образ героя-романтика, одновременно иронизирует над ним? По-видимому, для того чтобы показать хрупкость его идеалов. При столкновении с реальным миром романтические идеалы Ленского разбиваются о прозу жизни. Оказывается, что его романтизм – суть витание в облаках, отсутствие реальной

почвы под ногами, и потому он сражен скептиком и циником Онегиным, к тому же – и в этом заключается особая ирония – по вздорному поводу сиюминутной ревности, на бессмысленной дуэли, которой легко можно было избежать.

Ирония явна и в том, какую «судьбу» готовил Ленскому автор, если бы тот не был сражен пулей Онегина:

Во многом он бы изменился,
 Расстался б с музами, женился;
 В деревне, счастлив и рогат.
 Носил бы стеганый халат;
 Узнал бы жизнь на самом деле,
 Подагру б в сорок лет имел.
 Пил, ел, скучал, толстел, хирел
 И, наконец, в своей постеле
 Скончался б посреди детей.
 Плаксивых баб и лекарей [23, с. 124].

Ленский («он сердцем милый был невежда») был оторван от действительности, не зная жизни, жил одними фантазиями. В. Г. Белинский иронизирует над героем, говоря, что в нем было много хорошего, но лучше всего то, что «он был молод и вовремя для своей репутации умер» [2, с. 585]. Критик был убежден, что судьба героя могла сложиться двумя способами, одинаково непривлекательными: он стал бы либо филистером, либо устарелым мистиком и мечтателем.

Обсуждение и выводы

Попытка двойной идентичности (принадлежности героя к двум национальным мирам – русскому и немецкому, в их проявлении реализма и романтизма) не выдержала проверки на прочность. Ленский не смог, подобно апостолу Павлу, быть с эллинами как эллин, а с иудеями как иудей (1 Кор: 9: 20–20), не смог гармонично интегрировать в себе два мира, застрял между ними, оказался не способен выстроить отношения с соседом так, чтобы не обречь себя на смертельную опасность. В отличие от него, Онегин, несмотря на весь его цинизм и сильное эмоциональное выгорание, чувствует себя органично и не испытывает проблем в обществе. Ленский

нежизнеспособен, и ирония Пушкина, по-видимому, связана с желанием автора показать несоответствие его романтических идеалов прозе жизни.

Не исключаем также, что Пушкину претило эпигонство и искусственность подражателей немецкому романтизму, которые приняли его частично, но не стали абсолютными носителями его основных постулатов.

Список литературы

1. Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. – М.: Знак, 2005. – 432 с.
2. Белинский В. Г. Сочинения в одном томе. – М.: Молодая гвардия, 1950. – 799 с.
3. Вильгельм А. Ф., Вильгельм К. А. Немцы в истории России: Люди и события. В 2-х т. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. – 874 с.
4. Гачев Г. Д. Германский мир и ум глазами русского (По рассказу Николая Лескова «Железная воля») // Вопросы литературы. – 1997. – № 6. – С. 66–85.
5. Герцен А. И. Русские немцы и немецкие русские // Герцен А. И. Соч.: В 9 т. – М.: Гослитиздат, 1955–1958. – Т. 7. – С. 263–308.
6. Гуревич А. М. Сюжет «Евгения Онегина». – М.: МГУ, 2001. – 111 с.
7. Данилевский Р. Ю. Пушкинский образ Германии «туманной» и «свободной» // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – С. 117–122.
8. Данилевский Р. Ю. Пушкин и Шиллер // А. С. Пушкин и мировая культура. Мат-лы междунар. конф. – СПб., Арзамас, Б. Болдино, 2008. – С. 104–116.
9. Данилевский Р. Ю. «Молодая Германия» и русская литература (Из истории русско-немецких литературных отношений первой половины XIX в.). – Л.: Наука, 1969. – 167 с.
10. Жданов С. С. Немецкость как воплощение порядка в русской литературе: от Н. В. Гоголя до С. Черного // Вестник Вестник Сибирского государственного университета геосистем и технологий. – 2015. – Вып. 2 (30). – С. 151–163.
11. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. – СПб., 1914. – 206 с.
12. Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. – Л.: Наука, 1981. – 558 с.
13. Забровский А. П. К проблеме типологии образа иностранца в русской литературе // Россия и Запад: диалог культур. – М.: МГУ, 1994. – Вып. 1. – С. 87–105.
14. Кантор В. Иван Тургенев: Россия сквозь «магический кристалл» Германии // Вопросы литературы. – 1996. – № 1. – С. 121–158.
15. Кожин В. В. Размышления о русской литературе. – М.: Современник, 1991. – 524 с.
16. Кулешов В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). – М.: МГУ, 1976. – 350 с.
17. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. – Л.: Просвещение, 1980. – 416 с.
18. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. – М.: Книга, 1987. – 336 с.
19. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПБ, 2002. – 416 с.
20. Мурьянов М. Ф. Пушкин и Германия. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1999. – 443 с.
21. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). – М.: ИВИ РАН, 2000. – 210 с.
22. Павловская А. В. Этнические стереотипы и проблема общения культур // Россия и Запад: диалог культур. – М.: МГУ, 1996. – С. 428–441.
23. Пушкин А. С. Евгений Онегин. – М.: Дрофа, 2006. – 158 с.

24. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1961. – Т. 4. – 1045 с.

25. Тарасов Е. И. Русские «геттингенцы» первой четверти XIX в. и влияние их на развитие либерализма в России // Голос минувшего. – 1914. – № 7. – С. 195–209.

26. Телетова Н. К. “Душой филистер геттингенский” // Пушкин. Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. – Т. XIV. – С. 205–214.

Elena Papilova

“Half-Russian Neighbor”: The Image of Lensky as a Follower of German Romanticism

In this article the image of Vladimir Lensky (*Eugen Onegin* by A. Pushkin) is studied from the point of view of his connection with the German romantic culture. Noticing that Germany was the homeland of romanticism, the author of the article justifies the romantic nature of the character: Lensky is the alumnus of Gottingen university, the poet, inspired by the “lyric fire” and “freedom-loving, noble heart”, his image is strongly connected with Schiller (including his appearance: “raven locks of shoulder reach”), the characteristics of him are the romantically enthusiastic pursuit of sublime, maximalism in love and friendship, finally, his destiny which is full of romantic tragedy. The author also discusses about the reasons of Pushkin’s irony of Lensky (he is “returning from Gottingen with soulful earning” and “poet filled with Kantian truth”, his destiny in case he hadn’t been killed by Onegin is full of author’s irony) and comes to the conclusion that this irony is caused by discrepancy between the romantic ideals and real life. The attempt of the character to be of double identity (i. e. to belong to two national worlds – the German and the Russian, in their manifestation of romanticism and realism) didn’t succeed.

Key words: A. Pushkin, *Eugen Onegin*, Lensky, German romanticism, ethno stereotype, double identity.

For citation: Papilova, E. V. (2024) «Polurusskij sosled»: obraz Lenskogo kak posledovatel’ nemeckogo romantizma [“Half-Russian Neighbor”: The Image of Lensky as a Follower of German Romanticism]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 46–58. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_4_46. EDN: HATYEX

References

1. Andreev, A. YU. (2005) *Russkie studenty v nemeckih universitetah XVIII – pervoj poloviny XIX veka* [Russian students in German universities of the 18th – first half of the 19th century]. Moscow: Znak Publ. (In Russian).
2. Belinskij, V. G. (1950) *Sochineniya v odnom tome* [Works in one volume]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian).
3. Vil’gel’m, A. F., Vil’gel’m, K. A. (2003) *Nemcy v istorii Rossii: Lyudi i sobytiya* [Germans in Russian History: People and Events]. In 2 vols. Moscow: Obshchestvennaya akademiya nauk rossijskikh nemcev Publ. (In Russian).
4. Gachev, G. D. (1997) *Germanskij mir i um glazami russkogo* (Po rasskazu Nikolaya Leskova «ZHeleznaya volya») [The German World and the Mind through the Eyes of a Russian (Based on the Story of Nikolai Leskov “Iron Will”)]. *Voprosy literatury – Questions of Literature*. No. 6. Pp. 66–85. (In Russian).
5. Gercen, A. I. (1955–1958) *Russkie nemcy i nemeckie russkie* [Russian Germans and German Russians]. Gercen A. I. *Soch.*: V 9 vols. Vol. 7. Moscow: Goslitizdat. Pp. 263–308. (In Russian).
6. Gurevich, A. M. (2001) *Syuzhet «Evgeniya Onegina»* [The plot of “Eugene Onegin”]. Moscow: MGU Publ. (In Russian).

7. Danilevskij, R. YU. (1998) Pushkinskij obraz Germanii «tumannoj» i «svobodnoj» [Pushkin's image of Germany "foggy" and "free"]. *Nemcy v Rossii: Problemy kul'turnogo vzaimodejstviya* [Germans in Russia: Problems of cultural interaction]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ. Pp. 117–122. (In Russian).
8. Danilevskij, R. YU. (2008) Pushkin i SHiller [Pushkin and Schiller] A. S. *Pushkin i mirovaya kul'tura* [A. S. Pushkin and world culture]. Proceedings of the international conference. St. Petersburg, Arzamas, B. Boldino. Pp. 104–116. (In Russian).
9. Danilevskij, R. YU. (1969) "Molodaya Germaniya" i russkaya literatura (Iz istorii russo-nemeckih literaturnyh otnoshenij pervoj poloviny XIX v.) ["Young Germany" and Russian literature (From the history of Russian–German literary relations in the first half of the 19th century)]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
10. Zhdanov, S. S. (2015) Nemeckost' kak voploshchenie poryadka v russkoj literature: ot N. V. Gogolya do S. CHernogo [Germanness as the Embodiment of Order in Russian Literature: from N. V. Gogol to S. Cherny]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta geosistem i tekhnologii – Bulletin of the Siberian State University of Geosystems and Technologies*. Issue 2 (30). Pp. 151–163. (In Russian).
11. ZHirmunskij, V. M. (1914) Nemeckij romantizm i sovremennaya mistika [German Romanticism and Modern Mysticism]. St. Petersburg. (In Russian).
12. ZHirmunskij, V. M. (1981) Gyote v russkoj literature [Goethe in Russian Literature]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
13. Zbrovskij, A. P. (1994) K probleme tipologii obraza inostranca v russkoj literature [On the problem of the typology of the image of a foreigner in Russian literature]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur* [Russia and the West: Dialogue of Cultures]. Issue 1. Moscow: MGU Publ. Pp. 87–105. (In Russian).
14. Kantor, V. (1996) Ivan Turgenev: Rossiya skvoz' «magicheskij kristall» Germanii [Ivan Turgenev: Russia through the "magic crystal" of Germany]. *Voprosy literatury – Questions of Literature*. No. 1. Pp. 121–158. (In Russian).
15. Kozhinov, V. V. (1991) *Razmyshleniya o russkoj literature* [Reflections on Russian literature]. Moscow: Sovremennik Publ. (In Russian).
16. Kuleshov, V. I. (1976) *Literaturnye svyazi Rossii i Zapadnoj Evropy v XIX veke (pervaya polovina)* [Literary Ties between Russia and Western Europe in the 19th Century (First Half)]. Moscow: MGU Publ. (In Russian).
17. Lotman, YU. M. (1980) *Roman A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»*. *Kommentarij* [A. S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin". Commentary]. Leningrad: Prosheshchenie Publ. (In Russian).
18. Lotman, YU. M. (1987) *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow: Kniga Publ. (In Russian).
19. Lotman, YU. M. (2002) *Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture. Everyday life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB Publ. (In Russian).
20. Mur'yanov, M. F. (1999) *Pushkin i Germaniya* [Pushkin and Germany]. Moscow: IMLI RAS; Nasledie Publ. (In Russian).
21. Obolenskaya, S. V. (2000) *Germaniya i nemcy glazami russkikh (XIX v.)* [Germany and the Germans through the eyes of Russians (19th century)]. Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
22. Pavlovskaya, A. V. (1996) *Etnicheskie stereotipy i problema obshcheniya kul'tur* [Ethnic stereotypes and the problem of communication between cultures]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur* [Russia and the West: dialogue of cultures]. Moscow: MGU Publ. Pp. 428–441. (In Russian).
23. Pushkin, A. S. (2006) *Evgenij Onegin* [Eugene Onegin]. Moscow: Drofa Publ. (In Russian).
24. Vinogradov, V. V. (1961) (ed.) *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of the Pushkin language: in 4 vols.]. Vol. 4. Moscow: Gos. izd. inostr. i nac. slovarej. (In Russian).
25. Tarasov, E. I. (1914) *Russkie «gettingency» pervoj chetverti XIX v. i vliyanie ih na razvitiye liberalizma v Rossii* [Russian "Göttingenites" of the First Quarter of the 19th Century

and Their Influence on the Development of Liberalism in Russia]. *Golos minuvshego – Voice of the Past*. No. 7. Pp. 195–209. (In Russian).

26. Teletova, N. K. (1991) «Dushoj filister gettingenskij» ["A Göttingen Philistine at Heart"] *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and Materials]. USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie Publ. Vol. XIV. Pp. 205–214. (In Russian).

Об авторе

Папилова Елена Вячеславовна, доцент Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина кандидат филологических наук (Москва, Российская Федерация); e-mail: llennochka@mail.ru; ORCID 0000–0001–6831–3976

About the Author

Elena Papilova, Associate Professor, National University of Oil and Gas "Gubkin University", PhD in Philology (Moscow, Russian Federation); e-mail: llennochka@mail.ru; ORCID ID: 0000–0001–6831–3976

дата получения: 14.07.2024 г.

дата принятия: 30.09.2024 г.

дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 14 July 2024

date of acceptance: 30 September 2024

date of publication: 28 December 2024

Т. З. Иркагалиев

«Поэт» и «Бог» в пьесе В. Шершеневича «Вечный жид»

В статье рассматриваются образы Поэта и Бога в пьесе В. Шершеневича «Вечный жид» посредством анализа авторских ремарок и собственных реплик действующих лиц «трагедии великолепного отчаяния». Анализируется положение персонажей пьесы в рамках заданных художественных архетипов и принадлежность героев соответствующим культурно-историческим традициям (русской поэзии и православному христианству). С опорой на культурный контекст произведения рассматривается мотив богоборчества и устанавливается полемический характер пьесы в отношении к известной апокрифической легенде об Агасфере (Вечном жиде). Существенное внимание в статье уделено «дионисийскому коду» пьесы, проанализированы соответствующие мифологемы и образные ряды, введенные автором произведения в текст. С опорой на контекст восприятия мифа в Серебряном веке (в частности, со ссылками на тексты В. Соловьева, В. Иванова, Д. Мережковского) и позднейшие работы исследователей соответствующих мифопоэтических стратегий рассмотрена интерпретация В. Шершеневичем классических сюжетов, выявлены используемые стилистические приемы, определен авторский пафос.

Ключевые слова: поэт, Бог, архетип, Христос, Дионис, Серебряный век, миф.

Для цитирования: Иркагалиев Т. З. «Поэт» и «Бог» в пьесе В. Шершеневича «Вечный жид» // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 59–77. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_59. EDN: NSOWOG

Творчество Вадима Шершеневича, поэта Серебряного века, переводчика, литературного критика, теоретика имажинизма, сегодня изучено весьма подробно. Еще в 1980-е годы о творчестве В. Шершеневича за рубежом были опубликованы обстоятельные работы: «Вадим Шершеневич: от футуризма к имажинизму» А. Лотон (1981)¹ и «Вадим Шершеневич: новые тексты и информация» Г. Маквея (1989)², но существенное развитие исследование поэтики и проблематики

¹ Lawton A. Vadim Shershenevich: from futurism to imagism. Ann Arbor: Ardis, 1981. 111 p.

² McVay G. Vadim Shershenevich: New text & information // Russian literature triquarterly. 1989. № 22. Pp. 280–324.

© Иркагалиев Т. З., 2024

творчества основателя имажинизма получило уже в нашем столетии. Первостепенно это связано с именем исследователя В. А. Дроздкова (на чье мнение мы и ссылаемся, утверждая, что именно Шершеневич был основателем течения русского имажинизма [6, с. 27]), который написал несколько крупных монографических работ (к примеру, «DUM SPIRO SPERO. О Вадиме Шершеневиче, и не только», 2014)¹ и большое количество статей, посвященных поэту. Под совместной редакцией В. А. Дроздкова, А. Н. Захарова и Т. К. Савченко (вклад которых в научную разработку темы русского имажинизма трудно переоценить) в 2003 году Институтом мировой литературы РАН был выпущен сборник статей «Русский имажинизм: история, теория, практика»², ставший существенной вехой как для исследований, посвященных как конкретно В. Шершеневичу (ему в книге уделено особо пристальное внимание), так и в целом имажинистской проблематике.

Разработка тематики, в том числе уже упомянутыми исследователями, продолжилась и после издания сборника. В. Шершеневичу посвящен ряд диссертаций: Е. А. Ивановой³, А. А. Николаевой⁴, М. В. Новиковой⁵, Н. С. Бандуриной⁶ и др., однако приведенный обзор продемонстрировал, что творчество В. Шершеневича (это справедливо и в отношении других имажинистов, за исключением С. Есенина) практически не исследовано с точки зрения мифопоэтики. При этом те ученые, которые все же занимались текстами В. Шершеневича, рассматривая их мифологические основания, неизменно отмечали обилие соответствующего эмпирического материала, архетипических концептов, образов и мифологем, ждущих своего исследователя.

С нашей точки зрения, для русского имажинизма справедливо то же, что З. Г. Минц сформулировала в отношении символизма: «Искусство для символиста – глубинный аналог

¹ В. А. Дроздков. DUM SPIRO SPERO. О Вадиме Шершеневиче, и не только: Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Водолей, 2014. 800 с.

² Русский имажинизм: история, теория, практика [По материалам докладов Международной научной конференции (к 110-летию со дня рождения В. Г. Шершеневича), 4–5 апреля 2003 г.] / ред. В. А. Дроздков, А. Н. Захаров, Т. К. Савченко. М.: Линор, 2003. 518 с.

³ Иванова Е. А. Творчество В. Шершеневича: теоретические декларации и поэтическая практика: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 202 с.

⁴ Николаева А. А. Драматургия имажинизма в контексте художественных исканий первой четверти XX века: дис. ... канд. филол. наук. Рязань: РГУ, 2015. 227 с.

⁵ Новикова М. В. Экфрасис в поэтической практике имажинистов: В. Шершеневич, А. Мариенгоф, С. Есенин: лис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018. 231 с.

⁶ Бандурина Н. С. Поэтика образа в литературном творчестве В. Г. Шершеневича: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2012. 165 с.

общего мироустройства (ибо сам “мир есть миф” – “творимая легенда”))» [13, с. 60]. Русские имажинисты, как писал В. Я. Брюсов, – это поэты, «преодолевшие символизм» и «выходящие из футуризма» [5, с. 503], следовательно, кажется естественным предпринимать попытки обнаружить общность отдельных тенденций и зафиксировать парадигматическое развитие и преобразование «неомифологизма» при переходе от модернизма к авангарду в рамках развития русской поэзии. Как отмечал А. Н. Захаров, «[и]мажинизм оказал влияние на многих поэтов XX века: на русскую и зарубежную поэзию и теорию 20–50-х гг., на метафористов и метаметафористов 60–80-х годов, на современных постмодернистов и поставангардистов» [9, с. 27], а потому определить, какое развитие мифопоэтические тенденции получили в художественной практике русских имажинистов, – значит проследить развитие мифологизма в русской поэзии в целом и исследовать природу парадигматического перехода внутреннего литературного мифа от поэзии Серебряного века через русский авангард к новейшим формам – как неоклассическим, так и экспериментальным, постмодернистским.

В. А. Дроздков в заключительной статье упомянутого сборника ИМЛИ РАН писал: «Творчество Шершеневича открыто для масштабной работы филологов, литературоведов и историков» [7, с. 445]. Есть основания полагать, что в мифопоэтическом направлении объем предстоящей предполагаемой работы остается масштабным. Послужить частичному восполнению исследовательских «лакун» призвана данная статья.

Материалы и методы

В своей работе мы ориентируемся на практику и научные достижения исследователей мифологизма литературы Серебряного века и авангарда, в частности, на работы З. Г. Минц [13], Д. Е. Максимова¹, О. А. Гримовой² о русском символизме, работы М. Я. Вайскопфа³ и Х. Барана⁴ о русском футуризме,

¹ Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Советский писатель, 1981. 552 с.; Максимов Д. Е. Русские поэты начала века: В. Брюсов, А. Блок, А. Белый, А. Ахматова. Л.: Советский писатель, 1986. 406 с.

² Гримова О. А. Античный герой в художественной системе русского символизма: особенности эстетической и творческой рецепции: дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 2006. 206 с.

³ Вайскопф М. Во весь логос. Религия Маяковского. М.; Иерусалим: Саламандра, 1997. 208 с.

⁴ Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века: авториз. пер. с англ. М.: Прогресс-Универс, 1993. 365 с.

а также опираемся на исследования имажинистской поэтики и творчества В. Шершеневича В. А. Дроздова [6–7], А. А. Николаевой [14], Н. С. Бандуриной [2–3] и других авторов. В контексте неомифологической проблематики Серебряного века рассматриваются работы Вяч. Ив. Иванова [10] и Д. С. Мережковского [12], а также другие тексты смежной тематики.

Статья представляет собой рассмотрение архетипических образов Поэта и Бога в пьесе В. Г. Шершеневича «Вечный жид» с сопутствующим вычленением и анализом мифологем, составляющих мифопоэтическое пространство данного произведения.

Результаты

Пьеса В. Шершеневича «Вечный жид» начинается с традиционного для драматического произведения перечисления действующих лиц, однако выполнено оно нетрадиционным с содержательной точки зрения образом. Самостоятельных героев заявлено четыре: Поэт, Бог, Девушка и Женщина. Каждый герой описан некоторыми случайными, но характерными деталями. Затем автор заявляет, что среди действующих лиц встречаются также: «Господины. – Субъекты. – Дамы. – Старик. – Женщины. – Игроки. – Старухи. – Юноши. – И еще разные люди и вещи, которые двигаются, но не говорят и с которыми вы не познакомитесь, а потому я их имен не помню» [16, с. 256]. Здесь мы находим неклассическое обращение автора напрямую к читателям пьесы. А. А. Николаева, рассмотревшая пьесу «Вечный жид» с точки зрения жанрового своеобразия, отмечает, что здесь «ремарки обширны, имеют не комментирующий, а описательный характер», и заключает, что «подобный синкретизм позволяет рассматривать произведение, с одной стороны, как позднюю разновидность “новой драмы” начала XX в. и, с другой стороны, как “пьесу для чтения”» [14]. Более того, завершается «Каталог действующих» следующим образом: «Все здесь написанное случается вчера, сегодня и завтра. / Здесь: в Москве и около. Впрочем: случается повсюдно» [16, с. 256]. То есть, как мы видим, традиционная для драматических произведений конкретика отвергается автором «Вечного жида» – используются же обобщения: в каждой частной характеристике заложена возможность (и даже необходимость) расширения до общего принципа. Объясняя

наше внимание к данному вопросу, отметим, что в авторских решениях В. Шершеневича (субъективный и экспрессивный описательный метод вместо традиционных нейтральных пометок «для господ актеров»; нарочито не конкретные, а общие характеристики) не только лишь реализуется повсеместное для авангардной литературы нарушение принятой художественной нормы, но и формально выражаются содержательные установки: с одной стороны, на значимость авторского «Я», на неотделимость автора-субъекта от текста и его эмоциональную включенность в формируемый художественный мир, а с другой – на универсализацию художественного мира пьесы, расширение ее идей до общих, «вселенских». Последнее подтверждается также отсутствием имен собственных: все герои известны нам лишь своим званием, статусом, каждый из них сразу же воспринимается, скорее, как архетип, собирательный или концентрированный образ, маска.

В данной статье мы сосредоточимся на рассмотрении двух ключевых героев пьесы – Поэта и Бога – и определим, какие архетипические черты и культурные (литературные, мифологические и религиозные) элементы составляют портреты данных персонажей и как это связано с названием произведения, отсылающим нас к апокрифической легенде об Агасфере, Вечном жиде – ремесленнике, который поступил несправедливо с Иисусом Христом, шедшим на распятие, и в качестве воздаяние за это был обречен на вечные скитания по земле до Второго пришествия.

Поэт в каталоге действующих лиц описан следующим образом: «25 лет. Резкие углы лица. Причесан очень гладко. Немного стилизуется под англичанина» [16, с. 255]. Трудно не обратить внимание на то, что, на первый взгляд, такое общее описание подходит (с одной оговоркой) к одному из главных, «эталонных», поэтов русской литературной традиции – М. Ю. Лермонтову, который погиб на дуэли в возрасте 26 лет (25 лет для Лермонтова – творческая вершина, совершенный расцвет), на всех портретах гладко причесан (хотя, надо заметить, «углы» его лица трудно охарактеризовать как «резкие») и многократно сравнивался современниками, читателями и критиками с английским поэтом Дж. Г. Байроном (на что намекает деталь «...стилизуется под англичанина») на осно-

вании творческих и биографических соответствий, которые подробно и досконально изучены историками литературы (см., например, диссертацию «Лермонтов и Байрон: к вопросу о типологии романтического героя» М. Л. Семеновой¹). То, что В. Шершеневич осознанно избрал М. Ю. Лермонтова в качестве прототипа для своего Поэта, – лишь предположение, не определяющее ход анализа эйдологии пьесы, однако любопытное в контексте замеченных исследователями русского имажинизма связей творческих миров В. Шершеневича и М. Лермонтова. Так, А. А. Николаева отмечает «внутреннюю связь драматургии В. Г. Шершеневича с творчеством М. Ю. Лермонтова», которая выражается «в противопоставлении героя и толпы, мотивах его вызова привычному порядку вещей, одиночества и отринутости миром, преемственно-полемической связи между образами “маскарада” и “арлекинады” как метафоры театральности, фальши и лицедейства, царивших в окружающей жизни»². Одиночество и отринутость, как характеристики романтического героя, исключительного персонажа в типичных обстоятельствах, вполне соответствуют как фигуре поэта (в рамках эпохи господствующего романтизма, когда, собственно, и сложился образ «русского поэта»), так и Вечному жижду, презренному обществом и не находящему нигде покоя.

Довершить мысль о связи Поэта с М. Лермонтовым как архетипом позволит уточнение про А. С. Пушкина, который является собой первостепенное и неоспоримое выражение архетипа «русского поэта». Здесь необходимо отметить, что другие поэты-имажинисты (А. Мариенгоф, С. Есенин, А. Кусиков) в жизни и творчестве тяготели, скорее, к Пушкину как к поэтическому прототипу и образцу (об этом можно прочесть в работах В. А. Сухова³ и С. Н. Пяткина⁴) с общей ориентацией на пафос и роль «поэта-пророка», навсегда закрепленную именно за фигурой А. С. Пушкина. Религиозный же пафос

¹ Семенова М. Л. Лермонтов и Байрон: к вопросу о типологии романтического героя: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 208 с.

² Николаева А. А. Драматургия имажинизма в контексте художественных исканий первой четверти XX века: дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2015. С. 45.

³ Сухов В. А. «Не назад к Пушкину, а вперед от Пушкина (пушкинские традиции в творческом осмыслении А. Мариенгофа и поэтов имажинистов)» // Русский имажинизм: история, теория, практика [По материалам докладов Международной научной конференции (к 110-летию со дня рождения В. Г. Шершеневича), 4–5 апреля 2003 г.] / Ред. В. А. Дроздов, А. Н. Захаров, Т. К. Савченко. М.: Линор, 2003. С. 249–254.

⁴ Пяткин С. Н. Тема «Поэта-пророка» в жителнотворчестве Есенина как диалог-соперничество с Пушкиным // Приволжский научный вестник. 2013. № 8 (24). Т. 2. С. 99–103.

жизни и творчества М. Ю. Лермонтова значительно отличается от пушкинского. Его вера и его духовная позиция – в меньшей степени «солидарны» с божественным порядком и менее соответствуют традиционному православному смирению, на что обращали внимание многочисленные исследователи, критики и писатели, начиная с XIX века. Еще В. Г. Белинский отмечал наличие в поэзии Лермонтова «демонского полета – с небом гордой вражды», «демонских элементов» [4, с. 84], а Д. С. Мережковский в своей статье «М. Ю. Лермонтов – Поэт сверхчеловечества» подчеркивал бунтарский, богоборческий характер Лермонтова-поэта: «...во всей его поэзии, которая есть не что иное, как вечный спор с христианством, нет вовсе имени Христа» [12, с. 384]. В статье Мережковского естественно (на что намекает ее название) поднимается тема ницшеанства, и здесь писатель ссылается на размышления русского философа и литератора Вл. Соловьева, высказанные в статье о Лермонтове. Соловьев прямо утверждает, что в фигуре Лермонтова (которая, как мы понимаем, с течением времени формирует соответствующий архетип, мифему внутри мифа русской поэзии) он видит родоначальника «того духовного настроения и того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий, которые для краткости можно назвать “ницшеанством”» [11, с. 65]. «Ницшеанство» в религиозном контексте рассматривается как синоним «богоборчества». Продолжать перечисление сходных позиций в отношении к роли М. Ю. Лермонтова можно долго (похожие мнения высказывали Ап. Григорьев, С. Бурачок, Н. Гоголь, А. Закржевский и другие), однако это не представляется необходимым в ходе данного анализа. Подытожим данный пункт: несмотря на несомненный генезис развития религиозных представлений и личной позиции М. Ю. Лермонтова, мы возьмем за основу тот образ, тот миф о Лермонтове, который, как мы продемонстрировали, был актуален и известен в Серебряном веке, что и выразили Д. Мережковский и Вл. Соловьев (авторитет обоих авторов неоспорим в контексте данной эпохи). Безусловно, В. Шершеневич является наследником и в определенном смысле продолжателем Серебряного века (несмотря на оппозиционный и революционный пафос русского имажинизма), а потому – случайно или намеренно – он также наследует и представление о поэте Лермонтове.

В. Ф. Одоевский назвал Пушкина «солнцем русской поэзии», а Д. С. Мережковский в своей статье о Лермонтове противопоставил его Пушкину и назвал «ночным светилом» – то есть луной. Символическое соответствие дополнительно подтверждает оправданность интереса к фигуре Лермонтова среди представителей Серебряного века и объясняет их стихийную близость образу «второго великого поэта». «Солнце русской поэзии» – поэт-пророк – фигура, движимая божественным установлением, пророчески сообщающая божью волю. «Луна русской поэзии» – персонаж ночного порядка, герой ноктюрна, сомневающийся в божественной воле, даже противостоящий ей. Такова двойственность, амбивалентность мифического образа русского поэта. Неслучайно Поэт в пьесе В. Шершеневича по типуажу более напоминает Лермонтова, ведь центральный мотив произведения – богоборческий.

Герою Поэта противопоставлен Бог, второй ключевой персонаж драмы, который охарактеризован так: «Более известен под именем Иисуса. Говорит тенорком. Столько лет, сколько их промчалось или проплелось от Рождества Христова» [16, с. 256]. Прежде всего необходимо отметить, что автор решает заявить этот персонаж не как абстрактного бога вне конфессиональных рамок, не как «философского бога»: в описании действующего лица изначально обозначена принадлежность данного Бога именно к христианской традиции, это конкретно Иисус Христос, «богочеловек», «воплотившийся Бог» в соответствующей системе координат. Необходимо также указать на ироническую (в религиозном понимании кощунственную) авторскую интонацию в описании персонажа Бога, на что указывает принципиально профанная, саркастическая лексика. Подобное нарушение религиозного сакрального пафоса – естественное явление для произведений имагинистов (особенно для В. Шершеневича и А. Мариенгофа), однако справедливо будет указать на то, что в случае драмы «Вечный жид» язвительный и саркастический тон автора распространяется не только на сакральное и Бога, как его персонификацию, но и в общем на всех героев и события, с ними происходящие. Так, «Вечный жид» В. Шершеневича, если поискать соответствие в традиционных жанровых формах, можно назвать бурлеском, ведь ключевой стилистический прием здесь –

травестия, изображение и описание «высоких» тем, мотивов, образов и персонажей в намеренно комической, шутовской, манере, повсеместное снижение пафоса и переименование с адаптацией к современным обстоятельствам.

Вернемся позже к авторскому изображению героя Бога. Обратимся к тексту пьесы, обозначая элементы и пункты, принципиальные для рассмотрения мифопоэтического содержания образов персонажей.

Один из центральных сюжетных пунктов (уже в первом действии), предоставляющих широкое пространство для мифопоэтического анализа, – употребление Поэтом кокаина в некоем притоне. Притон описывается как естественное для эпохи декаданса порочное место, где находятся «эстетствующие госпожи с плохо вычищенными ногтями и дамочки, точно спущенные с цепочки Кузнецкого». Все одинаковые, «словно томы собрания сочинения Брюсова в “Сирине”» [16, с. 256]. Попав в притон, Поэт остается незамеченным. Автор описывает его как «очень неплохого» поэта, однако об этом никто из присутствующих не осведомлен, и, в целом, никому до него дела нет. Важно также отметить следующее предложение авторской ремарки: «Поэт озирается и как будто что-то вспоминает, припоминает как будто». В ценностном смысле действие воспоминания свидетельствует о духовной работе персонажа. Припоминание (а это единственное, чем занят Поэт до начала основных событий пьесы) или, в терминологии М. Элиаде, *anamnesis* в символическом ракурсе – это не воспоминание о событиях прошлого, а «воссоздание истин, структур реальности» [18, с. 139]. Данная трактовка первого появления поэта вполне коррелирует с дальнейшим содержанием и идеей произведения, как мы продемонстрируем далее.

После первого монолога Поэта, насыщенного образами, сравнениями, элегического по интонации, «один господин» предлагает ему употребить кокаин: «Не скули и не стонь! На! Понохай! Узнаешь / Пьяный шаг прошатавшихся дней!» [16, с. 258]. Данное действие следует рассматривать как травестированный образ винопития (то есть опьянения, изменения состояния сознания), предвещающего дионисийскую мистерию (далее образ оной будет подтвержден). На мифологические корни употребления кокаина в пьесе (более того, на то, что

и притон – это травестирированный образ языческого храма) указывает существенная деталь, которую В. Шершеневич предоставляет в авторской ремарке. Так, герою передают наркотик, а затем: «Поэт роняет, неловкий, трубку, рассыпает кокаин, поднимает вычурно-тщательно порошок с полу, нюхает, нюхает и недоуменно смотрит на тающих окружающих» [16, с. 259]. То, что Поэт уронил порошок на пол прежде собственного употребления, – это не случайный, а намеренно введенный автором и значимый элемент развития сюжета. Продолжая анализ логики травестирии, мы отмечаем, что предварением вакханалии, дионисийской мистерии в ряде вариаций мифа считается «возлияние Бахусу» (римский вариант имени греческого бога Диониса), суть которого заключалась в ритуальном пролитии вина на землю, – то есть прежде собственного употребления вступающий в мистирию делился вином с богом Бахусом (Дионисом), входя таким образом в контакт с сакральным [1, с. 102]. Дальнейшее употребление вина предполагалось уже для собственной «настройки» на этот контакт. Мы полагаем, что данная деталь (просыпание порошка на пол, уподобленное пролитию вина на землю) практически полностью исключает вероятность случайного введения В. Шершеневичем дионисийского кода в пьесу «Вечный жид».

На пересечении проблематики нашей статьи, подчеркивающей образы Поэта и Бога и дионисийского мифологического кода, сразу возникает ряд ассоциаций, однако, прежде всего, необходимо отметить, что сам архетип греческого бога Диониса – существенный для имагинистов в целом и для В. Шершеневича в частности. Обратиться к соответствующей образности следовало бы, даже если бы мы не обнаружили непосредственного указания на вакханалии, описанного ранее. Как литературные маски имагинистов, так и образы их произведений регулярно отсылают если не к самому Дионису, то к дионисийскому культурному коду, к тому, что типологически относится к режиму воображения (по Ж. Дюрану) драматического ноктюрна (важнейший базовый архетип которого – Дионис) [8, с. 109]. К тому же антропологическому модусу относятся персонажи: Арлекин (к которому регулярно обращается В. Шершеневич и другие имагинисты [2, с. 38]), шут, гаер (один из псевдонимов В. Шершеневича – Георгий

Гаер). В большинстве персонажей этого антропологического типа реализуется драматическое противоречие: внешний юморизм, юмористическая маска – при трагическом и серьезном значении героя и сюжетном содержании. Это сообщается с принципом бурлеска, который избирают для своих произведений имажинисты: «высокое» содержание выражается «сниженными» стилистическими средствами. Как отмечает Н. С. Бандурина, «В. Шершеневич признает за радостью наличие скрытого смысла и значения – не просто смех, а внутреннее веселье. Под этим внутренним весельем можно понимать радость освобождения. В связи с этим, снимающий все привычные нормы поведения и морали смех одновременно с радостью необузданной свободы трагичен, поскольку освобождение в смехе происходит неполное – только на время праздника» [3, с. 166]. Веселье и праздность, сопровождающиеся освобождением от привычных норм и знаменующие при этом вход в пространство сакрального на структурном и содержательном уровне, соотносятся с мистериями Диониса.

Необходимо также кратко описать особенности культурного фона, сопровождающие архетип Диониса в рамках русского Серебряного века. Главным распространителем и «проповедником» дионисийского дискурса в контексте русской культуры начала XX столетия был Вяч. Ив. Иванов, автор обширного исследования «Дионис и прадионисийство» [10]. В этой работе, как и в других по данной тематике, Вяч. Иванов, в частности, акцентирует внимание на покровительстве Диониса поэту (каковое всегда считалось одной из ролей данного бога). В изложении Вяч. Иванова, Дионис – бог и покровитель творчества, «потому что поэт призван не только творить гармонию, не только взывать к жизни тайное тайных человека, но он сам должен пройти жертвеннический путь в создании своего творения» [15, с. 277]. То есть умирающий и воскресающий бог подобен творцу, поэту, приносящему себя в жертву искусству и воскресающему в своих произведениях, воскресающему вместе с ними. В этом же образном ряду находится родственник Дионису персонаж античного мифа – Орфей, один из первых архетипических поэтов, которому также уделял внимание Вяч. Иванов. Орфей, в соответствии с некоторыми источниками и версиями, был прародителем дионисийских

мистерий. В. Шершеневич был прекрасно знаком с работами Вяч. Иванова, на что указывают как прямые упоминания (например, в статье Шершеневича «За полгода» [17, с. 2]), так и тематическая перекличка. В контексте нашей темы особо интересным и определяющим является вопрос соотношения Диониса / Орфея (допустим их типологическую тождественность в данном сопоставлении, тем более, что ни один, ни второй не упоминаются в тексте напрямую и интересны нам именно в качестве архетипов, соотносимых с образом поэта в русле религиозной мистерии) и Христа (который появляется в художественном мире «Вечного жида» буквально, физически).

Вяч. Иванов сближает эллинизм с христианством, рассматривая Диониса и Христа как похожих до степени неразличимости богов, пусть и внешне они относятся к разным традициям (Иванов чаще не напрямую отождествляет Христа и Диониса, а намекает и подводит к однозначному выводу). Не будем углубляться в сходства, подчеркнутые Вяч. Ивановым, однако укажем на одно, существенное в рамках данной статьи: Дионис – «бог мистической религии “вакхов”, цель которой – обожествление (апофеоза) человека» [10, с. 176]. Несмотря на полемический неоднозначный характер данного сопоставления, оспоренный многими исследователями как античности, так и христианства (с этим сравнением, в частности, спорил А. Ф. Лосев), необходимо признать, что в рамках русского Серебряного века, начиная с символизма (у Иванова, Мережковского и др.), Дионис и Христос сближаются и даже часто отождествляются – как минимум, на интересующем нас архетипическом уровне.

Подобная ситуация и с Орфеем. О. А. Гримова в своей диссертации о мифопоэтике русского символизма пишет: «Для Серебряного века большое значение имело слияние мотива нисхождения / восхождения Орфея, разыгрываемого в орфических мистериях, с идеей смерти / воскресения в христианстве. Слияние Орфея с Христом повлекло особенное, обновленное восприятие роли поэта <...>. Отождествление Орфей – Христос, безусловно, представляется концептуальным. Оно дает ключ к пониманию еще одной грани смысла, вкладываемого в понятие “поэт” на рубеже веков. Истинный поэт – и Орфей, и Христос, и абсолют поэта, и абсолют чело-

века, это синтез двух абсолютов, их апогей»¹. Таким образом, и Дионис, и Орфей – персонажи, выражающие абсолют человеческой природы, проявляющийся вместе с реализацией творческого потенциала. Оба персонажа составляют общий архетип, имеющий двойственную природу – богочеловеческую, предельную (в изложении Иванова, Орфей – художник, гармонизирующий Хаос [15, с. 278]). Дионис–Орфей – это одновременно и абсолют, и вызов абсолюту. Этим и интересна их сложная диалектическая связь с Христом, которую, с нашей точки зрения, и выражает художественными средствами В. Шершеневич в пьесе «Вечный жид».

Войдя в сакральное пространство (в мистерию), Поэт (во втором действии пьесы) встречается с Богом. Бог (который сразу представлен как Христос, в человеческом облике) воспроизводит своим поведением известные штампы, связанные с фигурой Христа и с христианством, которые автором описаны вновь иронически (при появлении персонажа, к примеру, «[в]оздух пахнет ладаном и славянизмами торжественными»). Всемогущим и вездесущим в их диалоге предстает Поэт, тогда как Бог, наоборот, медлителен и безразличен к жизни универсума. Поэт общается с Богом вызывающе, даже хамски. Бог сетует на собственное положение: он говорит не как творец и не как управитель вселенной. Напрямую из его слов следует, что он подневольный, что он сын Божий (то, что в персонаже Бога явлена именно ипостась Сына, подчеркивается: «Я в последний раз говорил с отцом / Уже девятнадцать назад столетий!») и что он точно не является демиургом сейчас, если даже и был им ранее. Бог у Шершеневича не способен никому помочь и жалуется на собственное положение, на принужденность к божественности (это опять же с известным допущением можно отнести к роли Бога–Сына). Данный герой пьесы беспомощен и слаб, он напоминает скорее некий идол, на который возложены надежды, оправдать которые он не способен. На фоне Поэта (и это принципиально) Бог – слаб. Поэт же способен (как Орфей) действительно воздействовать на Хаос мира и, видя слабость Бога, призывает того (даже приказывает) остаться на земле (то есть не возвращаться на небо):

¹ Гримова О. А. Античный герой в художественной системе русского символизма: особенности эстетической и творческой рецепции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 2006. С. 14. EDN: NNQXQD

Ты такой же смешной и никчемный,
 Как я – последний поэт!!!
 Сиди же здесь, жуткий, тишиной
 Зачумленный,
 Глотай молитвы в раскрытую пасть,
 Покуда наш мир, тобой
 Пропыленный,
 Не посмеет тебя проклясть [16, с. 275].

После чего «бурно падает громыхающий, слетающий занавес», действие заканчивается. Происходит рокировка. Бог, не проявивший себя как Бог, остается на земле. Поэт же (как и Орфей в различных сказаниях) возносится, восходит на небо, несмотря на то что и ранее обладал, судя по тексту, вполне божественным статусом. В третьем действии пьесы Поэт оказывается в месте, очевидно напоминающем образ рая. Там сначала Девушка, а потом Женщина предлагают ему любовь, блаженство, покой, вечное наслаждение друг другом. Однако пьеса оканчивается тем, что Поэт покидает это прекрасное пространство, уходя скитаться, бесконечно влюбляться и искать ту, «которую не должен найти»: «А если б нашел я ту, что мне надо, / А если б знал я то, что мне надо, / Тогда бы я был не поэт» [16, с. 287].

Конец пьесы содержательно отсылает нас к ее названию. Необходимо коротко прояснить, как легенда об Агасфере соотносится с произведением В. Шершеневича и чем Поэт похож на Вечного жида. Поэт – вечный странник, пилигрим, как и Агасфер из апокрифической легенды: «принципиально» неприкаянный, он не может найти пристанище, успокоиться, остановиться. И об этом прямо свидетельствует окончание пьесы. В чем же проявляется полемический характер произведения Шершеневича в отношении к традиционному сказанию о Вечном жиде? Главный дополнительный элемент, усугубляющий проблематику неприкаянности, это важный для пьесы мотив богоборчества. Поэт в «Вечном жиде» – это не просто скитающийся менестрель, это (после сакрального перехода с помощью кокаина) действительный демиург, имеющий гораздо большее влияние на мир, чем Бог, которого он ни во что не ставит при личной встрече. Поэт, по собствен-

ному признанию, «бродил по апостолам, ночевал в Коране», то есть он всю историю (как минимум, после Христа) действовал свободно, не принадлежа к конкретной конфессии, превосходя учения и традиции. Он, в отличие от Бога в пьесе Шершеневича, сильный и всемогущий персонаж. И тем значительнее и серьезнее та неприкаянность, которая стала его роком. Традиционный персонаж Агасфер обречен скитаться до Второго пришествия. «Агасфер» Шершеневича уже встретил Христа, оставил его на земле и отправился «в рай», но и там не нашел пристанища, таким образом выявив свою обреченность не только лишь в формате христианского предания, широко понятого христианского мифа, но и вне любых конфессиональных ограничений – в универсальном вселенском экзистенциальном смысле.

Обсуждение и выводы

Справедливо будет отметить, что В. Шершеневич препарирует мифы и легенды синтетическим образом (что свойственно и для имажинистов, и для литературы модернизма в целом). Поэт, персонаж пьесы «Вечный жид», типологически встраивается в режим драматического ноктюрна, в рамках которого мистериальный обряд предоставляет ему доступ к сакральному – в этом пространстве: как в «мире образов» (по А. Корбену), он сам приобретает божественный статус и общается с такими божественными архетипами, как Дионис (покровитель творчества) и Орфей (первообразный поэт). Оба в той или иной степени являются и богами, и богоборцами, соперничающими с судьбой, с волей абсолюта, – ведущими серьезную борьбу с роком в шуточной, комической или драматической форме (что соотносится со стилистикой пьесы, напоминающей бурлеск). Большая часть образов и идей «Вечного жида» подвержена травестию, ироническому переосмыслению. Травестированным в произведении Шершеневича оказывается и персонаж Бог, который есть Христос, прошедший определенный путь в обратном поэту направлении – от божественности к человечности – и окончательно уставший от собственного статуса. Бог в пьесе – слабый и недееспособный персонаж, если и имеющий какое-либо отношение к христианской традиции, то только лишь в фор-

мате сатирической пародии, высмеивания, что кощунственно с религиозной точки зрения. Такой же кощунственной с точки зрения христианской этики является, в общем, пьеса «Вечный жид», однако «богохульный» сниженный пафос в ее тексте служит исключительно для подчеркивания, для значительного образного определения роли поэта, творца в масштабах Вселенной. Высмеивая сакральное, В. Шершеневич, тем не менее, сакрализует в своей драме художественное творчество и создает насыщенный (как имплицитным содержанием, так и эксплицитными формами проявления) образ Поэта, способный по-ницшеански (или по-лермонтовски) спорить с создателем, оппонировать его воле, даже превосходить его (снисходительность, оскорбительный тон – средства усиления данной выразительности). Поэт в метафорическом смысле всемогущ, однако, и этим В. Шершеневич подытоживает свою пьесу, он обречен на вечный поиск без шанса на обретение желаемого (в противном случае, он будет не поэт), ведь даже в раю он не обнаруживает счастья.

Список литературы

1. Ануфриенко О. В. Дионисийские корни ритуала чаепития в романе Х. Дулитл «Вели мне жить» // Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи. Материалы 5-й ежегодной всероссийской студ. научно-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов. – Екатеринбург, 2012. – С. 101–105.
2. Бандурина Н. С. «Электрический» Арлекин В. Шершеневича: мотив ожившей куклы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2011. – № 4. – С. 38–39. EDN: PAPZXL
3. Бандурина Н. С. От итальянской *commedia dell'arte* к русскому балагану: на примере творчества В. Шершеневича // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. – 2011. – № 3. – С. 165–169.
4. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. – М.: АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом), 1953–1959. – Т. 12. – 596 с.
5. Брюсов В. Я. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. VI. – 656 с.
6. Дроздов В. А. Зарождение русского имажинизма в творчестве Шершеневича (хронология событий, 1911–1916 годы) // Русский имажинизм: История, теория, практика. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 27–51. EDN: QQQVWD
7. Дроздов В. А. Послесловие (еще о Шершеневиче) // Русский имажинизм: История, теория, практика. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 439–446. EDN: QQQVWD
8. Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. – М.: Трикта, 2010. – 556 с.
9. Захаров А. Н. Русский имажинизм: предварительные итоги // Русский имажинизм: История, теория, практика. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 11–27. EDN: QQQVWD
10. Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. – СПб.: Алетейя, 1994. – 350 с.
11. М. Ю. Лермонтов: pro et contra / сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова, коммент. Г. Е. Потаповой и Н. Ю. Заварзиной. – СПб.: РХГИ, 2002. – 1080 с.

12. Мережковский Д. С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. – М.: Советский писатель, 1991. – 496 с.

13. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Блок и русский символизм: Избранные труды: В 3 кн. – СПб.: Искусство-СПб, 2004. – Кн. 3: Поэтика русского символизма. – С. 59–96.

14. Николаева А. А. Жанровое своеобразие пьесы В. Г. Шершеневича «Вечный жид» (1919) // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («IV Смирновские чтения»), 2021. – С. 157–162. EDN: FUFNGF

15. Тюрина Ю. Образ Орфея в дионисийской концепции Вяч. Иванова (статья «Орфей растерзанный» из сборника «Прозрачность») // Дергачевские чтения-98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы междунар. науч. конф. 14–16 окт. 1998 г. / отв. ред. А. В. Подчиненов. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. – С. 276–278.

16. Шершеневич В. Г. Стихотворения и поэмы. – СПб.: Акад. проект, 2000. – 360 с.

17. Шершеневич В. Г. За полгода // Нижегородец. – 1913. – № 254 (22 августа). – С. 2.

18. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Акад. проект, 2023. – 236 с.

Talgat Irkagaliev

"The Poet" and "God" in the Play *The Eternal Jew* by V. Shershenevich

The article examines the images of the Poet and God in V. Shershenevich's play *The Eternal Jew* through the analysis of the author's remarks and the characters' own remarks in the "tragedy of magnificent despair". The position of the play's characters within the given artistic archetypes and the heroes' belonging to the corresponding cultural and historical traditions (Russian poetry and Orthodox Christianity, respectively) are analyzed. Based on the cultural context of the work, the motif of theomachism is considered and the polemical nature of the play is established in relation to the well-known apocryphal legend of Ahasuerus (the Eternal Jew). The article pays considerable attention to the "Dionysian code" of the play, and analyzes the corresponding mythologemes and imagery introduced by the author into the text. Based on the context of the perception of myth in the Silver Age (in particular, with references to the texts of V. Solovyov, V. Ivanov, D. Merezhkovsky) and the later works of researchers of the corresponding mythopoetic strategies, V. Shershenevich's interpretation of classical plots is examined, the stylistic techniques used are identified, and the author's pathos is defined.

Key words: poet, God, archetype, Christ, Dionysus, Silver Age, myth.

For citation: Irkagaliev, T. Z. (2024) «Poet» i «Bog» v p'ese V. Shershenevicha «Vechnyj zhid» ["The Poet" and "God" in the play *The Eternal Jew* by V. Shershenevich]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 59–77. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_4_59. EDN: NSOWOG

References

1. Anufrienko, O. V. (2012) Dionisiiskie korni rituala chaepitiya v romane Kh. Dulitl' «Veli mne zhit'» [The Dionysian Roots of the Tea Drinking Ritual in H. Dolittle's "Tell Me to Live"] *Zarubezhnaya literatura: kontekstual'nye i intertekstual'nye svyazi* [Foreign literature: contextual and intertextual connections]. Proceedings of the 5th annual all-Russian student scientific and practical conference of students, master's students and postgraduates. Ekaterinburg. Pp. 101–105. (In Russian).

2. Bandurina, N. S. (2011) «Elektricheskii» Arlekin V. Shershenevicha: motiv ozhivshoi kukly» ["Electric" Harlequin by V. Shershenevich: the motif of a living doll]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina – Bulletin of the Pushkin Leningrad State University*. No. 4. Pp. 38–39. (In Russian). EDN: PAPZXL
3. Bandurina, N. S. (2011) Ot ital'yanskoi commedia dell'arte k russkomu balaganu: na primere tvorchestva V. Shershenevicha [From Italian commedia dell'arte to Russian farce: the example of the work of V. Shershenevich]. *Vestnik Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta turizma i kurortnogo dela – Bulletin of Sochi State University of Tourism and Resort Business*. No. 3. Pp. 165–169. (In Russian).
4. Belinskii, V. G. (1953–1959) *Poln. sobr. soch.*: V 13 t. [Complete works: In 13 vols.]. Moscow: AN SSSR, In-t rus. literatury (Pushkin. dom). (In Russian).
5. Bryusov, V. Ya. (1976) *Sobr. soch.*: v 7 t. [Complete works: In 7 vols.]. Moscow: Fiction Literature. (In Russian).
6. Drozdokov, V. A. (2005) Zarozhdenie russkogo imazhinizma v tvorchestve Shershenevicha (khronologiya sobytii, 1911–1916 gody) [The Birth of Russian Imaginism in the Works of Shershenevich (chronology of events, 1911–1916)]. *Russkii imazhinizm: Istoriya, teoriya, praktika* [Russian Imaginism: History, Theory, Practice]. Pp. 27–51. (In Russian). EDN: QQQVWD
7. Drozdokov, V. A. (2005) Posleslovie (eshche o Shersheneviche) [Afterword (more about Shershenevich)]. *Russkii imazhinizm: Istoriya, teoriya, praktika* [Russian Imaginism: History, Theory, Practice]. Pp. 439–446. (In Russian). EDN: QQQVWD
8. Dugin, A. G. (2010) *Sotsiologiya vobrazheniya. Vvedenie v strukturnuyu sotsiologiyu* [Sociology of the Imagination: An Introduction to Structural Sociology]. Moscow: Triksa Publ. (In Russian).
9. Zakharov, A. N. (2005) Russkii imazhinizm: predvaritel'nye itogi [Russian Imaginism: preliminary results]. *Russkii imazhinizm: Istoriya, teoriya, praktika* [Russian Imaginism: History, Theory, Practice]. Pp. 11–27. (In Russian). EDN: QQQVWD
10. Ivanov V. I. (1994) *Dionis i pradiionisiistvo* [Dionysus and pre-Dionysianism]. St. Petersburg: Aleteya Publ. (In Russian).
11. Markovich, V. M., Potapova, G. E. (2002) *M. Yu. Lermontov: pro et contra* [M. Yu. Lermontov: pro et contra]. St. Petersburg: RKhGI Publ. (In Russian).
12. Merezhkovskii, D. S. (1991) *V tikhom omute. Stat'i i issledovaniya raznykh let* [In a Still Water. Articles and Research from Different Years]. Moscow: Sovetskii pisatel Publ. (In Russian).
13. Mints, Z. G. (1979) O nekotorykh «neomifologicheskikh» tekstakh v tvorchestve russkikh simbolistov [On some “neomythological” texts in the works of Russian symbolists]. *Blok i russkii simbolizm: Izbrannye Trudy* [Blok and Russian Symbolism: Selected Works]. Vol. 3. Pp. 59–96. (In Russian).
14. Nikolaeva, A. A. (2021) Zhanrovoe svoeobrazie p'esy V. G. Shershenevicha «Vechnyi zhid» (1919) [Genre originality of the play “The Eternal Jew” by V. Shershenevich (1919)]. *Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh'ya v kontekste epokhi* («IV Smirnovskie chteniya») [Verbal Art of the Silver Age and the Russian Diaspora in the Context of the Era (IV Smirnov Readings)]. Pp. 157–162. (In Russian). EDN: FUFNGF
15. Tyurina, Yu. (1998) *Obraz Orfeya v dionisiiskoi kontseptsii Vyach. Ivanova (stat'ya «Orfei rasterzannyi» iz sbornika «Prozrachnost'»)* [The Image of Orpheus in the Dionysian Concept by Vyach. Ivanov (article “Orpheus Torn to pieces” from the collection “Transparency”). *Dergachevskie chteniya-98* [Dergachev Readings-98]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGU. Pp. 276–278. (In Russian).
16. Shershenevich, V. G. (2000) *Stikhotvoreniya i poemy* [Poetry and poems]. St. Petersburg: Akad. Proekt Publ. (In Russian).
17. Shershenevich, V. G. (1913) *Za polgoda* [In six months]. *Nizhegorodets – Nizhny Novgorod resident*. No. 254. P. 2. (In Russian).
18. Eliade, M. (2023) *Aspekty mifa* [Aspects of Myth]. Moscow: Akad. Proekt Publ. (In Russian).

Об авторе

Иркагалиев Талгат Закарьяевич, аспирант Московского городского педагогического университета (Москва, Российская Федерация); e-mail: talgatirkagaliev@mail.ru; ORCID ID: 0009-0009-4389-8889

About the Author

Talgat Irkagaliev, Postgraduate Student, Moscow City University (Moscow, Russian Federation); e-mail: talgatirkagaliev@mail.ru; ORCID ID: 0009-0009-4389-8889

дата получения: 25.10.2024 г.
дата принятия: 30.11.2024 г.
дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 25 October 2024
date of acceptance: 30 November 2024
date of publication: 28 December 2024

В. В. Королева, О. В. Февралева

И. В. Гете и Э. Т. А. Гофман: к вопросу о творческом диалоге (влияние И. В. Гете на формирование сказочной поэтики Э. Т. А. Гофмана)

В статье рассматривается специфика отражения гетевских аллюзий в раннем сказочном творчестве Э. Т. А. Гофмана. Отмечаются отсылки Гофмана к произведениям Гете «Сказка о зелёной змее и прекрасной Лилии» (1795), «Триумф чувствительности» (1778), «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1975–1976) и др. Гофман, признавая Гете как гения немецкой культуры, порой с иронией относится к его культуре, вкладывая в уста своих персонажей критические высказывания о признанном писателе и учёном, создаёт прозрачные реминисценции, а также цитирует в ироническом контексте его произведения («Собака Берганца», «Взаимосвязь вещей» и др.). В статье делается вывод, что Гофман продолжает размышления над рядом проблем, восходящих к творчеству Гете: профанация искусства (ирония над героем-подражателем, осмысление роли Шекспира в формировании немецкого театра («Необыкновенные страдания директора театра») и др.), проблема мелкости в парадоксальной связи с величием («Крошка Цахес»), механизация человека и общества и мотив любви к кукле («Песочный человек»), образ псевдоромантического героя и осмысление природы как источника истинного вдохновения («Королевская невеста», «Золотой горшок»).

Ключевые слова: Гете, Гофман, романтизм, гетевские аллюзии, творческий диалог, ирония, проблема профанации искусства, образ псевдоромантика.

Для цитирования: Королева В. В., Февралева О. В. И. В. Гете и Э. Т. А. Гофман: к вопросу о творческом диалоге (влияние И. В. Гете на формирование сказочной поэтики Э. Т. А. Гофмана) // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 78–90. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_78. EDN: OIRIGS

Творческий, во многом полемический диалог между И. В. Гёте и деятелями романтического течения – тема, открывающая обширное поле для текстологических изысканий, для наблюдений за принципами построения структуры художественного целого, которые исповедовала и переосмысливала немецкая литература на рубеже XVIII–XIX веков. Нас интересует взаимодействие двух поэтических миров, развивавшихся в одном культурно-историческом пространстве, так что их

контакты были неизбежны – миров Гёте и Э. Т. А. Гофмана, разносторонне одаренного человека: художника, композитора (одно из своих музыкальных произведений (зингшпиль «Шутка, хитрость и месть», 1801) он написал на стихи Гёте), музыкального критика и, наконец, литератора. Хотя путь Гофман-писателя не занял и двадцати лет, автор успел сформировать один из наиболее оригинальных литературных методов, по сей день активно влияющих на развитие искусства, не только вербального, но и аудиовизуального (кино и анимации).

Концепция романтического двоемирия, хорошо изученная гофмановедами (Т. Крамер [15], К. Негус [17], Л. Пикулик [18], Дж. Нокс [16], Н. Я. Берковский [2], А. В. Карельский [6], М. И. Бент [1] и др.), может быть дополнена такой взаимопроникающей оппозицией как *реальность* – «литературность». Под последним планом следует понимать комплекс романтических, драматических и лирических явлений, способных влиять на первый план – на фактическое существование людей. Гофман жил в эпоху, когда искусство становилось массово доступным и модным по самому своему существу. Гёте, Лессинг, Шиллер сделали много для популяризации поэзии (в широком смысле – вербального искусства вообще). Романтики декларировали её онтологический и аксиологический приоритет: искусство ведёт человека к высшему бытию. Среди образованного молодого поколения возник культ поэзии, в центре которого оказалась фигура Гёте; само его имя звучало как синоним гения.

Пожалуй, первая фиксация Гофманом ажиотажа вокруг Гёте приходится на 1813 год, когда создаётся продолжение «Новеллы о беседе собак» М. де Сервантеса – «Известия о дальнейших судьбах собаки Берганца», – в котором есть два упоминания прославленного имени в речи рассказчика-пса, по вине колдовства на один день приобретающего ясный, но язвительно-саркастичный человеческий разум:

Можно ли глубже оскорбить художника, чем позволив черни считать его себе подобным? <...> Сколько раз я испытывал отвращение, когда такой вот тупоголовый малый разглагольствовал об искусстве, цитировал Гете и силился озарить вас блеском поэзии, одна-единственная вспышка которой испепелила бы этого худосочного и бессильного недоросля <...>.

Тебя заинтересовала какая-нибудь гостя – тихая девушка возле печки, которая только пила чай и ела пирожное, и ты хотел в подходящий момент блеснуть перед нею умом и сказать: "Божественная! Чего стоит весь этот разговор, и пение, и декламация – один-единственный взгляд ваших божественных глаз дороже, чем весь Гете, последнее издание..." [5, I, с. 109–111].

В этом контексте Гёте позиционирован как общепризнанный кумир, чьи творения используются обывателями в частных и приземлённых целях – для удовлетворения тщеславия или флирта. Гофмана удручало, раздражало также то, что поэзия и музыка стали предметами слишком широкого спроса, объектами потребления и средствами создания респектабельного антуража для людей бездуховных.

Гёте сам не был доволен тем, во что превращалось творчество современным обществом. В 1812 году в статье «Эпоха форсированных талантов» он замечал, что «стихотворцы появились в избытке» и указывал на «огромную пропасть между избранным объектом и завершающим техническим воплощением» [4, X, с. 305]. Гёте видел, что занятия искусствами стали повсеместным увлечением, в немецких землях появляется много замечательных дарований, но имеет место и погоня за внешними эффектами и эмоциональная взвинченность в ущерб смыслам. Ранее он поднял проблему коммерциализации искусства, а именно театра, в романе «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796). Цитата из названного текста содержится в новелле Гофмана о разумной собаке в кавычках, но без указания источника, видимо, с расчётом на читательскую эрудицию, – это высказывание о принце Гамлете как о человеке, на которого «судьба взвалила бремя, какое он не в силах нести» [5, I, с. 141].

Нужно отметить, что обличение театральных нравов, с одной стороны, и предрассудков публики – с другой, звучит пространно и желчно как в «Собаке Берганца», так и в некоторых других рассказах Гофмана, например, в «Необыкновенных страданиях директора театра» (1818). Романтик пошёл дальше в своём критицизме. Его ирония часто направлена на поэта-эпигона, дилетанта-формалиста, повторяющего лирические штампы, форсирующего свой талант в сторону количества, а не качества [6, с. 20].

Отдельным аспектом взаимодействия творческих умов Гёте и Гофмана стало отношение к наследию Шекспира. Оба писателя были погружены в театральную среду, оба открыто восхищались британским гением, но Гёте предпочитал разбирать и восхвалять трагедии Барда, оперировать концептом «воля» как основной репрезентацией индивидуальности и видеть фундаментальный конфликт пьес Шекспира в её столкновении с планом общего (социально-природного) бытия, а гармонию – в «великом воссоединении долга и воли в характере отдельного человека» [4, X, с. 312]. Гофман же тянулся к комедиям (особенно любил он «Как вам это понравится?»), ценил Шекспира как автора, привнёсшего в литературу и драму юмор, понимаемый романтиком специфически: «Чувство несоответствия между внутренним духом и его внешним, земным окружением порождает болезненную раздражительность, которая выливается в горькую, издевательскую иронию, <...> смех – это лишь крик боли, тоски по отчизне, которая живет в душе. Такие характеры – шут в "Лире", Жак в "Как вам это понравится", но выше всех в их ряду, пожалуй, ни с кем не сравнимый Гамлет» [5, I, с. 417–418].

Герой очерка-диалога «Необыкновенные страдания директора театра» развивает мысль об иронии в связи с определением «истинно комического», которое он отделяет от фарса, вызывающего рефлекторный смех за счёт внешних эффектов, например, гримасничания:

Кто может отрицать иронию, которая заложена в человеческой природе, даже определяет самую ее суть и при глубочайшей серьезности светится шуткой, остроумием, лукавством. <...> Судороги боли, пронзительные вопли отчаяния выливаются в смех того изумительного веселья, которое болью и отчаянием только и рождено. Полное понимание этого странного устройства человеческой природы, наверно, и есть то, что мы называем юмором, произвольно определяя для себя так глубокую внутреннюю сущность юмористического, которое, на мой взгляд, есть то же самое, что истинно комическое [5, I, с. 414].

Ирония как мировоззрение кардинально противоположна всякому самодовольству и самолюбованию – с одной стороны, и слепому оптимизму – с другой. Она всегда имеет горький

привкус и одновременно служит, возможно, последним утешением человеку, чувствующему всем существом разлаженность, разбалансированность бытия. Иллюстрацией такого мировоззрения служит Гофману и его героям образ Гамлета. Директор театра воспроизводит ту же гётевскую характеристику датского принца, которую приводил пёс Берганца, но корректирует её: «“Это душа слишком слабая, чтобы выдержать бремя, возложенное на нее судьбой”, – сказано где-то, а я добавлю, что колеблющимся и нерешительным делает Гамлета прежде всего глубокое чувство упомянутого несоответствия ... Но такого Гамлета может сыграть лишь актер, одухотворенный глубочайшим юмором» [5, I, с. 418].

Материалы и методы

В статье исследуется влияние эстетики Гете на творчество Гофмана, выявляются гетевские аллюзии в раннем сказочном творчестве немецкого романтика, рассматриваются трансформации восприятия Гофманом образов и мотивов творчества Гете, которые приобретают характер интертекстуальной «игры». Анализируются отсылки в творчестве Гофмана к таким произведениям Гете: «Сказка о зелёной змее и прекрасной Лилии» (1795), «Триумф чувствительности» (1778), «Годы учения Вилгельма Мейстера» (1975–1976) и др. В исследовании применяется сравнительно-исторический метод.

Результаты

В 1914 году Гофман публикует новеллу «Золотой горшок» с подзаголовком «Сказка из новых времён», с которой позднее будет связано одно из немногочисленных высказываний Гёте о младшем современнике. Так, Гёте записал в дневнике в 1827 году: «“Den goldnen Becher” angefangen zu lesen. Bekam mir schlecht; ich verwünschte die goldnen Schlänglein» [19, с. 744] / «Начал читать “Золотой кубок”. Мне стало плохо. Я проклинал золотых змей» (перевод здесь и далее наш. – В. К.). Весьма вероятно, что он уловил в фантазмагии Гофмана слишком много переключек с собственным произведением, известным как «Сказка о зелёной змее и прекрасной Лилии» (1795), включённая в «Разговоры немецких беженцев». В центре сюжета, с одной стороны, – змея, хтоническое существо с благородным

сердцем, которое поедает золото и от этого начинает светиться; она функционирует в истории как один из чудесных помощников главных героев. С другой, – женственно-флористический образ Лилии, заколдованной принцессы, от чьих прикосновений погибает всё живое, мёртвое же – воскресает. В финале с героини снимаются чары, и она обретает счастье с влюблённым в неё принцем, случайно умерщвлённым, но воскресшим.

«Сказка» была популярна среди немецких романтиков. Её влияние заметно в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» с его ведущим мотивом влюблённости в голубой цветок. Безотчётно или осознанно, Гофман воспроизводит историю любви к цветку: «Некогда лилия была моею возлюбленной и царствовала вместе со мною» [5, I, с. 236], – рассказывает князь духов Фосфор. Зелёная змея здесь оказывается дочерью лилии. Влюблённый Саламандр, дух огня, невольно губит её, заключив в объятия.

В персонаже, заступающемся за преступника перед повелителем духов и создающем артефакт, вынесенный в заглавие сказки, Гёте мог узнать своего персонажа, причём под тем же именем – *der Erdgeist* (дух земли). Именно с ним беседует герой одноимённой трагедии Фауст в сцене 1 «Ночь». Могучая сила, повергшая в трепет Фауста, у Гофмана предстаёт добродушным садовником правителя Атлантиды.

Под определённым углом восприятия складывается впечатление, будто Гофман планомерно создаёт антитезу гётеанского фантастического мира, пародию на него. Между тем, в сказке Гофмана за вереницей феерий стоит серьёзная и печальная мысль о том, что современный человек оторван от подлинного бытия, наступило «то несчастное время, когда язык природы не будет более понятен выродившемуся поколению людей» [5, I, с. 237], только поэзии «священная гармония всего сущего открывается как глубочайшая из тайн природы» [5, I, с. 262]. Здесь улавливается отзвук утверждения Гёте из диалога «О правде и правдоподобию в искусстве» (1798): «Совершенное произведение искусства – это произведение человеческого духа и в этом смысле произведение природы» [4, X, с. 62]. Для автора «Фауста» разрыв человека со стихиями не был очевиден. Гёте верил, что природа открывает свои тайны всякому, кто наделён любознательностью, ясным, со-

зидательным разумом, любовью к самой жизни. Не в меньшей мере чем писателем, он был учёным-натуралистом, занимавшимся минералогией, геологией, физикой и особенно ботаникой наравне с виднейшими естествоиспытателями своего времени. Романтические поэты представляли рядом с ним созерцателями-эскапистами, девальвирующими внешний материальный мир. Один из титанов немецкой философии Г. В. Ф. Гегель писал: «Подлинным содержанием романтического служит абсолютная внутренняя жизнь, а соответствующей формой – духовная субъективность, постигающая свою самостоятельность и свободу» [3, с. 233].

Тема отказа от обыденной жизни, ухода в параллельный мир, выраженная пародийность и самоирония (здесь классик во многом осваивает излюбленные романтические стратегии) объединяет два небольших произведения Гёте – комедию «Триумф чувствительности» (1778) и сказку «Новая Мелузина» (1807). Герой сатирической пьесы обожает природу, но лишь в её самых эстетических и комфортабельных проявлениях. Он повсюду возит с собой раскладной мирок, состоящий из машин, издающих «пение птиц», источающих «ароматы весны» и прочего подобного реквизита, среди которого находится кукла, точная копия его возлюбленной, говорящая цитатами из сентиментальных романов, в том числе из «Страданий юного Вертера» (1774). Кульминация сюжета – принцу предлагается выбрать между живой женщиной и куклой, её изображающей, «но он настолько погряз в искусственной жизни, что не в силах отличить одну от другой» [11, с. 67]. Гофман знал эту пьесу Гёте и ссылался на неё в «Необыкновенных страданиях директора театра» [5, I, с. 421]. Сам он разрабатывает мотив неразличения живого и механического в новелле «Песочный человек» (1815), но уже в трагическом ключе. Страсть к кукле, принимаемой за живую девушку, оказывается частью душевного расстройства молодого Натанаэля. Оно развивается на почве детской травмы и приводит героя к безумию и смерти.

Сказка «Новая Мелузина» впервые вышла в свет только в 1817 году. Написанная в духе романтических сказок, она тем не менее вступает в конфронтацию с романтической эстетикой. Автор ставит в центр повествования легкомысленного кутилу-цирюльника, который не держит свое слово, предает-

ся сиюминутным удовольствиям, меркантилен и не способен на истинные чувства. Такой тип можно назвать антиромантическим. Протангонист оказывается избранником принцессы гномов, с помощью волшебного кольца принимающей облик обычной женщины, влюбляется на некоторое время, но в итоге покидает чудесную красавицу и возвращается к самой прозаической жизни. Очевидно, что Гофман не только читал эту историю Гёте, но и восторгался ею, на что указывают его слова, вложенные в уста одного из Серапионовых братьев, Теодора: «Но меня несказанно, как ничто другое, очаровал Гетев фрагмент прелестнейшей сказки о маленькой женщине, которую путешественник возит с собой в ларце» [5, IV, с. 425]. Сказочный сюжет Гёте, разворачивающийся вокруг народа гномов, правители которых мельчают в каждом новом поколении, допускает толкование как намёк на упадок и деградацию неких социальных групп, скорее всего, аристократии в европейской реальности рубежа XVIII–XIX вв. Тема мелкости в парадоксальной связи с величием поднимается Гофманом в повести «Крошка Цахес по прозвищу Циннобер». В ней уродливый и умственно неразвитый карлик, благодаря чарам феи, стяжает похвалы и награды вместо тех, кто их действительно заслуживает и оказывается предельно возвеличен, но вскоре подвергается развенчанию и гибнет.

Возможно, прочитав это, в целом нетипичное для Гёте, экспериментальное произведение, Гофман возвращается к нарочитой фантастичности сюжетов, от которой начал постепенно отходить в сторону психологической драмы с элементами детектива («Игнац Деннер», «Майорат», «Каменное сердце» и т. п.).

В последние три года жизни и творчества Гофмана его обращения к произведениям Гёте приобретают регулярный характер. Романтик прибегает к самым разным видам интертекстуальной практики, всё прочней связывая свой художественный мир с гётеанским.

Новелла Гофмана «Взаимосвязь вещей» (1819–1820) перерабатывает мотивы сразу двух крупных текстов Гёте – романов «Избирательное сродство» (1809) и «Годы учения Вильгельма Мейстера», что также уже было исследовано нами в работе «Интертекстуальность как прием в творчестве Э. Т. А. Гофмана» [8]. Сюжет складывается вокруг приятелей, диаметрально

противоположных по темпераменту и отмеченных в обществе ярлыками на основе литературных клише. Людвиг – энтузиаст, мастер громкой и высокопарной фразы, который «мог по поводу решительно всего прийти в неопиcуемый экстаз», но «был подобен барабану, который <...> грохочет тем громче, чем объемистей пустое пространство внутри него» [4, VI, с. 358]. Напротив, его друг Эвхарий, сливающий холодным и бесчувственным, наделён живым умом, душевной отзывчивостью и мужеством. Карикатурный Людвиг взирает на мир сквозь романские шаблоны. Так, в первой встречной смуглой танцовщице он сразу видит Миньону из «Мейстера», якобы угнетаемую злобным стариком, тогда как в действительности музыкант, аккомпанирующий её пляске, является добрым слугой девушки и её больного отца. Ещё более превратно, плоско Людвиг воспринимает отвлечённые размышления Гёте и его метафоры, например, символический образ «красной нити» называет «глубоко отвратным» [4, VI, с. 348] только из-за неприязни к англичанам.

Сама пара героев, один из которых пылок и порывист, другой – сдержан и рассудителен, может рассматриваться как литературная схема, в формировании которой Гёте принял участие, создав таких друзей-оппонентов как Вертер и Альберт («Страдания юного Вертера»), Мейстер и Вернер. Гофман часто прибегал к данной модели в ранних произведениях, например, рядом с неприкаянными Ансельмом и Натанаэлем оказываются молодые рационалисты Геербранд, Лотар и Зигмунд, но авторское внимание по традиции сосредоточено на герое первого типа, живущем чувствами. Во «Взаимосвязи вещей» рушится влиятельный литературный стереотип: показная экзальтация Людвига – это лишь маскировка его безволия и недалёкости. Гофман возвращается к той теме, что прозвучала в «Собаке Берганца» – теме профанации поэзии, подмены ею реальности, чему предаются псевдоромантики.

«Королевская невеста» (1819–1820) – новелла, в которой Гофман очевидно деконструирует «Новую Мелузину». Верный своей тяге к пародии, он снова создаёт сюжетную инверсию: король гномов домогается руки простодушной юной огородницы, пытается увлечь её в свой мир, и это ему почти удаётся. Общей деталью обеих фабул является волшебное кольцо,

которое прирастает к пальцу человека, избранного гномом. «Она хотела снять перстень с пальца, чтобы папаша мог лучше его рассмотреть, но едва вздумала она это сделать, как вдруг почувствовала в руке прежнюю острую боль, усилившуюся до невыносимой степени по мере того, как она старалась снять кольцо с пальца, так что под конец ей пришлось положительно отказаться от своего намерения» [5, IV, с. 425]. Это описание практически совпадает с фрагментом сказки Гете: «Я постарался снять с пальца злосчастное кольцо, но это не удалось мне, напротив я чувствовал, что оно стало еще теснее, как только я подумал от него избавиться, так что палец у меня болел ужасно, но чуть я отказался от своего намеренья, как боль тотчас прекратилась» [4, VIII, с. 326].

В истории «Королевской невесты» обнаруживается ещё один момент, восходящий к Гёте, автору «Триумфа чувствительности», – типаж псевдоромантика, выведенный с предельно беспощадной насмешкой. Ему соответствует первый жених фройляйн Анны Амандус фон Небельштерн, восторженный студент, в чьих эпистолярных обращениях к возлюбленной романтический жаргон крайне комично сочетается с выражением заурядных интересов: «Не забудь, о высшее существо, приложить к ответу два-три фунта виргинского табаку <...>. Он <...> приятней порто-рико, которым чадят студенты, когда собираются на попойку» [5, IV, с. 421]. Его обращение к Анне «Небесная дева!» («hohe Jungfrau») повторяет обращение Натанаэля к кукле Олимпии [5, II, с. 314] и так же не совпадает с сущностью предмета воздыханий. Образ Амандуса у Гофмана являет наиболее едкую карикатуру на бездарных молодых людей, претендующих быть гениями.

Обсуждение и выводы

Можно заключить, что Гёте, в целом не одобряющий в литературе нагромождения фантазмагии, сочетания драматизма и шутовства, свойственные Гофману, следил за творчеством романтика, прислушивался к нему и своим путём приходил к близким идеям. Гёте-Гофман – это не только оппозиция, но и синергия, определившая развитие немецкой литературы.

¹ E. T. A. Hoffmann. Die Königsbraut. Электронный ресурс. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/etahoff/koenigsb/chap01.html> (дата обращения: 01.10.2024).

Настоящая статья является первой частью из серии работ по влиянию эстетики Гете на творчество Гофмана. Она демонстрирует гетевские аллюзии в раннем творчестве немецкого романтика. Дальнейшие исследования рассматривают трансформацию восприятия Гофманом гетевского творчества, которое приобретает характер интертекстуальной «игры» с образами и мотивами Гете.

Список литературы

1. Бент М. И. Из лекции по немецкой литературе. Романтизм в Германии: «Воздушное царство грёз» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2001. – № 2. – С. 116–122.
2. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. – СПб.: Азбука–классика, 2001. – 512 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. – М.: Искусство, 1968–1973.
4. Гете И. В. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Художественная литература, 1975–1980.
5. Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Художественная литература, 1991–2000.
6. Карельский А. В. Сказки и правда Гофмана // Гофман Э. Т. А. Новеллы. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 5–16.
7. Королева В. В. "Гофмановский комплекс" в театральной эстетике Серебряного века // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 439. – С. 18–25.
8. Королева В. В. Интертекстуальность как прием в творчестве Э. Т. А. Гофмана // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – 2019. – № 1(60). – С. 28–34.
9. Королева В. В., Притомская А. Р. Алхимический символизм новеллы Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок: сказка из новых времен» // Вестник Костромского государственного университета. – 2023. – Т. 29. – № 3. – С. 127–134.
10. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / Собрание текстов, вступит. статья [с. 5–43] и общ. ред. А. С. Дмитриева. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 630 с.
11. Сафрански Р. Гофман. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 380 с.
12. Художественный мир Э. Т. А. Гофмана / Ред. А. В. Михайлов. – М.: Наука, 1982. – 292 с.
13. Шишкина А. Н. Культурософия немецкого романтизма // Вестник КГУ им Н. А. Некрасова. – 2014. – № 1. – С. 218–221.
14. Котариди Ю. Г. Мотивы архаической сказки и неоплатоническая мифологема в «Золотом горшке» Э. Т. А. Гофмана // Вестник МГУ. – 2015. – № 2. – С. 133–142.
15. Cramer T. Das Grotteske bei E.T.A. Hoffmann. – Munchen: W. Fink, 1966. – 215 p.
16. Knox J. Hoffmann's "Two Worlds" and the Problem of Life-Writing // E. T. A. Hoffmann: Transgressive Romanticism. Romantic Reconfigurations: Studies in Literature and Culture 1780–1850 / Clason C. R. (ed.) – Liverpool: Liverpool University Press, 2018. – Pp. 191–211.
17. Negus K. E. T. A. Hoffmann's Other World. Romantic Author and his New Mythology. – Philadelphia: Philadelphia University of Pennsylvania Press, 1965. – 183 p.
18. Pikulik L. E. T. A. Hoffmann als Erzähler: ein Kommentar zu den «Serapions-Brudern». – Göttingen: Vadenhoeck & Ruprecht, 1987. – 223 p.
19. Schnapp F. E. T. A. Hoffmann in Aufzeichnungen seiner Freunde und Bekannten: eine Sammlung. – München: Winkler, 1974. – 964 p.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Vera Koroleva, Olga Fevrалеva

I. V. Goethe and E. T. A. Hoffman: on the Question of Creative Dialogue (The Influence of I. V. Goethe on the Formation of E. T. A. Hoffman's Fairy-tale Poetics)

The article examines the specifics of reflecting Goethe's allusions in the early fairy-tale work of E. T. A. Hoffman. Hoffman's references to such works of Goethe as *The Tale of the Green Snake and the Beautiful Lily* (1795), *The Triumph of Sensitivity* (1778), *The Years of Wilhelm Meister's Teaching* (1975–1976), *New Melusina* (1907), etc. are noted. The German romantic, recognizing Goethe as a genius of German culture, sometimes treats his cult with irony in his works, putting critical statements about the recognized writer and scientist into the mouths of his characters (*Berganz's Dog*, *The Relationship of Things*), creates transparent reminiscences (*The Royal Bride*, *The Golden Pot*), and also quotes in an ironic context his works (*The Dog of Berganza*). The article concludes that Hoffman continues to reflect on a number of problems dating back to Goethe's work: the profanation of art (irony at the hero-imitator, understanding the role of Shakespeare in the formation of the German theater (*The Interconnection of things*, *The Extraordinary suffering of the theater director*), the problem of shallowness in paradoxical connection with greatness (*Little Zaches*), the mechanization of man and society and the motive of love for the doll (*The Sandman*), the image of a pseudo romantic hero and, finally, the understanding of nature as a source of true inspiration (*The Royal Bride*, *The Golden Pot*).

Key words: Goethe, Hoffmann, romanticism, Goethe's allusions, creative dialogue, irony, the problem of profanation of art, the image of a pseudo romantic.

For citation: Koroleva, V. V., Fevrалеva, O. V. (2024) I. V. Gete i E. T. A. Gofman: k voprosu o tvorchestvom dialoge (vliyaniye I. V. Gete na formirovaniye skazochnoj poetiki E. T. A. Gofmana) [I. V. Goethe and E. T. A. Hoffman: on the Question of Creative Dialogue (The Influence of I. V. Goethe on the Formation of E. T. A. Hoffman's Fairy-tale Poetics)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 78–90. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_78. EDN: OIRIGS

References

1. Bent, M. I. (2001) Iz lektsii po nemeckoj literature. Romantizm v Germanii: «Vozdushnoe царство gryzov» [From a lecture on German literature. Romanticism in Germany: "The airy kingdom of dreams"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk State University*. No. 2. Pp. 116–122. (In Russian).
2. Berkovskij, N. Ya. (2001) *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. St Petersburg: Azbuka-klassika Publ. (In Russian).
3. Hegel, G. V. F. (1968–1973) *E'stetyka: v 4 t.* [Aesthetics: in 4 vols]. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian).
4. Gete, I. V. (1975–1980) *Sobranie sochinenij: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols.] Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. (In Russian).
5. Gofman, E. T. A. (1991–2000) *Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected works: in 10 vols.] Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. (In Russian).
6. Karel'skij, A. V. (1991) Skazki i pravda Gofmana [Tales and the truth of Hoffman]. Gofman E. T. A. *Novelly* [Hoffman E. T. A. Novellas]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. Pp. 5–16. (In Russian).
7. Koroleva, V. V. (2019) "Gofmanovskij kompleks" v teatral'noj e'stetyke Serebryanogo veka [The Hoffmann Complex in the Theatrical Aesthetics of the Silver Age]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*. No. 439. Pp. 18–25. (In Russian).
8. Koroleva, V. V. (2019) Intertekstual'nost' kak priem v tvorchestve E. T. A. Gofmana [Intertextuality as a device in the works of E. T. A. Hoffman] *Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya – Bulletin of TvSU. Series: Philology*. No. 1 (60). Pp. 28–34. (In Russian).

9. Koroleva, V. V., Pritomskaya, A. R. (2023) Alhimicheskij simvolizm novelly E. T. A. Gofmana «Zolotoj gorshok: skazka iz novyh vremen» [Alchemical symbolism of E. T. A. Hoffman's novella "The Golden Pot: A Tale from Modern Times"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Kostroma State University*. Vol. 29. No. 3. Pp. 127–134. (In Russian).

10. Dmitriev, A. S. (1980) (ed.) *Literaturny'e manifesty zapadnoevropejskix romantikov* [Literary manifestos of Western European Romantics]. Moscow: Izd-vo MGU. (In Russian).

11. Safranski, R. (2005) *Gofman* [Hoffmann]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian).

12. Mihajlov, A. V. (1982) (ed.) *Xudozhestvenny'j mir E. T. A. Gofmana* [The artistic world of E. T. A. Hoffman]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

13. Shishkina, A. N. (2014) Kul'turosofiya nemeckzogo romantizma [Cultural philosophy of German Romanticism]. *Vestnik KGU im N. A. Nekrasova – Bulletin of the N. A. Nekrasov KSU*. No. 1. Pp. 218–221. (In Russian).

14. Kotaridi, Yu. G. (2015) Motivy arxaicheskoy skazki i neoplatonicheskaya mifologema v «Zolotom gorshke» E. T. A. Gofmana [Motifs of an archaic fairy tale and a neoplatonic mythologeme in the "Golden Pot" by E. T. A. Hoffman]. *Vestnik MGU – Bulletin of Moscow State University*. No 2. Pp. 133–142. (In Russian).

15. Cramer, T. (1966) *Das Grotteske bei E. T. A. Hoffmann*. Munchen: W. Fink. (In German).

16. Knox, J. (2018) Hoffmann's "Two Worlds" and the Problem of Life-Writing. E. T. A. Hoffmann: Transgressive Romanticism. *Romantic Reconfigurations: Studies in Literature and Culture 1780–1850*. Clason C. R. (ed.). Liverpool: Liverpool University Press. Pp. 191–211.

17. Negus, K. (1965) E. T. A. Hoffmanns Other World. *Romantic Author and his New Mythology*. Philadelphia University of Pennsylvania Press.

18. Pikulik, L. (1987) E. T. A. Hoffmann als Erzähler: ein Kommentar zu den «Serapions-Brudern». Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. (In German).

19. Schnapp, F. (1974) E. T. A. Hoffmann in Aufzeichnungen seiner Freunde und Bekannten: eine Sammlung. München: Winkler. (In German).

Об авторах

Королева Вера Владимировна, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых доктор филологических наук, доцент (г. Владимир, Российская Федерация); e-mail: queenvera@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7608-9772

Февралева Ольга Валерьевна, доцент Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых кандидат филологических наук (г. Владимир, Российская Федерация); e-mail: 411@mail.ru; ORCID ID: 0009-0008-7230-6953

About the Authors

Vera Koroleva, Head of the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University, Doctor of Philology (Vladimir, Russian Federation); e-mail: queenvera@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0002-7608-9772

Olga Fevrалеva, Associate Professor, Vladimir State University, PhD in Philology (Vladimir, Russian Federation); e-mail: 411@mail.ru, ORCID ID: 0009-0008-7230-6953

дата получения: 24.10.2024 г.

дата принятия: 30.11.2024 г.

дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 24 October 2024

date of acceptance: 30 November 2024

date of publication: 28 December 2024

С. М. Коновалов

Типология сатирических персонажей в романе Джонатана Коу «Какое мошенничество!»

В статье анализируется роман Джонатана Коу «Какое мошенничество!» (What a Carve Up!, 1994) как произведение, содержащее острую критику по отношению к эпохе тэтчеризма в Великобритании в 1979–1990 гг. Утверждается, что в данном романе Дж. Коу мастерски сочетает как традиционные, так и новаторские приемы сатиры. Сатирический эффект достигается как за счет комбинации элементов разных романских жанров, сплетения множества сюжетных линий и временных пластов, хронологически непоследовательной структуры повествования, так и благодаря натуралистической описательности и гиперболизации как средствами сатиры в авторском неприятии реалий действительности. Выявляется, что сатирическим приемом является контраст восприятия одного и того же факта в рецепции разных людей в псевдофотографических автодокументах (Генри – в дневнике, Алана Бимиша – в мемуарах). Делается вывод о том, что наряду с традиционными сатирическими средствами (ирония, сарказм, гипербола) применяются и постреалистические приемы (эклектизм, интертекстуальность, аллюзии на другие виды искусства).

Ключевые слова: Дж. Коу, тэтчеризм, мошенничество, ирония, сарказм, сатира, интертекстуальность.

Для цитирования: Коновалов С. М. Типология сатирических персонажей в романе Джонатана Коу «Какое мошенничество!» // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 91–107. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_91. EDN: KWTJSO

Сатира в английской литературе имеет давнюю традицию. Различные эпохи развития дали английской и мировой сатирической школе такие имена, как Дж. Свифт, Г. Филдинг, У. Теккерей, И. Во, М. Спарк и др. Продолжателем этой традиции и одновременно новатором, прибегающим к современным приемам комического изображения действительности, считается Дж. Коу (р. 1961). Целью данной статьи является рассмотрение основного произведения в творчестве писателя, романа «Какое мошенничество!» (What a Carve up!,

1994), с точки зрения жанровых особенностей сатирической прозы в современной британской литературе.

В таких романах, как *What A Carve Up!* и *The Rotters' Club*, Джонатан Коу зарекомендовал себя как один из величайших сатирических писателей нашего времени¹. Охватывает все его основные романы, включая последнюю книгу *Number 11* (2015), посвященный автору сборник «Jonathan Coe: Contemporary British Satire»², в который вошли главы, написанные ведущими и начинающими исследователями современной британской литературы. Книга содержит предисловие самого Коу и освещает способы, которыми его работа затрагивает такие темы, как классовая политика, популярная музыка, секс, гендер и средства массовой информации.

Роман Дж. Коу «Какое мошенничество!» – социальная сатира на эпоху тэтчеризма 80-х годов прошлого века в Великобритании, на всю политическую систему, построенную на коррупции и лоббировании интересов сильных мира сего³. Произведение представляет собой сложное сплетение множества сюжетных линий и временных пластов, комбинацию элементов разных романских жанров, а также смену угла зрения – то, что до поры до времени воспринимается как авторский нарратив, постоянно перемежается с повествованием от первого лица. Все это дает возможность читателю шире и глубже понять всю противоречивость и неоднозначность описываемой эпохи.

Материалы и методы

Объектом исследования являются приемы и средства сатирического изображения в романе Дж. Коу «Какое мошенничество!» При анализе мы опираемся на классические

¹ Творчество Дж. Коу мало исследовано, можно указать диссертационные исследования: Коновалов С. М. Романы Джонатана Коу в контексте английской сатирической прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2011. 24 с.; Храмова О. А. «Роман о состоянии нации» в творчестве Джонатана Коу: дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 185 с.; монографии: С. М. Коновалов. Романы Джонатана Коу в контексте английской сатирической прозы. Минск: Новое знание, 2013. 134 с.; Новикова В. Г. Британский социальный роман в эпоху постмодернизма. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013. 369 с.; статьи: Кабанова И. В., Сорокин П. И. Тэтчеризм как объект сатиры в романе Джонатана Коу «Какое надувательство!» // Феноменология власти в сатире. Саратов, 2008. С. 215–229; Хохлова Е. В. Семейный код в романе Джонатана Коу «Какое надувательство!» // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2–2. С. 269–274 и др.

² Jonathan Coe: Contemporary British Satire / Ed. by Philip Tew. L.: Bloomsbury Academic, 2018. 232 p.

³ Как отмечает В. Г. Новикова, «[о]сновопологающая общественная ценность эпохи тэтчеризма – глубокое убеждение в том, что личность в нации собственников должна быть максимально свободной от контроля или вмешательства со стороны государства» [8, с. 219].

исследования в области целей и приемов сатиры Ю. Борева [4], Б. Дземидока [5], в области социальной значимости смеха А. Бергсона [2], идею А. Д. Кошелева, который предлагает «различать комическое описание (вербальное, визуальное и пр.), воспринимаемое человеком, и смех – непровольную реакцию человека на это описание» [6, с. 311], в частности, при анализе визуальных (кинематограф) и аудиальных (популярная музыка) аллюзий в романе Дж. Коу. В исследовании применен интертекстуальный анализ по методике И. В. Арнольд, изложенной в ее работах [1].

Результаты

Роман повествует о том, как по мистическому стечению обстоятельств писатель Майкл Оуэн становится биографом могущественного клана Уиншо, представители которого занимают ведущие посты в тэтчеровской Англии – в политической, экономической, социальной, банковской и медийной сферах. По словам исследователя современного английского романа В. Г. Новиковой, тэтчеризм – это «социально-политическая концепция мировоззренческого уровня, которую можно кратко сформулировать как "философия собственности"» [8, с. 220].

Жесткой критике в романе подвергаются реформы М. Тэтчер¹ и их влияние на жизнь простых людей – Майкла, его соседки Фионы, начинающей художницы Фиби и специалиста по кинематографии Грэма. Работая над книгой, Майкл сталкивается с ошеломляющими фактами деятельности Уиншо, построенной на обмане, мошенничестве, подлоге, коррупции, nepотизме. Тональность повествования варьируется: добродушный юмор, самоирония рассказчика сменяются драматизмом в описании судьбы Фионы, иронией и сарказмом в изображении деятельности Уиншо. Развязка романа и вовсе трагична: в результате последовательных убийств все члены семьи Уиншо, а вместе с ними и их биограф, погибают.

И уже в самом начале романа звучат первые сатирические сентенции Дж. Коу, направленные на членов семьи, проявивших «заботу» о Табите, поместив ее (для, якобы, ее же собственной пользы) в дом скорби, ибо после новости о гибели

¹ Как отмечается в книге английского критика Ф. Тью «Современный британский роман» (2004), поворотным моментом в британской послевоенной беллетристике является победа на выборах М. Тэтчер в 1979 г., которая стала концом «post-war consensus» («послевоенного согласия») [13].

Годфри Табита напала на Лоренса, а «среди орудий насилия <...> были подсвечники, зонтики для гольфа, ножи, бритвенные лезвия, кнуты, картофелемялка, клюшка для гольфа, афганский боевой рожок, представляющий значительную археологическую ценность, ночной горшок и базука» [11, с. 7] (перевод английских источников здесь и далее наш. – С. К.). В этом перечислении, как пишет К. Хьюитт, находит отражение любовь Дж. Коу «к вещам и словам. Как Ч. Диккенс, он очень любит перечисления, особенно смешные перечисления» [12, с. 29].

Характерная черта романа – его сложная, хронологически непоследовательная структура повествования. Она включает в себя рассказ об истории нескольких поколений клана Уиншо с акцентом на представителей последнего, а также жизнеописание самого рассказчика. Книга построена таким образом, что главы о Хилари, Генри, Родди, Дороти, Томасе и Марке Уиншо, отражающие все этапы их становления как личностей, подробно описывают ситуацию в стране на заключительном этапе правления М. Тэтчер и перемежаются с главами, повествующими о жизни самого Майкла Оуэна и его отношениях с женщинами. Все эти сюжетные «ниточки» сплетаются в единый клубок во второй части романа, саркастически названной «Организация смертей», хронологически строго выдержанной, гораздо более короткой и напоминающей один из детективных романов А. Кристи – «Десять маленьких негритят» (*Ten Little Indians*, 1939), что признают и сами участники событий. Дело также происходит в довольно изолированном месте, а убийцей оказывается один из десяти героев финальной сцены.

Первая часть романа – «Лондон» – начинается с повествования автора, которое, однако, как позже понимает читатель, является частью романа-хроники, написанного Майклом. Но в самом конце первой части, где описывается смерть Фионы, форма повествования меняется, и до конца романа рассказчиком становится Гортензия Тонкс, редактор издательства, где публиковался Оуэн, и события второй части книги, связанные с гибелью всех членов семьи Уиншо и самого Оуэна, представлены от третьего лица на основании документов, данных полиции и устных свидетельств.

Коренные реформы эпохи коснулись как промышленности, так и сельского хозяйства, где был внедрен и получил

широкое распространение, ввиду малой затратности и высочайшей рентабельности, так называемый «интенсивный метод». Суть его можно легко понять, прочитав главу о Дороти Уиншо, сделавшей себе на этом состояние, и ее муже Джордже Бранвине, приверженце старых, консервативных подходов к ведению хозяйства и производству экологически чистой продукции, которая, безусловно, уже не могла конкурировать по цене с продукцией «интенсивщиков». Враждебность между супругами, показанная в романе, есть яркое отражение той заведомо предрешенной борьбы качества и цены, закончившейся подавлением первого дешевой продукцией, напичканной гормонами и другой отравой, опасной не только для здоровья потребителя, но и для его жизни. Отношения между Джорджем и Дороти, действительно, были далеки от идеальных, о чем с горечью и иронией свидетельствует рассказчик: «Обнимать и находиться в объятиях любимого человека очень важно. Джордж Бранвин никогда не испытывал такой нежности от своей жены и уже много лет назад завел любовницу. Впрочем, он регулярно наслаждался долгими, нежными объятиями в дальнем темном уголке фермы, которую он когда-то считал своей. И вот последним таким объектом вожделения его чуткой души стал теленок по кличке Герберт. Вопреки слухам, однако, у Джорджа никогда не было интимной связи с животным» [11, с. 241]. Самоубийство Джорджа в конце главы – после забоя Герберта, осуществленного по приказу Дороти, – символ «пирровой победы» прогресса над разумом, чистогана над моралью.

Характерно, что все методы выращивания скота и птицы, условия их содержания и кормления тщательно скрывались за стенами фермерских хозяйств, внешне весьма привлекательных и ухоженных. Однако в этом нет ничего удивительного, так как, если бы потенциальные потребители знали всю правду, крайне сомнительно, что Дороти Уиншо и ей подобные «передовики сельского производства» смогли бы получать такие солидные доходы. А правда об этом написана в дневнике Майкла Оуэна, читая который начинаешь опасаться перспективы отведать чего-нибудь мясного. Так он пишет об условиях содержания домашней птицы на одной из ферм, принадлежавшей Дороти: «Я смотрел на что-то длинное, тем-

ное, как тоннель: пол был буквально усеян цыплятами. Одному Богу известно, сколько птиц было в этом сарае. Там было так тесно, что они даже не могли пошевелиться. Но больше всего привлекла мое внимание стоящая там гробовая тишина» [3, с. 247]. Подобная натуралистическая описательность и гиперболизация послужили наилучшими средствами сатиры в авторском неприятии реалий действительности.

Сатирическое изобличение Дороти достигает максимума при сравнении пищи, которую она потребляла сама, и той, которая направлялась в продажу. Меню ее обеда с братом Генри составляли перепелиные яйца, свинина с чесноком и картофелем. Автор с сарказмом отмечает, что «мясо (как и перепелиные яйца) было с собственной фермы <...>. Дороти держала отдельное поголовье свиней для собственных нужд в пристройке за домом <...>. Она, естественно, не собиралась покупать продукты, которые с удовольствием продавала безмолвствующей публике» [11, с. 253]. На десерт был яблочный пудинг, яблоки для которого были сорваны в собственном саду.

А вот состав одного из продуктов, продаваемого в супермаркете и купленного Майклом. Он представлен беспристрастно в виде копии с упаковки продукта без авторских комментариев: «Ингредиенты: модифицированный крахмал, сухая вытяжка глюкозы, соль, глютамат для усиления запаха, содо-рибонуклеотиды, декстроза, овощные жиры, томатный экстракт, гидролизированный овощной протеин, дрожжевой экстракт, сухой воловий хвост, луковый экстракт, специи, приправы; красители E 150, E 124, E 102; казеин, кислотный регулятор E 460; эмульгаторы E 471, E 472(b); антиоксидант E 320» [11, с. 255].

Подлость и коварство Дороти проявляется и в сознательном использовании материалов, опасных для жизни людей, ничего о них не подозревающих. В разговоре Дороти и Генри речь идет о стимуляторе для свиней, сульфадимидине, способном лечить респираторные заболевания у животных, однако потенциально вызывающем раковые заболевания, как показали опыты на крысах. Насколько цинично в этой связи звучит замечание Генри Уиншо, являющееся ярким примером непотизма, еще одного порока клана Уиншо, вскрытого в романе: «Абсурдно вмешиваться в то, что позволяет тебе держаться на плаву. Я переговорю с министром на этот счет. Думаю, он тебя поддержит.

В конце концов, тесты на крысах ничего не доказывают. Кроме того, у нас долгая и почетная история игнорирования мнений всяких там независимых экспертов» [11, с. 253]. Из данных примеров видно, насколько деньги и прибыль важнее даже не только качества продукции, а и жизни человека в современном обществе, сатирически представленном писателем.

Крайне неоднозначно обстояло дело и с реформой в сфере здравоохранения. Ее идеологи – в романе это Генри Уиншо – делали все возможное, чтобы перевести эту сферу на самоокупаемость. В результате резко сократилось бюджетное финансирование медицины, увеличилось количество платных услуг, повысился коэффициент «потенциальных пациентов на одного врача», часть больничных палат была передана в аренду коммерческим структурам. Решив таким образом проблему рентабельности медучреждений, реформаторы проигнорировали тот факт, что главная задача медицины, т. е. лечить и спасать жизни людей, была неотвратимо отодвинута на второй план, что не замедлило сказаться на общей ситуации в сфере медобслуживания.

В то время как Генри Уиншо красноречиво высказывался в различных ток-шоу, жонглируя цифрами, при этом делая вид, что не понимает вопрос оппонентов о качестве, а не о количестве, состояние здравоохранения в стране ухудшалось, что наглядно демонстрирует в романе случай с Фионой. Отвечая на критику, Уиншо в частности заявил: «60SMO-s, 47ОНА-s, 32TQM-s, 947НАНАТ-s, 96 % за 4 года, 37.2 в течение 11 месяцев, 78.224x295...» [11, с. 139]. Уже на десятой секунде подобного речитатива просто невозможно не разразиться горьким смехом, а ведь за всем этим глумливым бредом стоит личная трагедия Фионы и Майкла.

В этой связи нельзя не отметить сатирический контраст во мнениях о дебатах, представленных, с одной стороны, самим Генри в своем дневнике, а с другой – Аланом Бимишем, репортером, в своих мемуарах. И в этом случае мы констатируем нарочитую беспристрастность автора романа. Псевдофактографический материал, расположенный на соседних страницах, при одновременном отсутствии комментариев автора способствует более острому восприятию данного контраста.

Вот что записывает Генри о дискуссии с доктором Джиллам по поводу состояния дел в сфере медицины: «Я вполне

справился с задачей. Чтобы представить иную точку зрения, они науськали на меня какую-то уродину-докторшу в очках, которая все время выла и ныла что-то по поводу "доброй воли" и "хронического недофинансирования", пока я не поставил ее на место, представив пару простых фактов» [11, с. 136]. В завершение своего самодовольного рассказа Генри пишет, что после программы он, тем не менее, «предложил ей по-быстрячку, чтобы сбить напряжение, на что она фыркнула и свалила» [11, с. 137], из чего он сделал вывод, что доктор Джиллам, видимо, лесбиянка¹.

Совершенно иначе описывает манеру Генри во время теледебатов репортер Бимиш: «Он толком не ответил ни на один вопрос. К тому этапу в его карьере его манера дискутировать утратила всякую рациональную направленность и сводилась лишь к голой статистике, перемежавшейся с частыми оскорблениями <...>. После всего этого он удалился с видом победителя и с уверенностью, что завоевал расположение зрителей. Я полагаю, что в некотором роде так оно и было» [11, с. 138–139].

В то время, как Генри расписывает «блестящие» успехи здравоохранения, онкологическое заболевание Фионы быстро развивалось, но никто из врачей не нашел времени, чтобы всерьез им заняться. Когда наступил кризис, несчастную возили по больницам в поисках палаты, но многие из них были сданы фирмам. Все шло очень медленно, экстренных мер предпринято не было ввиду того, что на ночном дежурстве не хватало врачей, и, к тому же, это была новогодняя ночь. Впечатление безысходности и абсурдности усугубляет описание обстановки в больнице и безответственности медперсонала: «Отделение казалось одновременно переполненным и пустым, царила атмосфера полного легкомыслия. Некоторые медсестры бегали взад и вперед в идиотских разноцветных шляпках» [11, с. 362].

Издержки тэтчеровского монетаризма и мир банковских дельцов раскрыты в романе «Какое мошенничество!» в образе Томаса Уиншо. На примере этого героя и вымышленного банка «Стюардс», в котором он занимал ключевой пост, Дж. Коу с дотошностью финансового аналитика показал наиболее распространенные в то время «серые» схемы, с помощью которых осуществлялись незаконные операции, слияния и поглощения.

¹ ЛГБТ – экстремистская организация, запрещенная в РФ.

С сарказмом говорит писатель об изменениях в традиционно уважаемом банковском деле Англии: «Миссис Тэтчер изменила образ Сити и превратила валютных спекулянтов в национальных героев, называя их "творцами благосостояния", алхимиками, способными из воздуха создать неизмеримые богатства. Тот факт, что эти богатства прямо направлялись в карманы аферистов или их работодателей, был тихо проигнорирован. Страна (хоть и какое-то время) была от них без ума» [11, с. 310].

Одним из таких аферистов и был Томас, хладнокровный и жестокий бизнесмен с похотливыми замашками. Деятельность банка Томаса заключалась, в частности, в том, чтобы помогать своим клиентам поглощать другие компании, используя при этом незаконные средства. Парадокс ситуации заключается в том, что, часто рискуя деньгами вкладчиков и акционеров, Томас «не видел в этом ничего особенного и любил называть это "безобидным преступлением"» [11, с. 323], принесшим ему солидные барыши. Таким образом, объектами сатиры Дж. Коу стали игнорирование закона, вседозволенность и цинизм, характерные для экономических процессов эпохи тэтчеризма.

Большое внимание в романе уделяется и внешней политике страны в последние месяцы правления кабинета Тэтчер, а именно подготовке к операции «Буря в пустыне», организованной США при неизменной поддержке Великобритании. Дж. Коу делает акцент не на самой военной операции, а на личностях, в ней заинтересованных. С горечью и досадой он раскрывает основные причины начала войны с Ираком, среди которых отнюдь не только оккупация Ираком Кувейта, но и все те же лицемерные интриги в высших политических кругах, которые под девизом защиты свободы и демократии в регионе Персидского залива в первую очередь подсчитывали потенциальные доходы от контроля за нефтяными ресурсами. И абсолютно искренними в этом контексте кажутся слова Марка Уиншо, контролировавшего ситуацию под «крышей» министерских покровителей: «Ирак богат природными ресурсами. Естественно, деньги у него закончатся, если он не прекратит их транжирить. Но у него есть богатый и очень уязвимый сосед...» [11, с. 387].

Кульминацией незаконной деятельности Марка стала Багдадская выставка вооружений, в кулуарах которой он и другие члены так называемой «Ассоциации европейских стран

по безопасности в артиллерийских и ракетных войсках» (название ассоциации выступает сатирическим контрастом по отношению к ее реальной деятельности, т. е. незаконным поставкам вооружений) делили потенциальные доходы, исчислявшиеся миллионами. Шокированный всем увиденным случайно попавший на данную встречу Грэм не смог вымолвить ни слова. Все было видно в его нескрываемом жесте, «охватившем всю комнату, всех официанток, троих друзей и остатки говядины на блюде» [11, с. 396], и ехидно сформулировано дельцом из Бельгии: «Какое мошенничество, да, мистер Паккард? какое мошенничество!» [11, с. 396], – фразой, перекликающейся с названием всего романа¹.

Деятельность Марка была направлена на обогащение за счет жизней других людей. Неудивительным поэтому кажется начало главы о нем, когда Дж. Коу с сарказмом говорит: «Когда стало ясно, что войны с Ираком не избежать, Марк решил отпраздновать эту новость, закатив беспрецедентную вечеринку в канун Нового года» [11, с. 369]. Таким образом, алчность и цинизм были теми инструментами, которые держали на плаву многих политиков и «серых» дельцов того времени, таких, как Марк, и иже с ним.

И в этом им рьяно помогала пресса. Как часто бывает, не разобравшись, что к чему, либо сознательно выполняя чей-то заказ в ожидании солидного гонорара, газеты и телевидение лицемерно и непоследовательно сегодня пишут и передают одно, а завтра – совершенно противоположное, что не может не вызвать иронической улыбки. Собираательным образом журналистов подобного рода в книге «Какое мошенничество!» является Хилари, «успехи» которой на политико-аналитическом поприще были замечены «нужными» людьми, и ее карьерный рост был обеспечен: она стала главой до этого оппозиционной телекомпании, сместив с этого поста человека, который, в сущности, и научил ее в свое время всем хитростям журналистского мастерства.

Достаточно сравнить выдержки из ее собственных статей, датированных 1986 и 1990 годами, чтобы понять всю непоследовательность и двуличие журналистов подобного

¹ В то же время фраза «What a carve up!» представлена здесь и в более узком значении: «to carve up a pie» означает «делить (резать, разрывая) пирог», то в данном случае «What a carve up!» означает «какой кусок (барыш)!» того, что получит Марк Уиншо и другие.

рода. Так, в статье от 1986 года, в ответ на призывы иракских сторонников демократии к свержению Хусейна, она восхваляет президента Ирака, который, по ее мнению, «достоин уважения, благодаря социальным программам, приведшим к значительному улучшению в жизни людей. Он дал иракцам право на пенсию и минимальную зарплату. И даже сам Рейган распорядился вычеркнуть его фамилию из списка лидеров стран, поддерживающих терроризм» [11, с. 64].

А спустя всего четыре года Хилари пишет следующее: «Мы не можем сидеть сложа руки и наблюдать, как эта бешеная собака с Ближнего Востока уходит от возмездия за свои чудовищные преступления. Дай Бог, чтобы господин Буш и госпожа Тэтчер это понимали» [11, с. 64].

Образ Хилари – это символ девальвации моральных ценностей в СМИ. Политика М. Тэтчер в сфере массмедиа заключалась, прежде всего, в отмене контроля за выпускаемым продуктом, что незамедлительно привело к резкому сокращению познавательных программ и статей, их замене примитивными шоу, бесконечными светскими хрониками и порнографией. Характерным эпизодом, демонстрирующим этот переход, стало обсуждение в редакции передовицы очередного номера газеты. Вместо информации о решении Верховного суда в пользу бастующих шахтеров (горячей темы середины 80-х) Хилари предложила статью о некоей актрисе, которая, несмотря на рождение третьего ребенка, согласилась сниматься обнаженной в фильме. Аргументировала она так: «Ведь это скучно. Кому нужна еще одна история о профсоюзах?.. Кроме того, зачем нам статья, критикующая правительство?.. Газет с такими статьями вы много не продадите...» [11, с. 75]. А вот отрывок из ее статьи, помещенной на первой странице: «... О блестящие звезды!.. Как, должно быть, удивятся ее три малолетних ребенка, когда увидят свою мамочку, кувыркающуюся в неистовой сцене группового секса с американским бабником» [11, с. 76]. Именно такую деградацию СМИ в Британии и высмеивает Дж. Коу, называя представителей «новой волны» телевидения и печати не иначе как «варварами у ворот Рима» [11, с. 84].

Кроме того, начало новой коммерческой эпохи в медийном бизнесе ознаменовалось достаточно жестким обращением с теми, кто пытался противостоять уничтожению славных

традиций британских СМИ. В романе Дж. Коу это Алан Бимиш. Откровенным цинизмом наполнена сцена его выдворения с поста директора одного из телеканалов и назначение Хилари на его место, мстительный характер которой выражается в ее следующих словах: «Варвары уже не у ворот, Алан. К сожалению, вы оставили свои ворота нараспашку. И мы вошли внутрь. И сейчас у нас самые лучшие кресла, а ноги наши на столе. Мы намерены остаться здесь очень надолго» [11, с. 86].

Неотъемлемой характеристикой художественной литературы эпохи постмодерна является интертекстуальность, т. е. «включение в текст либо полных других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [1, с. 346]. Видами интертекстуальности являются гипертекстуальность (включение цитат из произведений прошлого с целью пародирования), метатекстуальность (использование цитат в заглавиях и эпиграфах современных произведений), архитектстуальность, выражающая соотнесенность данного текста с определенным жанром.

В романе Дж. Коу преобладающим видом интертекстуальности является гипертекстуальность. Она ярко прослеживается уже в начале романа Дж. Коу: в описании празднования 50-летнего юбилея Мортимера Уиншо в кругу большой, на первый взгляд единой, но раздираемой конфликтами семьи, где каждый стремится, прежде всего, решить свои проблемы и где с предубеждением относятся к любому «не Уиншо», например, женам братьев Годфри и Мортимера. Все это напоминает известную начальную сцену из первого романа «Саги о Форсайтах», «Собственник» (*The Man of Property*, 1906) Дж. Голсуорси. Кстати, сцена семейной встречи повторяется в романе трижды, становясь своего рода лейтмотивом. В первый раз мы видим ее глазами девятилетнего Майкла на сеансе фильма «What a Carve Up!», где, как и в романе, трагическим событиям предшествует прочтение завещания в кругу потенциальных наследников, каждый из которых уже видел наследство в своем кармане. Второй раз мы наблюдаем эту сцену на уже упомянутом торжестве по случаю пятидесятилетия Мортимера Уиншо. И, наконец, кровавой развязке романа предстоит свершиться после аналогичного вечера,

на котором также зачитывается завещание якобы покойного старика. Дж. Коу показывает традиционное лицемерие, полное отсутствие искренних чувств, чисто прагматическое отношение ко всему, характерное для британских высших кругов и неискоренимое даже в новых реалиях, являющееся, возможно, вечным показателем стяжательского характера элиты и сейчас.

Обсуждение и выводы

По мнению Ж. Бодрийяра, «современное общество характеризуется склонностью к медиатизации реальности». Все возрастающая роль телевидения, видеотехники и кино приводит к тому, что граница между реальными объектами и их репрезентантами постепенно стирается и образы на телеэкране начинают функционировать самостоятельно. Бодрийяр называет их симулякрами. Упор делается на визуальное восприятие, и, таким образом, картинка (часто немая) заменяет реальность. Средствами медиа каждый факт реальности перерабатывается и превращается в продукт потребления: «Здесь события, история, культура представляют понятия, которые выработаны не на основе противоречивого реального опыта, а произведены как артефакты на основе элементов кода и технической манипуляции медиума» [3, с. 164].

Это явление находит свое отражение во многих произведениях литературы эпохи постмодерна. «Постмодернизм является важной характеристикой многих произведений британской художественной прозы с точки зрения как техники и формы, так и способа социальной и культурной критики», – отмечает английский литературный критик Н. Бенгли в книге «Современная британская проза» [10, с. 61].

Не исключением стал и роман Дж. Коу. Само его название – «Какое мошенничество!» (What a Carve Up!) – название фильма ужасов с Сидом Джеймсом и Шерли Итон в главных ролях, выпущенного в прокат в 1961 году. Также нужно отметить, что сюжет романа во многом списан с сюжета упомянутого кинофильма. Однако в отличие от довольно примитивной цепи событий в фильме (чтение завещания, сексуальные отношения, массовые убийства), составляющей канву романа, книга Дж. Коу наполнена многочисленными

политическими, семейно-бытовыми, медийными эпизодами, сдобрена разнообразными постмодернистскими элементами. Неудавшаяся, недосмотренная, незаконченная эротическая сцена из этого фильма буквально пронизывает весь роман, начиная с ранних воспоминаний Майкла и постоянных видеопросмотров им этих минут на экране 30 лет спустя, а также со съемок этого фильма, подсмотренных любителем острых сцен Томасом Уиншо, и заканчивая непосредственными сценами из романа, как две капли воды похожими на фильм, – последняя ночь Майкла с Фиби за несколько часов до гибели. Именно эта сцена становится определяющей для Майкла в ее сексуальном аспекте: неудачный брак, неспособность и страх перед перспективой сексуальных отношений с подругой раннего детства Джоан, затруднения при описании эротической сцены в своих книгах и сложные отношения с соседкой Фионой – все это размывает границы между данным фильмом и описываемой реальностью.

Важную роль в романе играет еще один фильм – «Орфей», снятый Жаном Кокто в 1950 году. Молодая художница Фиби основывает свои работы на «Метаморфозах» Овидия, но, когда Майкл думает об Орфее, глядя на ее картины, он представляет ключевую сцену из фильма Кокто, где Орфей проходит сквозь зеркало.

Таким образом, Дж. Коу представляет широкую социальную панораму жизни британского общества эпохи тэтчеризма, сатирически изображая деятельность безответственных и коррумпированных чиновников в различных сферах жизни страны – политике, экономике, здравоохранении, СМИ – посредством как традиционных (ирония, сарказм, гипербола), так и постреалистических приемов (эклектизм, интертекстуальность, аллюзии на другие виды искусства). Роман можно с полным правом отнести и к жанру метапрозы, так как в нем нередко поднимаются вопросы писательского мастерства. Роман Дж. Коу подкрепляет «уже выстроенную парадигму современного британского литературного процесса, смело смешавшего реалистическое, модернистское и постмодернистское письмо в некое новое – пост-постмодернистское – образование» [9, с. 213].

Список литературы

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 443 с.
2. Бергсон А. Смех. – М.: Панорама, 2000. – 604 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
4. Боров Ю. Б. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. – М.: Искусство, 1970. – 275 с.
5. Дземидок Б. О комическом; пер. с польск. / [Послесл. А. Зися]. – М.: Прогресс, 1974. – 223 с.
6. Кошелев А. Д. О природе комического и функции смеха // Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина. – М., 2007. – С. 277–326.
7. Новикова В. Г. Британский социальный роман в эпоху постмодернизма. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013. – 369 с.
8. Новикова В. Г. Две культуры в современном британском романе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 1 (2). – С. 217–221.
9. Проскурнин Б. М. Реализм? Модернизм? Постмодернизм? Пост-постмодернизм? Размышления о современной британской прозе // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 6. – С. 209–214.
10. Bentley N. Contemporary British Fiction: Edinburgh Critical Guides. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. – 264 p.
11. Coe J. What a Carve Up! – London: Penguin Books, 1995. – 512 p.
12. Hewitt K. What a Carve Up! by Jonathan Coe: a commentary with annotations. – Perm: PSU, 2006. – 80 p.
13. Tew Ph. The Contemporary British Novel. – London: Continuum, 2004. – 278 p.

Sergey Konovalov

Typology of Satirical Characters in Jonathan Coe's Novel *What a Carve Up!*

The article analyzes Jonathan Coe's novel *What a Carve Up!* (1994) as a work containing sharp criticism of the Thatcherite era in Great Britain in 1979–1990. It is argued that in this novel, J. Coe masterfully combines both traditional and innovative satirical techniques. The satirical effect is achieved through a combination of elements of different novel genres, the interweaving of multiple plot lines and time layers, and a chronologically inconsistent narrative structure. Naturalistic descriptiveness and hyperbolization become means of satire in the author's rejection of the realities of reality. It is revealed that the central satirical technique is the contrast in the perception of the same fact by different people in pseudo-factual autodocuments (Henry in his diary, Alan Beamish in his memoirs). It is concluded that along with traditional satir-

ical means (irony, sarcasm, hyperbole), post-realistic techniques (eclecticism, intertextuality, allusions to other types of art) are also used.

Key words: J. Coe, Thatcherism, fraud, irony, sarcasm, satire, intertextuality.

For citation: Konovalov, S. M. (2024) Tipologiya satiricheskikh personazhej v romane Dzhonatanana Kou «Kakoe moshennichestvo!» [Typology of Satirical Characters in Jonathan Coe's Novel *What a Carve Up!*]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 91-107. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_91. EDN: KWJTSO

References

1. Arnol'd, I. V. (1999) *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. St. Petersburg: SPbGU Publ. (In Russian).
2. Bergson, A. (2000) *Smekh* [Laughter]. Moscow: Panorama Publ. (In Russian).
3. Bodriyar, ZH. (2015) *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer society. Its myths and structures]. Moscow: Respublika; Kul'turnaya revolyuciya Publ. (In Russian).
4. Borev, YU. B. (1970) *Komicheskoe ili o tom, kak smekh kaznit nesovershenstvo mira, ochishchaet i obnovlyayet cheloveka i utverzhaet radost' bytiya* [The Comic, or How Laughter Punishes the Imperfection of the World, Purifies and Renews Man, and Affirms the Joy of Being]. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian).
5. Dzemedok, B. (1974) *O komicheskom* [On the Comic]; transl. A. Zisya. Moscow: Progress Publ. (In Russian).
6. Koshelev, A. D. (2007) *O prirode komicheskogo i funkcii smekha* [On the Nature of the Comic and the Function of Laughter]. *Yazyk v dvizhenii. K 70-letiyu L. P. Krysin* [Language in Motion. To the 70th anniversary of L. P. Krysin]. Moscow. Pp. 277–326. (In Russian).
7. Novikova, V. G. (2013) *Britanskij social'nyj roman v epohu postmodernizma* [British Social Novel in the Era of Postmodernism]. N. Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo. (In Russian).
8. Novikova, V. G. (2013) *Dve kul'tury v sovremennom britanskom romane* [Two Cultures in the Contemporary British Novel]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Bulletin of N. I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. No. 1 (2). Pp. 217–221. (In Russian).
9. Proskurnin, B. M. (2010) *Realizm? Modernizm? Postmodernizm? Post-postmodernizm? Razmyshleniya o sovremennoj britanskoj proze* [Realism? Modernism? Postmodernism? Post-Postmodernism? Reflections on Contemporary British Prose]. *Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm University*. Issue 6. Pp. 209–214. (In Russian).
10. Bentley, N. (2008) *Contemporary British Fiction: Edinburgh Critical Guides*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
11. Coe, J. (1995) *What a Carve Up!* London: Penguin Books.
12. Hewitt, K. (2006) *What a Carve Up!* by Jonathan Coe: a commentary with annotations. Perm: PSU.
13. Tew, Ph. (2004) *The Contemporary British Novel*. London: Continuum.

Об авторе

Коновалов Сергей Михайлович, доцент Минского государственного лингвистического университета кандидат филологических наук, доцент (Минск, Республика Беларусь); e-mail: sm_konovalov@mail.ru; ORCID ID: 0009-0007-3214-0189

About the Author

Sergey Konovalov, Associate Professor, Minsk State Linguistic University, PhD in Philology (Minsk, Republic of Belarus); e-mail: sm_konovalov@mail.ru; ORCID ID: 0009-0007-3214-0189

дата получения: 25.10.2024 г.
дата принятия: 30.11.2024 г.
дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 25 October 2024
date of acceptance: 30 November 2024
date of publication: 28 December 2024

Л ИНГВИСТИКА.
ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО
КОММУНИКАЦИИ

Т. Е. Лебедева, Н. С. Романова

Внутренняя форма наименований лиц по физическим характеристикам (высокий / низкий рост) в вологодских говорах

Цель данной статьи – выявить внутреннюю форму лексем, составляющих тематическую группу «Наименование лиц», обозначающих людей по характеристике роста, в вологодских говорах. Материалом послужили данные диалектных, исторических и этимологических словарей русского языка. Выявляются мотивационные признаки, которые были положены в основу наименования; факты действительности, ставшие основанием для семантической деривации; мотивационные модели, функционирующие в говоре. Прослеживается взаимодействие лексик близлежащих территорий с лексикой исследуемой области; влияние культурных стереотипов и древних обрядов на номинацию человека; изменение значения в зависимости от территории распространения лексемы. Делается вывод об отражении во внутренней форме наименований лиц по характеристике роста отношений подобия человека и окружающего его предметного мира, понимании носителями говоров внутренней формы, преобладании образного восприятия мира и, как следствие, частотности такого способа словообразования, как метафоризация.

Ключевые слова: внутренняя форма, русская диалектология, наименования лиц, вологодские говоры.

Для цитирования: Лебедева Т. Е., Романова Н. С. Внутренняя форма наименований лиц по физическим характеристикам (высокий / низкий рост) в вологодских говорах // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 110–127. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_110. EDN: LFPVDQ

Наименования лиц являются тем объектом лексикологии, научный интерес к которому не угасает на протяжении десятилетий и поддерживается общей антропоцентрической направленностью лингвистических исследований. Научная литература по этой теме огромна и не может быть полностью проанализирована в рамках небольшой статьи, однако можно обозначить основные направления исследований наименований человека. Прежде всего, это работы, выполненные в рамках структурно-семантического подхода

да. В них определяется состав тематической или лексико-семантической группы «наименования лиц» в современном русском языке¹, брянских², тульских³, вологодских⁴ и других говорах, описываются системные отношения лексических единиц, например, синонимические ряды наименований лиц по разным признакам в работах Крапивиной С. М. [12], Петуховой М. Е. и Симулиной И. А. [16]. Одной из разновидностей подобных исследований является анализ эмоционально-оценочных наименований человека.

В работах Ковалевой А. И. [11] и Урманчеевой И. С. [24], во-первых, отмечается преобладание отрицательной оценки над положительной, что подтверждает «сложившийся в науке тезис, что в экспрессивном назывании нуждаются отрицательные качества человека» [24 с. 136], в то же время такие наименования являются «наиболее удобным материалом для выявления тех языковых средств» [11, с. 301], которые различают внутреннюю форму номинаций в родственных языках. Во-вторых, выявлено, что семантическая деривация является более частой при образовании оценочных номинаций, поскольку такие «дериваты опираются на наименования объектов действительности, подобных именуемому, либо на наименования факультативных проявлений характеристики, свойственной именуемому объекту» [11, с. 303].

В отдельное направление можно выделить изучение наименований лиц мужского и женского пола⁵. Ряд научных работ

¹ Сидорова Т. А. Этнокультурный аспект внутренней формы слова // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 4 (11). Электронный ресурс. URL: <https://research-journal.org/archive/4-11-2013-april/ethnocultural-aspect-of-the-inner-form-of-the-word>. EDN: QAKZCL (дата обращения: 25.10.2024).

² Седойкина Ю. В. Наименования лиц в брянских говорах: семантика, словообразование, ареальные связи: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011. 202 с.; Милютина Ю. В. Лексико-семантический анализ наименований лиц по особенностям речи в брянских диалектах // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 268–270. EDN: TXLWXZ.

³ Родина М. А. Анализ диалектных слов со значением наименований лица (на материале говоров села Алухтина Тульской области) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2009. № 16. С. 23–29. EDN: KMKXLD.

⁴ Ильина Е. Н. Человек в языковой картине мира жителей Белозерья // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 6 (105). С. 43–53. EDN: DTTYVC.

⁵ Мартемьянова Е. Е., Федянина О. Н. Наименования лиц женского пола в вятских говорах // Семантика. Функционирование. Текст. К 70-летию со дня рождения С. В. Черновой: межвуз. сб. научн. тр. Киров, 2018. С. 189–196. EDN: YRDIZN; Толстова М. А. Отражение гендерной картины мира в наименованиях лиц женского пола в диалекте // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: труды и материалы междунар. конф. (Казань, 31 октября – 3 ноября 2016 г.): в 2 т. Казань, 2016. Т. 1. С. 292–298. EDN: XGNMOL; Яшина Д. С., Заика В. И. Наименования женщин по внешним признакам в Новгородском областном словаре // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2017. № 3 (11). EDN: ZQNWAN. Электронный ресурс. URL: <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1337305> (дата обращения: 25.10.2024).

посвящен диахроническим аспектам исследования наименований лиц¹, где рассматриваются вопросы состава некоторых ЛСГ в определенный период, изменения состава различных лексико-семантических групп, например, ЛСГ «наименование лиц по профессии и роду занятий»², оценочных компонентов семантики данной тематической группы³.

Появляются работы по сопоставительному изучению наименований лиц. Анализ проводится на основе сопоставления лексики говором⁴, языков⁵, стилистических пластов одного языка⁶.

При всей масштабности изучения номинаций человека, внутренняя форма не так часто оказывается в фокусе внимания ученых. Тезис об отражении в слове культуры народа, а в диалектном слове – традиционной, уходящей в прошлое материальной и духовной культуры, давно стал общим местом в лингвистике. Уже традиционным аспектом анализа семантики языковой единицы можно назвать сегодня изучение культурного компонента лексического значения⁷. Однако представления носителя языка о самом себе и окружающем мире могут быть закреплены не только в лексическом значении слова. Е. Л. Березович, рассуждая о степени объективации концептуальной информации в слове, пишет: «Естественно, что наиболее объективированным следует считать то знание, которое "срастается" с самой устойчивой,

¹ Комлева Н. В. Наименования лиц по профессии и роду занятий в вологодских говорах (диахронический аспект) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2017. № 3 (11). EDN: ZQNVWH. <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1331084>; Лебедева Т. Е. Лексика говоров Тихвинского района Ленинградской области (материалы к Словарию говоров Ленинградской области, Л-Я) // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 252–298. EDN: XWTYRQ

² Крылова Е. А. Наименования вологжан по профессии и роду занятий в писцовых и переписных книгах г. Вологды XVII века // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2020. № 4. С. 91–95. EDN: QVSFEI

³ Архипова Н. Г., Мисак А. Наименования лиц мужского пола в русских говорах Приамурья // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2006. Вып. 4. С. 43–47.

⁴ Шулякина Ю. С. Наименования лица по речевому поведению в говорах ивановской и ярославской областей. Электронный ресурс. URL: http://sspu.ru/pages/subfaculties/гяа/проекты/мен/мен_09.pdf (дата обращения: 05.10.2024).

⁵ Хомицевич О. М. Семантическая деривация при образовании наименований лиц женского пола на примере русского и сербского языков // Вестн БДПУ. Серия 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2018. № 3. С. 80–85. EDN: YZKMSD; Хомяков Е. А., Гордеева Т. А., Таньков Н. Н. Параметры тела человека в молодежном жаргоне (на материале русского, немецкого и французского жаргонов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9–1 (87). С. 183–187. EDN: XWQGXV

⁶ Сяохэн Ч., Косова В. А. Категория наименований лица по роду деятельности в русском жаргоне // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 5. С. 164–170. EDN: PUJCZD

⁷ См. трактовку термина и обзор такого рода исследований: Згировская О. Г. Культурный компонент в семантике лексических единиц и его фиксация средствами лексикографии (на примере словарных статей на букву ж «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля) // Отечественная филология. 2018. № 1. С. 14–23. EDN: YRNTDV

субстанциональной частью языка – языковой формой. Это знание дает внутренняя форма языковых единиц» [2, с. 32]. Эту же идею можно обнаружить в работе Т. А. Сидоровой: «Под внутренней формой слова обычно подразумевается представление, наглядно-чувственный образ, ситуация и т. п., обусловленные смыслами составляющих морфем, так или иначе связанными с лексическим значением этого слова. Наряду с ментальным компонентом во внутренней форме мы выделяем мотивационный компонент, составляющей которого может стать этнокультурный смысл»¹. При том, «что этнокультурные возможности внутренней формы языковых единиц были отмечены еще А. А. Потебней», работа с мотивацией слов остается «непопулярной» [2, с. 37–38]. Уместно также упомянуть о том, что «[т]елесный (соматический) код связан с социокультурными представлениями и установками в ментальности определенного сообщества» [16, с. 288]. Таким образом, анализ внутренней формы диалектных наименований лиц представляется актуальным в свете выявления как мотивировочных признаков самих по себе, так и в свете их этнокультурной интерпретации.

Цель настоящей статьи – выявить внутреннюю форму лексем, составляющих тематическую группу «Наименование лиц (по росту)» в вологодских говорах. Мы предполагаем, что диалектные наименования лиц обладают живой внутренней формой, отражающей образное мышление носителей традиционной культуры.

Материалы и методы

Первичным материалом исследования стали 180 лексических единиц со значением лица, характеризующие человека по физическим признакам, извлеченные методом сплошной выборки из Словаря вологодских говоров (далее – СВГ) [19]. Отбор материала проводился путем компонентного анализа лексического значения слова, а также контекстуального анализа иллюстративного материала, представленного в СВГ. Для выявления внутренней формы слова авторы настоящей

¹ Сидорова Т. А. Этнокультурный аспект внутренней формы слова // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 4 (11). С. 89. Электронный ресурс. URL: <https://research-journal.org/archive/4-11-2013-april/ethnocultural-aspect-of-the-inner-form-of-the-word>. EDN: QAKZCL (дата обращения: 25.10.2024).

статьи опираются на методику, разработанную О. И. Блиновой [3–5]. Сначала выявляется мотивационная форма слова через поиск однокоренных лексем и слов с похожими сегментами (например, как в словах *бубень*, *дородень*, *сгибень*), затем из мотивационного признака («левая» часть лексемы) и классификационного признака («правая» часть) [3, с. 30] выводится мотивационное значение слова. Совокупность мотивационной формы и мотивационного значения и есть внутренняя форма слова.

Однокоренные слова устанавливались как по материалам СВГ, так и по данным других диалектных словарей: Словаря русских народных говоров (далее – СРНГ) [21], Словаря говоров Карелии и сопредельных территорий (далее – СРГК) [20], Новгородского областного словаря (далее – НОС) [15], Архангельского областного словаря (далее – АОС) [1]. Семантика корня устанавливалась по этимологическим словарям – Этимологическому словарю М. Фасмера [25], Этимологическому словарю славянских языков. Праславянский лексический фонд [26], Русскому диалектному этимологическому словарю С. А. Мызникова [14].

При изложении результатов лексическое значение слова не приводится; при первом упоминании дается ссылка на выпуск и страницу СВГ, при повторном упоминании лексической единицы ссылка не приводится.

Результаты

Лексико-семантическую группу (далее – ЛСГ) «наименования лиц по физическим характеристикам» формируют 180 лексем, характеризующих человека по таким параметрам, как комплекция, рост, характер движения, сила, здоровье, красота, особые приметы. Эти параметры образуют оппозиции: высокий – низкий, толстый – худой, ловкий – неуклюжий, сильный – слабый, здоровый – болезненный, красивый – некрасивый; вне оппозиций находятся признаки «особые приметы», «обладающий увечьем», «похожий на кого-либо». На основе перечисленных параметров авторы выделили ряд подгрупп внутри анализируемой ЛСГ; в силу ограниченного объема статьи приведем далее лишь лексические единицы, номинирующие человека по признаку роста.

«Человек высокого роста»: *вирло* [19, 1, с. 71], *дилигáло* [19, 2, с. 28], *долб́ило* [19, 2, с. 38], *долб́ина* [19, 2, с. 38], *долгáрь* [19, 2, с. 39], *долгúша* [19, 2, с. 40], *дрын* [19, 2, с. 61], *дрýнище* [19, 2, с. 62], *дýбало* [19, 2, с. 68], *дýга* [19, 2, с. 68], *дýдло* [19, 2, с. 69], *зýзло* [19, 2, с. 181], *кобылèха* [19, 3, с. 72], *кобылина* [19, 3, с. 72], *кобыляк* [19, 3, с. 72], *коли́на* [19, 3, с. 83], *лèвля* [19, 4, с. 33], *лымáрина* [19, 4, с. 58], *лымáрь* [19, 4, с. 58], *лы́ха* [19, 4, с. 58], *оглодýжина* [19, 6, с. 20], *óхлыст* [19, 6, с. 107], *пест* [19, 7, с. 48], *сохáтина* [19, 10, с. 90], *хлыст* [19, 10, с. 193];

«человек низкого роста»: *карáн* [19, 3, с. 39], *кýрас* [19, 4, с. 27], *малозём* [19, 4, с. 70], *малýга* [19, 4, с. 70], *недоку́мок* (*недоку́нок*) [19, 5, с. 90], *недоку́нка* [19, 5, с. 90], *недопèка* [19, 5, с. 90–91], *недорóсток* [19, 5, с. 91], *недорóстыш* [19, 5, с. 91], *опýрыш* [19, 6, с. 69], *оттóпыш* [19, 6, с. 102], *паназýрь* [19, 7, с. 5], *скорбу́шка* [19, 10, с. 27], *скоргóток* [19, 10, с. 27], *спóрыш* [19, 10, с. 103], *суту́нок* [19, 10, с. 163], *тюри́к* (*тури́к*, *тюрюк*) [19, 11, с. 86], *чивиричка* [19, 12, с. 42], *шкíмонь* [19, 12, с. 96].

В настоящем исследовании мы опираемся на определения внутренней формы (далее – ВФ), сформулированное О. И. Блиновой: «морфо-семантическая структура слова, позволяющая объяснить связь его звучания и значения» [5, с. 48], т. е. «средство, способ реализации в слове его мотивированности: лексической ... и структурной» [5, с. 49].

Проанализируем ВФ слов – наименований человека высокого роста.

Лексемы *долгáрь*, *долгúша* производны от основы *долг-*, восходящей к праславянскому корню со значением ‘долгий, длинный’. ВФ данных слов – «длинный человек» – неметафорическая и непосредственно отражает реальную характеристику человека. Вместе с тем в структуре ВФ диалектных наименований отражается древнейший синкретизм пространства-времени, в то время как в литературном языке выражение протяженности в пространстве и во времени закреплены за разными вариантами этого корня: **dylg(ъ)* vs **dylin(a)*.

Дýдло является продолжением праславянского **dyld-* ‘дальше, дальний’ и имеет широкое распространение в говорах русского языка [26, 5, с. 201].

В структуре ВФ нескольких лексических единиц обнаруживается сходное мотивировочное значение, которое обоб-

щенно можно сформулировать как «такой, как длинный вытянутый предмет». Так, ВФ слов *дрын*, *дрýнище* – «тот, кто как дрын» («длинная толстая палка» [6, V, с. 403; 21, 8, с. 222]). *Дýбало* семантически связано с *дýба* «длинный шест, на котором укреплен колодезный журавль», «длинный шест у колодца для подъема воды; колодезный журавль» (Влад., Твер., Смол.) [21, 8, с. 288]. Следовательно, ВФ реконструируется как «тот, кто как длинный шест». Такого же рода мотивационная модель лежит в основе ВФ лексем *колина* «тот, кто как кол»; *хлыст* «тот, кто как хлыст» («тонкий гибкий прут», *спец.* «ствол поваленного дерева, с неотрубленной вершиной, очищенный от сучьев», [23, XVII, стб. 227]). Учитывая наличие в русском языке лексемы *хлыст* «сектант» [23, XVII, стб. 228], которая может актуализировать «поведенческую» сему отступления от нормы, и созвучного *хлыщ* «франтоватый, развязный и пустой человек» [23, XVII, стб. 230], можно предполагать в диалектном слове контаминацию двух лексических единиц с дальнейшим смещением смысла от физической характеристики к оценке поведения человека.

Лексемы *долбýло*, *долбýна* имеют ВФ «такой, как палка» – ср. диал. *долбня* «дубина, палка» (Смол., Новг.) [21, 8, с. 104]; этим же корнем мотивировано и слово *долбёжь* – бранно «о женщине высокого роста, дылда» (Влад.) [21, 8, с. 103].

К этому ряду, вероятно, примыкает лексема *пест* с ВФ «тот, кто как пест». В СВГ значение слова формулируется как «высокий, неуклюжий, нескладный человек» при контекстах: *Был у нас в деревне мужик, неукладистый такой, пест; У песта вид смешной, нескладный* [19, 7, с. 48]. В литературном языке лексема *пест* употребляется в значении «короткий тяжелый стержень с утолщенным и округлым концом для толчения, дробления чего-либо» [6, XVI, с. 485]. В говорах лексема многозначна: «палка с утолщением на конце», «толстая жердь, служащая опорой для надледной части рыболовного снаряда», «нетолстое бревно, которое в ловушке на зверей увеличивает ударную силу капкана» и проч. [21, 26, с. 308]; только в одном из значений содержится сема «высокий» – «высокий, тонкий парень», что подтверждается контекстом *У Никанора-то какой пест вытянулся* (р. Мста). В семантическую структуру слова *пест* в СРНГ включается и значение «растение *Equisetum L.*, сем.

хвощевых; хвощ' (Калин., Костром.), в вологодских говорах фиксируется лексема *пестик* в значениях 'растение хвощ полевой', 'цветоносный стебель щавеля' [19, 7, с. 51]. В свете сказанного логичным кажется предположение, что в основе ВФ слова *пест* для обозначения человека высокого роста лежит уподобление человека вытянутому тонкому травянистому растению.

Мотивационное значение слова *оглодыжина* очевидно связано с общерусским *глодать* в значении 'грызть', на основе чего выводится ВФ «как бы обгрызенный».

Охлыст 'рослый сильный, но ленивый, нерадивый человек' мотивировано глаголом *охлестывать* в значении 'много гулять, пропадать на улице' [19, 6, с. 107] с чередованием в корне. Семантика лени, безделья изначально присуща общеславянскому **xlystati* 'шататься по дворам, ходить из дома в дом без дела; сплетничать' [26, 8, с. 42].

ВФ лексических единиц *кобылёха*, *кобылина*, *кобыляк* «такой, как кобыла» не требует дополнительного комментария (ср. общерусск. *кобыла* – груб.-прост., бран. 'о рослой, нескладной женщине' [6, XVIII, с. 168]). В этих наименованиях актуализируется семантика размера, которая получает конкретную реализацию в семе роста.

Идею большого размера / роста воплощает и ВФ слова *сохатина*: традиционно в русской культуре сохатым называют лося, однако в говорах Ярославской и Ивановской областей лексема *сохатый* служит наименованием медведя, в говорах Сибири и Дальнего Востока так называют созвездие Большой медведицы [21, 40, с. 80].

Лымарь и *лымарина* по ВФ, вероятно, соотносятся с диал. *лым* 'процент, рост', зафиксированным в Нижегородской обл.; *лымарь* также в говорах Урала [21, 17, с. 221]. Эти же данные приводит С. А. Мызников, с комментарием «не ясно. Ср. коми *лыд* 'количество, число, счет'» [14, с. 463].

Труднее выявить ВФ в наименовании вирло́ *неодобр.* 'очень высокий, худой и неуклюжий человек'. Под вопросом семантическая связь с *виралка* 'длинная и широкая игла, употребляемая при плетении лаптей' (Пск.) и с *вирáха* 'сухая сосна на подсеке или на месте, выгоревшем при лесном пожаре' (Олон.). Если сделать такое допущение, то ВФ может реконструироваться как «такой, как игла», «такой, как со-

сна» – длинный. С другой стороны, существительные с суффиксом –л(о) являются отглагольными образованиями (см. [7, с. 76]), однако ни *вирать*, ни ряд омонимов *вирать* не содержат в своих значениях семантики высоты или протяженности (см. [21, 4, с. 292]). Наиболее вероятна связь с *вирать* ‘поворачивать’ (ср. у Фасмера этимологию междом. *вира* ‘поднимай’ от итал. *virare* ‘поворачивать’).

Эта же формантная часть –л(о) ВФ содержится в номинациях *дилигало* и *зызло*. *Зызло* и однокоренные фиксируются в говорах Северо-Запада: *зызло* ‘верзила’ в говорах Карелии [21, 12, с. 34]; *зыза* ‘человек большого роста’ в новгородских [15, с. 341]; *зыбло* [1, 22 с. 368], *зызло* – экспресс. ‘высокий, крупный, нескладный человек’ в архангельских говорах [1, 22 с. 372]. Производящую основу однозначно выявить на данном этапе не удалось.

То же относится и к лексеме *дилигало*: в СРНГ фиксируется глагол *диликать* ‘петь плясовые песенки с припевом «дили-дили»’ [21, 8, с. 65], однако семантика и ареал распространения (Воронежская обл.) не позволяет рассматривать эту основу как мотивирующую для *дилигало* в значении ‘человек высокого роста’.

Лэвля, возможно, однокоренное с костром. *Левенец* – ‘человек очень высокого роста; верзила’ [21, 16, с. 307]. Фасмер связывает с укр. *лэвенець* ‘высокий, крепкий человек, гайдамак’, которое, по его предположению, из тур. *lävänd* «вольнопределяющийся солдат, бродяга» [25].

Мотивировочное значение для *лыха* ‘высокая, рослая девочка’ остается не выясненным, однако номинация носит интердиалектный характер: такая же лексема зафиксирована в нижегородских говорах в таком же значении ‘о женщине, девушке большого роста’ (Нижегор.) [21, 17, с. 227] и в говорах Карелии – *лыха* ‘о рослой девочке-подростке’ [20, 3, с. 165].

Проанализируем далее ВФ наименований человека низкого роста. Наряду с *каран* ‘человек небольшого роста’ в СВГ фиксируется еще одна лексическая единица с начальным *кара-* – *карапёт* ‘маленький ребенок’ [19, 3, с. 39]. Кроме того, в говорах отмечается ряд однокоренных слов с тем же значением: *карандух* ‘маленький, пузатый мужчина (иногда о ребенке, подростке)’ (Тул.) [21, 14, с. 74], *карандушек* ‘о ком-, чем-либо низкорослом,

маленьком' (Тамб., Курск.) [21, 14, с. 74]; *кара́ндыш* 'человек очень маленького роста (иногда о ребенке или карлике)' [21, 14, с. 74], имеющее широкое распространение в севернорусских говорах. В говорах Ленинградской области зафиксирована лексема карапета 'человек маленького роста' (Человек маленького роста – эта карапета назывался. 2009, д. Харитоновщина **Тухв.**)¹. В Смоленских говорах зафиксировано кара 'нижняя часть тела' с вопросом к значению [21, 13, с. 63]. Очевидно, что основа кара(н)- прочно вошла в употребление в русских говорах (фиксируется в диалектных словарях с сер. XIX в.) и имеет мотивировочное значение 'маленький', 'низкого роста'.

ВФ *малозём* и *малыга* мотивирована значением корня – 'маленький', т. е. «маленький человек». В данном случае внутренняя форма отражает и внешнюю характеристику ('человек маленького роста'), и возрастную (*малозём* '1. Подросток' [19, 4, с. 70], *малыга* '1. Несмышлёныш; ребёнок, который еще мало понимает' [19, 4, с. 70]).

Значением корня мотивированы также ВФ лексем *недорóсток* и *недорóтыш* – «тот, кому недостает роста». Отметим также сочетание префикса *недо-* и суффикса *-ок-* в слове *недоросток*, которое обычно дает значение «предмет, не в полной мере наделенный тем ..., что названо мотивирующим словом» [18, с. 230], таким образом, внутренняя форма может быть реконструирована как «человек, не в полной мере наделенный ростом». Данные слова имеют мотивированную и неметафорическую внутреннюю форму.

Отдельного комментария заслуживают лексемы *недоку́мок* (вар. *недоку́нок*), *недоку́нка*. В СВГ формулируется значение 'человек маленького роста, умственно отсталый, недоразвитый' [19, 5, с. 90], в то время как контексты указывают, прежде всего, на признак «недоразвитый»: *Ему че скажи – недокумок, дак не поймёт. Лет-то ей много уже, но она ведь недокунок. По-моему, неладный сын у них, недокунка. Умственно отсталый, маленький – это и есть недокумок* [19, 5, с. 90]. Лишь один контекст косвенно указывает на замедленное физиче-

¹ Заголовочное слово дано как *коропёта*, возможна ошибочная запись собирателя, см.: Лебедева Т. Е. Лексика говоров Тихвинского района Ленинградской области (материалы к Словарию говоров Ленинградской области, Л-Я) // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследование. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 252–298. EDN: XWTYRQ. Электронный ресурс. URL: <https://iling.spb.ru/publications/1749> (дата обращения: 05.10.2024).

ское развитие: Какой недокумок! Не лешого не ростёт [19, 5, с. 90]. Преобладание семантики умственного недоразвития над семантикой физических характеристик на данном этапе развития диалектной системы подтверждается материалом других говоров (см. [21, 21, с. 22], [26, 13, с. 100–101]). Интересно, что и в СРНГ единственный оттенок значения, указывающий на низкий рост человека, фиксируется в Вологодской области [21, 21, с. 22]. ВФ анализируемых слов формируется значением префикса *недо-* со значением неполноты, недостаточности действия, отсутствия нужной меры, нормы [6, XI, с. 590] и значением основы *кум-*, производной от глагола *кумекать* > **kuměkati* ‘соображать’, ‘раздумывать’, ‘понимать’ [26, 13, с. 100–101]. Таким образом, ВФ слова – «тот, кто умственно неразвит в нужной мере и обладает низким ростом». ВФ вологодских диалектных слов фиксирует связь умственного и физического развития человека.

Внутренняя форма слова *недопёка* – метафорическая и мотивирована общеславянским корнем **-рек-* (*печь, печься*). Можно предполагать, что метафорический перенос связан с древним народным обрядом перепекания больного младенца [10, с. 205] (ср. *перепекáнье* ‘перепеканье ребенка, младенца. В суеверных обрядах – способ лечения младенца от болезни «собачья старость»: его сажают на хлебную лепешку (или заворачивают в нее) на лопату и подносят к устью горячей печи (или суют в нее), произнося при этом заговор’, *перепекать* ‘1. Перепекать младенца. Совершать суеверный обряд перепеканья младенца’ [21, 26, с. 181]). Чаше всего в однокоренных словах с подобным переносом актуализируются семы ‘больной’, ‘нерасторопный’, ‘неспособный’: *недопёкий* – ‘нерасторопный, несообразительный’, *недопечёный* – ‘неумелый, неспособный’, *недопéчка* – ‘о слабом, плохо соображающем человеке’ [21, 21, с. 28], следовательно, как и в лексемах *недокумок*, *недокунька* на первый план выходит значение ‘умственно отсталый, недоразвитый’. Об этом свидетельствуют и примеры: «В этом доме девчонка была ... недопёка, говоришь с ней, а она все время только улыбается, а ничего не понимает», «Тоня – недопёка: сколько ни учили её считать, а она все равно два да два не сосчитает» [21, 5, с. 90–91]. Сема ‘маленький’ могла появиться вследствие устойчивого сравне-

ния умственно отсталых людей с детьми – «как маленький». Безусловно, нужно учитывать и синкретичность семантики / многозначность лексемы *маленький* – ‘небольшой, незначительный по величине, по размерам’ [6, IX, с. 438] и ‘небольшой по возрасту; малолетний’ [6, IX, с. 439].

Опúрыш: ВФ лексемы не ясна, так как первоначальное значение корня *-пур-// -пыр-* ‘индюк’ (звукоподражание [Фасмер]): *пúрыш* ‘1. Индюк’ [21, 33, с. 139], *пура́к* ‘индюк’ [15, с. 981], *пыра́н* ‘индюк’ [21, 33, с. 194], *пырёнок* ‘1. Индюшонок’ [21, 33, с. 195]. Однако данный корень хорошо известен русским говорам с семантикой ‘маленький’: *пúрыш* ‘3. О ребенке, малыше; 4. О маленьком человеке, карлике’ [21, 33, с. 139], *пупырёк* ‘2. Ласк. О малыше, ребёнке (обычно упитанном)’ [21, 33, с. 133], *пы́ра* ‘1. Неодобр. О человеке маленького роста’ [21, 33, с. 194], *пы́рзик* ‘Неодобр. Человек ненормально маленького роста’ [21, 33, с. 196]; *пúрыш* ‘1. Ребёнок’ [15, с. 981], *отпы́рок* ‘человек небольшого роста’ [15, с. 760], *ошпы́рок* ‘человек небольшого роста’ [15, с. 776].

Оттопы́ш: мотивационное значение слова связано с глаголом *топать*, а ВФ проявляется как «стоптанный». Отметим, что во всех значениях есть сема ‘нога’: 1. ‘Танец с притоптыванием; 2. Человек невысокого роста; 3. Больная нога’ [19, 6, с. 102]. Таким образом, значение ‘невысокий человек’ рождается из представления об оттоптаных, истоптанных ногах.

Паназы́рь: установление мотивации проблематично, однако однокоренные слова встречаются в других говорах: *пазазырь* (*поназырь*) ‘толстый человек маленького роста Перм.; человек маленького роста Волог., Арх.; приземистый человек Вят.’ [21, 25, с. 192].

Мотивировочное значение слова *скорбушка* связано с лексемой *скорбь* ‘2. Устар. Болезнь’ [20, 4, с. 116], в говорах значение корня *-скорб-* связано именно с болезнью: *скорбе́тъ* ‘быть больным, болеть’ [23, 10, с. 27], *ско́рба* ‘болезнь’ [21, 38, с. 84], *скорблость* ‘болезнь’ [21, 38, с. 85], *скорбость*, *скорбь* (во 2-м знач.) ‘болезнь’ [21, 38, с. 86], *скорбо́та* ‘страдание, телесная немощь’ [21, 38, с. 86]. В СРНГ отмечается также слово *скорбуха* ‘о худой женщине’ [21, 38, с. 86]. Появление в значении слова семы «маленький» может быть мотивировано таким семантическим развитием слова: болеющий → исхудавший от болезни → худой, высохший от болезни (уменьшившийся в размерах). Тогда ВФ

лексемы *скорбушка* может быть реконструирована как «высохшая (уменьшившаяся в размерах) от болезни (печали) женщина».

ВФ лексемы *скорзоток* – «тот, кто скрючился, стал ниже ростом», ср. новг. *корга́* (вар. – *ко́рга*) ‘кривой сук или палка, загнутая на конце’ [21, 14, с. 312]; *корга́* ‘дуга, кривое дерево; также древесный ствол, затонувший в реке’ у Фасмера [25].

Внутренняя форма слова *спорыш* – «такой, как спора, маленький». В других говорах не фиксируются значения с семами ‘рост’, ‘маленький’, значения однокоренных слов содержат семы ‘скорость’, ‘успех’ [21, 40, с. 222–223].

ВФ лексемы *сутунок* – «такой, как обрубок», мотивирована первым значением ‘обрубок дерева, бревна; чурбан’ [19, 10, с. 163]. В переносном значении актуализируются семы ‘небольшой’ (по высоте) и ‘толстый’, что можно наблюдать и в однокоренных словах: *сутунистый*: 2. ‘Невысокий и плотный, полный (о человеке)’ [21, 42, с. 323].

Лексема *тюрик* (*турик*, *тюрик*) скорее финно-угорского происхождения, чем тюркского (при этом заимствование из тюркского не отрицается), так как данные свидетельствуют о распространении слова преимущественно на северных территориях [14, с. 813]. Основное значение связано с чем-то сморщанным, круглым, следовательно, ВФ может выглядеть как «скрученный человек». Подобная реконструкция возможна, так как другим северным говорам известна лексема *туруру́ха* ‘о невысокой полной женщине’ [21, 45, с. 281], которая может быть связана с коми *тюрны* ‘катиться, подкатиться, откатиться, покатиться (о круглом предмете)’ [14, с. 814].

Чивиричка: может быть связано с *чівца́* ‘тонкий, худой человек’ [26, 12, с. 43], с переносом семы ‘маленький’ с характеристики объема на характеристику роста. В то же время Фасмер указывает на метатезу из черевки ‘женские башмаки’, распространенное в костромских, вятских, владимирских, казанских говорах.

Обсуждение и выводы

ВФ большинства слов отражает отношения подобия объектов действительности, человека и предметов окружающего мира.

ВФ наименований лиц с лексическим значением ‘человек высокого роста’ отражает такие признаки мотивации, как:

протяженность в пространстве; сходство с длинным, вытянутым предметом; сравнение с животными крупных размеров.

ВФ наименований лиц со значением 'человек маленького роста' отражает следующие признаки мотивации: связь с чем-то находящимся внизу, на земле (близость к земле); уподобление маленьким предметам; указание на объективные причины маленького роста человека.

Таким образом, значительная часть лексем данной ЛСГ имеет прозрачную внутреннюю форму, мотивационное значение которой выявляется либо через продуктивные в говоре корни, либо через первичное значение, так как семантический способ словообразования (метафоризация) частотен в говорах.

Отметим, что не удалось выявить внутреннюю форму у ряда слов, что, по нашему мнению, может быть связано, во-первых, с вариантностью формы диалектного слова, во-вторых, с особенностями формирования Вологодских говоров: территория вологодской области относится к контактным регионам, где в ходе колонизации славяне взаимодействовали с коренным населением – финно-угорскими племенами [9, с. 9]. «На русском Севере (Вологодская и Архангельская области) в топонимии и лексике обнаружены значительные слои финно-угорского субстрата», – писал В. О. Востриков [8, с. 71]. Изучение неисконной лексики севернорусских говоров представляет собой отдельную научную проблему¹, а потому изучение происхождения ряда лексем анализируемой ЛСГ и реконструкция их ВФ с учетом финно-угорского происхождения может стать перспективой данного исследования.

Список литературы

1. Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–24. – М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1980–1996; М.: Наука, 1999–2023 (издание продолжается).
2. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Пространство и человек. – М.: Либроком, 2021. – 328 с.
3. Блинова О. И. и др. Явление мотивации слов: (Лексикологический аспект): Учебное пособие для филологических факультетов университетов. – Томск: ТГУ, 1984. – 191 с.

¹ См., напр., работы: В. О. Востриков, М. Э. Рут. К проблеме разграничения субстратной и заимствованной лексики финно-угорского происхождения на территории русского Севера // Этимологические исследования: сб. науч. тр. Свердловск, 1984. Вып. 3. С. 31–41; Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб.: Наука, 2003. 395 с.; Мызников С. А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 909 с.

4. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты // Вестник Томского государственного университета. – 2003. – № 277. – С. 29–32.
5. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты: Язык глазами человека. – М.: URSS, 2021. – 302 с.
6. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред.: Л. И. Балахонова]. В 30 т. – М.: Наука; СПб.: Наука, 2004 (издание продолжается).
7. Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная форма характеристика / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1969. – 230 с.
8. Востриков О. В. Субстратная географическая терминология в русских говорах и топонимии Волго-Двинского междуречья // Вопросы ономастики. – Свердловск: [УрГУ], 1980. – Вып. 14: Собственные имена в системе языка. – С. 71–79.
9. Говоры исторического Белозерья: Хрестоматия / сост. Н. А. Волкова, Н. Г. Михова. – Череповец, 2013. – 124 с., 16 ил.
10. Иванова Е. Н. Семантический и этнокультурный потенциал исторического гнезда слов с корнем *-РЕК- в вологодских говорах // Севернорусские говоры. – 2015. – № 14. – С. 202–209. EDN: VCYFEX
11. Ковалева А. И. Отрицательно-оценочные наименования лиц с различной внутренней формой в русском и белорусском языках // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы IV Международной научно-практической конференции, Минск, 19–20 марта 2020 г. – Минск: БГУ, 2020. – С. 300–304. EDN: SPDQPO
12. Крапивина М. С. Синонимия в ЛСГ «Внешний вид, физические свойства» в донских казачьих говорах // Система ценностей современного общества. – 2009. – № 5–1. – С. 132–137. EDN: RUBLCX
13. Меркулова Н. Г. Культурные коды головы в отечественном социокультурном пространстве: лингвокультурологические аспекты анализа // Культура и цивилизация. – 2016. – № 4. – С. 287–299. EDN: XIRQTL
14. Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. – М.; СПб.: Нестор-История, 2019. – 1076 с.
15. Новгородский областной словарь / ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. – СПб.: Наука, 2010. – XXVII, 1435 с.
16. Петухова М. Е., Симулина И. А. Разнокорневая синонимия наименований лица, образованных морфологическим и семантическим путем, в современном русском языке (на примере наименований лица через обозначение другого лица) // Русский язык в современном образовательном пространстве: проблемы изучения и обучения: сб. научн. ст. по итогам всероссийской (с международным участием) научно-практ. конф., посвященной 70-летию канд. филол. наук, доцента Ушаковой Галины Михайловны, Чебоксары, 11 мая 2021 года / отв. ред. А. Д. Ахвандерова, И. В. Гаврилова. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2021. – С. 33–37. EDN: DTCSBWJ
17. Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфология. – 789 с.
18. Саутиева Ф. В., Дударова Л. М., Мейриева А. С. Структурно-семантическая характеристика лексико-семантической группы «наименование лица» в современном русском языке // Lingua universum. – 2019. – № 2. – С. 38–40. EDN: EBZTMM
19. Словарь вологодских говоров: Вып. 1–6 под ред. Т. Г. Паникаровской; вып. 7–12 под ред. Л. Ю. Зориной. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.
20. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6 / гл. ред. А. С. Герд. – СПб.: СПбГУ, 1994–2005.
21. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Вып. 1–49. – Л.; СПб., 1965–2016 (издание продолжается).
22. Словарь русского языка: В 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1981–1984.
23. Словарь современного русского литературного языка [в 17 т.] [Глав. ред.: чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышев (глав. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. – М., Л.: АН СССР, 1950–1965.

24. Урманчеева И. С. Экспрессивы, характеризующие человека по его привычкам и склонностям, в говорах Вологодской области // Человек. Культура. Образование. – 2013. – № 1 (7). – С. 132–143. EDN: RUCGTZ

25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986.

26. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / сост. О. Н. Трубачев и др.; под ред. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева; АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1974 (издание продолжается).

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50 / 50 %

Tatiana Lebedeva, Nadezhda Romanova

Internal Form of Names of Persons Based on Physical Characteristics (Tall / Short Stature) in Vologda Dialects

The purpose of this article is to examine the internal form of lexemes that form the thematic group of "Names of Persons" in Vologda dialects, which denote people based on their height characteristics. The material for this study was provided by data from dialect, historical, and etymological dictionaries of the Russian language. This article aims to reveal the motivational signs that formed the basis of these names, as well as the facts of reality that led to semantic derivation. It also explores the motivational models that function in the dialect and traces the interaction between the vocabulary of neighboring territories and the vocabulary of the study area. Additionally, this study examines the influence of cultural stereotypes and ancient rituals on naming conventions and how the meaning of certain tokens may change depending on their territory of distribution. The conclusion is drawn about the reflection of the internal form of names of people according to the characteristics of the development of relations between a person's similarity and the surrounding object world, the understanding of speakers of dialects, the predominance of figurative perception of the world, and, as a result, the frequency of using such a word-formation method as metaphorization.

Key words: internal form, Russian dialectology, names of persons, Vologda dialects.

For citation: Lebedeva, T. E., Romanova, N. S. (2024) Vnutrennyaya forma naimenovaniy lic po fizicheskim harakteristikam (vysokij / nizkij rost) v vologodskih govorah [Internal Form of Names of Persons Based on Physical Characteristics (Tall / Short Stature) in Vologda Dialects]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 110–127. (In Russian). DOI: 10.35231/25419 803_2024_4_110. EDN: LFPVDQ

References

1. Gecova, O. G. (1999–2023) (ed) *Arhangel'skij oblastnoj slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Issue 1–24. Moscow: Izd-vo Mos. gos. un-ta im. M. V. Lomonosova (1980–1996); Moscow: Nauka Publ. (1999–2023). (In Russian).

2. Berezovich, E. L. (2021) *Russkaya toponimiya v etnolingvističeskom aspekte*. [Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect]. *Prostranstvo i chelovek* [Space and Man]. Moscow: Librokomp Publ. (In Russian).

3. Blinova, O. I. (1984) *YAvlenie motivacii slov: (Leksikologičeskij aspekt): Učebnoe posobie dlya filologičeskikh fakul'tetov universitetov* [Phenomenon of Word Motivation: (Lexicological Aspect): Textbook for philological faculties of universities]. Tomsk: TGU. (In Russian).

4. Blinova, O. I. (2003) *Motivologiya i ee aspekty* [Motivology and its aspects] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*. No. 277. Pp. 29–32. (In Russian).

5. Blinova, O. I. (2021) *Motivologiya i ee aspekty: YAzyk glazami cheloveka* [Motivology and its aspects: Language through human eyes]. Moscow: URSS Publ. (In Russian).
6. Balahonova, L. I. (2006) (ed.) *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka* [The Large Academic dictionary of Russian language]. Moscow: Nauka; St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
7. Varbot, ZH. ZH. (1969) *Drevnerusskoe imennoe slovoobrazovanie. Retrospektivnaya form. harakteristika* [Ancient Russian nominal word formation. Retrospective forms. characteristics]. AN SSSR. In-t rus. yaz. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
8. Vostrikov, O. V. (1980) *Substratnaya geograficheskaya terminologiya v russkih govorah i toponimii Volgo-Dvinskogo mezhdurech'ya* [Substrate geographical terminology in Russian dialects and toponymy of the Volga-Dvinsk interfluve]. *Voprosy onomastiki* [Onomastic questions]. Issue 14: Sobstvennye imena v sisteme yazyka. Sverdlovsk: UrS U. Pp. 71–79. (In Russian).
9. Volkova, N. A., Mikhova, N. G. (2013) (eds.) *Govory istoricheskogo Belozerya: Hrestomatiya* [Dialects of the historical Belozerye: A textbook]. Cherepovets. (In Russian).
10. Ivanova, E. N. (2015) *Semanticheskij i etnokul'turnyj potencial istoricheskogo gnezda slov s kornem *-PEK- v vologodskih govorah* [Semantic and ethnocultural potential of the historical nest of words with the root *-PEK- in Vologda dialects]. *Severnorusskie govory – Northern Russian dialects*. No. 14. Pp. 202–209. (In Russian). EDN: VCYFEX
11. Kovaleva, A. I. (2020) *Otricatel'no-ocenochnye naimenovaniya lic s razlichnoj vnutrennej formoj v russkom i belorusskom yazykah* [Negative evaluative names of persons with different internal forms in the Russian and Belarusian languages]. *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiya: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya* [Linguistics, linguodidactics, linguoculturology: topical issues and development prospects]. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Minsk, March 19–20, 2020. Minsk: BSU Publ. Pp. 300–304. (In Russian). EDN: SPDQPO
12. Krapivina, M. S. (2009) *Sinonimiya v LSG «Vneshnij vid, fizicheskie svoystva» v donskih kazach'ih govorah* [Synonymy in LSG "Appearance, physical properties" in Don Cossack dialects]. *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva – Value system of modern society*. No. 5–1. Pp. 132–137. (In Russian). EDN: RUBLCX
13. Merkulova, N. G. (2016) *Kul'turnye kody golovy v otechestvennom sociokul'turnom prostranstve: lingvokul'turologicheskie aspekty analiza* [Cultural codes of the head in the domestic socio-cultural space: linguistic and cultural aspects of analysis]. *Kul'tura i civilizaciya – Culture and civilization*. No. 4. Pp. 287–299. (In Russian). EDN: XIRQTL
14. Myznikov, S. A. (2019) *Russkij dialektnyj etimologicheskij slovar'. Leksika kontaktnyh regionov* [Russian dialect etymological dictionary. Vocabulary of contact regions]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russian).
15. Levichkin, A. N., Myznikov, S. A. (2010) (eds.) *Novgorodskij oblastnoj slovar'* [Novgorod regional dictionary]. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
16. Petuhova, M. E. (2021) *Raznokornevaya sinonimiya naimenovanij lica, obrazovannyh morfologicheskim i semanticheskim putem, v sovremennom russkom yazyke (na primere naimenovanij lica cherez oboznachenie drugogo lica)* [The heterogeneous synonymy of names of a person formed morphologically and semantically in modern Russian (using the example of names of a person through the designation of another person)]. *Russkij yazyk v sovremenom obrazovatel'nom prostranstve: problemy izucheniya i obucheniya* [The Russian language in the modern educational space: problems of study and learning]. A collection of scientific articles based on the results of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference, Cheboksary, May 11, 2021. Cheboksary: I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. Pp. 33–37. (In Russian). EDN: DTCBWJ
17. Avilova, N. S., Bondarenko, A. V., Bryzgunova, E. A. and etc. (1980) (eds.) *Russkaya grammatika. V 2-h tt. Tom. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian Grammar. In 2 vols. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
18. Sautieva, F. V., Dudarova, L. M., Mejrieva, A. S. (2019) *Strukturno-semanticheskaya harakteristika leksiko-semanticheskoy gruppy «naimenovanie lica» v sovremennom russkom yazyke* [Structural and semantic characteristics of the lexico-semantic group "name of a person" in modern Russian]. *Lingua universum – Lingua universum*. No. 2. Pp. 38–40. (In Russian). EDN: EBZTMM

19. Panikarovskaya, T. G. (1985) (ed.) *Slovar' vologodskih govorov. Ucheb. posobie po rus. dialektologii* [Dictionary of Vologda dialects. Textbook on Russian dialectology]. Vologda: VSU Publ. (In Russian).

20. Gerd, A. S. (1994–2005) (ed.) *Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions]. Issues 1–6. St. Petersburg (In Russian).

21. Filin, F. P. (1965–) (ed.) *Slovar' russkih narodnyh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow: Leningrad; St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

22. Evgen'eva, A. P. (1981–1984) (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russian).

23. CHernyshev, V. I. (1950–1965) (ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow, Leningrad: Izd. Akad. nauk SSSR (In Russian).

24. Urmancheeva, I. S. (2013) Ekspressivny, harakterizuyushchie cheloveka po ego privyчкам i sklonnostyam, v govorah Vologodskoj oblasti [Expressives characterizing a person according to his habits and inclinations, in the dialects of the Vologda region] *CHelovek. Kul'tura. Obrazovanie – Man. Culture. Education*. No. 1 (7). Pp. 132–143. EDN: RUCGTZ (In Russian).

25. Fasmer, M. (1986) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 2nd ed., ster. Moscow: Progress Publ. (In Russian).

26. Trubachev, O. N. (1974 –) (ed.) *Etimologicheskij slovar' slavyanskih yazykov: praslavyanskij leksicheskij fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Об авторах

Лебедева Татьяна Евгеньевна, заведующий кафедрой русского языка и филологического образования Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: t.lebedeva@lengu.ru; ORCID ID: 0000-0002-2837-8385

Романова Надежда Сергеевна, магистрант Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: romanovanadias@gmail.com; ORCID ID: 0009-0000-9461-4545

About the Authors

Tatiana Lebedeva, Head of the Department of Russian Language and Philological Education, Pushkin Leningrad State University, PhD in Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: t.lebedeva@lengu.ru; ORCID ID: 0000-0002-2837-8385

Nadezhda Romanova, Master's Student, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: romanovanadias@gmail.com; ORCID ID: 0009-0000-9461-4545

ата получения: 25.10.2024 г.
дата принятия: 30.11.2024 г.
дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 25 October 2024
date of acceptance: 30 November 2024
date of publication: 28 December 2024

М. Е. Дербеднев, М. В. Ягодкина

Семантические особенности имен собственных в составе фразеологических оборотов

Статья представляет исследование лексико-семантических характеристик имен собственных, входящих в состав фразеологических единиц. Анализируется процесс интеграции топонимов и антропонимов во фразеологизмы, рассматриваются механизмы семантического переноса, культурные и исторические аспекты, влияющие на смысловое наполнение фразеологизмов с именами собственными. В результате исследования выявлены ключевые особенности функционирования фразеологических оборотов с компонентом «имя собственное» в языке, что позволяет глубже понять процессы, происходящие на стыке ономастики и фразеологии. Недостаточная изученность семантических преобразований имен собственных в контексте фразеологии, несмотря на важность этих процессов для понимания языка как культурного феномена, а также обширная область применения рассматриваемых языковых единиц определяют актуальность данного исследования. Работа подчеркивает важность изучения семантических сдвигов для более глубокого понимания взаимодействия языка и культуры, что имеет значение как для лингвистики, так и для межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: имя собственное, фразеологизм, топоним, антропоним, семантика, этимология.

Для цитирования: Дербеднев М. Е., Ягодкина М. В. Семантические особенности имен собственных в составе фразеологических оборотов // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 128–140. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_128. EDN: VPFPXH

Имена собственные являются важнейшими элементами языка, играющими ключевую роль в идентификации и обозначении объектов, людей, мест, событий и других феноменов действительности. Вопрос изучения имени собственного в отечественной лингвистике подробно рассматривался в XX веке в трудах А. В. Суперанской [19–20], однако, имея перспективы для дальнейшего исследования, нашел свое отражение в работах ученых XXI века [7]. Общие положения исследователей совпадают с мыслью о том, что имена

собственные – это «слова или словосочетания, называющие единственное индивидуальное лицо (или предмет)» [17, с. 486]. В то же время, в составе фразеологических оборотов имена собственные могут значительно расширять свои значения и выполнять дополнительные семантические и прагматические функции. О фразеологии и вопросах значений слов, входящих в состав фразеологических оборотов, писали многие ученые, такие как В. В. Виноградов, В. П. Жуков, Б. А. Ларин, Н. М. Шанский, А. В. Жуков, Н. Н. Амосов, М. Л. Ковшова др. Одним из наиболее важных аспектов, встречающихся в работах, затрагивающих семантическую составляющую компонентов фразеологических оборотов, был тезис об их идиоматичности [8]. Смысловую неразложимость называют «важнейшим свойством фразеологизма» [8, с. 56], при этом, как считают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, всякое выражение может пониматься в переносном значении, что «связано с прямым некоторым отношением, правилом» [2, с. 12].

Вопрос сосуществования смысловых коннотаций слова вне фразеологического оборота и в его составе остается актуальным в настоящее время. Современные фразеологи, продолжая развивать идеи ученых XX века, углубляют изучение не только структуры фразеологизмов, но и этимологии как отдельных слов, входящих в их состав, так и целых фразеологических конструкций. «Расшифровка истинного смысла слов, составляющих фразеологическое целое, и есть конечная цель историко-этимологического анализа образных выражений» [15, с. 5].

Исследование семантических особенностей непосредственно имен собственных во фразеологических оборотах активно освещается в XXI веке в работах М. Л. Ковшовой [11], И. А. Кондаковой [12], О. А. Михайловой [14], Е. А. Хомутниковой и Ю. В. Леготиной [22] и остается перспективной темой для дальнейшего исследования. Данное направление позволяет глубже понять механизмы функционирования рассматриваемых единиц в системе языка. Такие фразеологизмы представляют собой сложные языковые конструкции, где «...имена собственные не относятся к названиям определённых лиц» [1, с. 73]. Вернее будет сказать, что первичная семантическая нагрузка имени собственного изменяется, вступая в отношения с другими единицами фразеологического оборота. Данное замечание отно-

сится к различным разновидностям имени собственного, таким как антропонимы, топонимы и др. «Единичные антропонимы обладают более богатой смысловой структурой. Это позволяет им регулярно выступать в качестве характеризующих словесных знаков при вторичной номинации» [7, с. 63].

Говоря же о топонимах и истории их изучения, необходимо упомянуть работу А. В. Суперанской [20], где исследователь подробно описывает особенности строения и функционирования данных языковых единиц. Автор подчеркивает важную роль исторических и культурных особенностей номинации географических объектов. Данная мысль важна для нас в процессе определения новых семантических нагрузок топонимов при их внедрении во фразеологизмы.

Однако, рассматривая имена собственные как часть фразеологического оборота, необходимо указать на принципиальную разницу между приобретением новых смыслов и значений отдельного слова и этого же слова в составе словосочетания. Разделяли данное положение в своих работах многие отечественные фразеологи, среди которых можно выделить работу А. В. Жукова [9]. Общее положение ученых по данному вопросу содержит мысль о том, что процесс метафоризации отдельного слова предвосхищает появление его нового переносного значения. Метафоризация же свободного словосочетания влечет за собой образование фразеологизма, имеющего обобщенно-переносное значение.

Как утверждает О. А. Михайлова, фразеология «тесно связана с историей и культурой, традициями и литературой народа, говорящего на данном языке» [14, с. 50]. Включение имен собственных во фразеологизмы способствует более глубокому анализу культурного кода, представленного в них. Актуальность их изучения обуславливается широким спектром областей применения – от лингвистики и культурологии до сферы образования и межкультурной коммуникации.

Целью данной статьи является исследование семантических особенностей имен собственных в составе фразеологических оборотов, а также анализ их функций и роли в языке. В рамках исследования рассматриваются различные типы фразеологических оборотов с именами собственными, анализируются их источники и семантические преобразования. Особое внимание

уделяется культурным и историческим контекстам, которые влияют на формирование и восприятие фразеологизмов.

Материалы и методы

Возможная полисемантическая структура рассматриваемых слов, сложные и многосоставные процессы переноса значения отдельных языковых единиц, а также большое количество аспектов, отраженных в понятии «имя собственное», определили структуру и подход к исследовательской деятельности. В работе применен комплекс общенаучных лингвистических методов, в числе которых методы сопоставительного, дистрибутивного, компонентного, этимологического анализа.

Достоверность результатов исследования, приводимых в статье, обуславливается обращением к ряду авторитетных работ советских и российских ученых, а также привлечением словарных статей, необходимых для толкования отдельных элементов изучения. Подробное рассмотрение основных значений имен собственных в составе фразеологических оборотов, их этимологии, а также различных коннотаций, открывает новые возможности для их дальнейшего изучения.

Результаты

Имена собственные играют важную роль в языке как единицы культурно-семантической значимости, отражающие исторические, географические и социокультурные аспекты общества. Как справедливо считает С. Н. Булгаков, имя «выражает особый духовный тип, строение, разновидность человека» [3, с. 241]. Фразеологизмы, включающие имена собственные, являются особым случаем использования этих лексических единиц в языке.

Наиболее интересными для изучения являются случаи включения во фразеологические единицы антропонимов и топонимов. Говоря о семантике фразеологизмов, М. Л. Ковшова отмечает, что она «основана на идее антропоморфности, которая в единицах с антропонимическим компонентом обеспечивается в полной мере и эксплицируется в личных именах» [11, с. 272]. Антропонимы часто становятся частью фразеологических единиц благодаря историческим событиям, литературным произведениям, религиозным или ми-

фологическим текстам. Находясь в составе фразеологизмов, они приобретают метафорический смысл, отличный от их первоначального значения.

Приведем пример фразеологизма с антропонимом в его составе. Значение фразеологизма *Ахиллесова пята* определяется как «слабое, уязвимое место» [18, с. 41]. В современном русском языке этот оборот часто употребляется в контексте личных или профессиональных недостатков, которые становятся препятствием на пути к успеху или выполнению задачи. Имя Ахиллес ассоциируется с древнегреческим героем, чья пята оказалась единственным уязвимым местом. Именно туда герой и получил смертельное ранение в битве при Трое. Фразеологизм *Ахиллесова пята* отражает не только конкретную уязвимость, но и символизирует общую идею о неизбежных слабостях даже у великих личностей.

Фразеологизм *Ахиллесова пята* (как и *Дамоклов меч*, *Нить Ариадны*, *Объятия Морфея* и др.) является ярким примером того, как имена собственные могут войти в состав устойчивых выражений, наглядно демонстрируя культурные ассоциации и исторические коннотации. Они не только обогащают язык, но и помогают передать сложные понятия и абстрактные идеи через конкретные образы из истории и литературы. Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать глубокому пониманию механизмов формирования и функционирования фразеологизмов в языковом контексте.

Большой пласт имен собственных в составе фразеологизмов представлен топонимами, так как, по справедливому утверждению классика отечественной ономастики А. В. Суперанской, «[г]еографические названия, особенно древние, являются своего рода историческими памятниками» [19, с. 17]. Помещенные в состав фразеологического оборота, они отражают исторические, географические и культурные аспекты развития человечества и языка, как, например, во фразеологизме *Во всю ивановскую*.

Фразеологизм *Во всю ивановскую* («Очень громко» [16, с. 86]) имеет интересную этимологию, которая уходит корнями в историю России. Исходно Ивановская площадь находилась в Московском Кремле, где традиционно проводились народные собрания. В XVIII веке здесь был установлен колокол, звон

которого разносился на большие расстояния, что и послужило основой для появления выражения 'во всю ивановскую' в значении 'очень громко'. Семантически фразеологизм *Во всю ивановскую* описывает действия или звуки, которые выполняются с большой громкостью или интенсивностью. Выражение используется как в буквальном смысле, например, для описания громкой музыки или крика, так и в переносном, когда речь идет о чем-то выполненном с большим размахом и энтузиазмом.

Использование топонимов во фразеологизмах не только обогащает языковой арсенал, но и передает глубокие культурные ассоциации. Фразеологизмы, такие как *Во всю ивановскую* (равно как *Как швед под Полтавой*, *Перейти Рубикон*, *Кануть в Лету* и др.), иллюстрируют, как исторические события и географические особенности могут стать основой для формирования устойчивых языковых оборотов.

Топонимы во фразеологизмах играют ключевую роль в представлении культурных и исторических аспектов через языковые единицы. Они помогают не только сохранить и передать знания о прошлом, но и создают образы, которые легко понимаются и интерпретируются в различных контекстах. Дальнейшие исследования в этой области могут внести вклад в глубокое понимание механизмов формирования и функционирования фразеологизмов в разных языках и культурах.

Говоря о включении имен собственных в состав фразеологических оборотов, необходимо определять их семантическую и прагматическую роль. Семантическая нагруженность имен собственных в составе фразеологических оборотов зачастую выходит за пределы простой идентификации, включая культурные, исторические, социальные и эмоциональные аспекты.

Следует признать справедливым мнение фразеолога Ю. А. Гвоздарева: «Семантическая самостоятельность слова с определенным значением – важнейший признак его как знака языка. Признавая главным критерием семантическую самостоятельность слова, нужно отметить семантическую несамостоятельность слова с фразеологически связанным значением как его существенный признак. Именно этим признаком может быть объяснен факт подмены описания фразеологически связанного значения слова описанием значения всего ФС, в котором это слово реализуется» [5, с. 10].

Топонимы часто обладают значительной семантической нагруженностью. Они могут нести информацию о природных особенностях местности, исторических событиях или культурных традициях. Например, название Горки вызывает ассоциации с типом ландшафта, тогда как название Санкт-Петербург ассоциируется с культурным и историческим центром.

Еще одним интересным явлением, влияющим на образование топонимов, является аспект мифов и легенд. Ярким примером этому служит город Грязи в Липецкой области. Название города объясняется тем, что, по легенде, когда по этим местам дождливой осенью проезжал император Пётр I, его коляска завязла в промокшей земле. Из-за грязной дороги Пётр присвоил этим выселкам название Грязи.

Также топонимы в составе фразеологических оборотов могут нести заведомо отрицательную коннотацию, как считает А. И. Кондакова: «Представляется, что топонимы, имплицитно отрицающие отрицательную характеристику интеллектуальных способностей, можно рассматривать как "имплицитивные" синонимы. Многие народы выбирают какой-либо населенный пункт, за которым закрепляется репутация обитатели глупости: Фригия – в Малой Азии, Абдера – во Фракии» [12, с. 105]. Данная информация безусловно важна, так как «позволяет получить очень ценные сведения о носителях языка и отметить национальные стереотипы» [22, с. 76].

Имена собственные играют важную роль не только в идентификации объектов и явлений, но и в передаче богатого спектра семантических значений. Они могут нести в себе культурные, исторические, социальные и личные коннотации, влияя на восприятие и интерпретацию носителями языка. Исследование семантической нагруженности имен собственных позволяет глубже понять механизмы формирования значений в языке и их роль в коммуникации.

Перенос значения имён собственных во фразеологизмах осуществляется с использованием различных механизмов, включая метафору, метонимию и синекдоху. Каждый из этих механизмов обладает специфическими чертами и реализуется в определённых контекстах.

По мнению А. А. Зализняка, метафорический перенос – «одна из наиболее фундаментальных связей, формирующих

семантическую структуру языковых единиц всех уровней» [10, с. 18]. Метафора как механизм переноса значения основана на ассоциации по сходству между объектами или явлениями. Имена собственные, включённые во фразеологические единицы, часто утрачивают своё первичное номинативное значение и становятся символами определённых качеств, свойств или характеристик. «В этом проявляется особое удобство, которым обладает номинация посредством единичного антропонима: из его значения можно извлечь богатый комплекс идей, не заменимый никаким нарицательным словом» [7, с. 65]. Например, имя мифического персонажа Прометея во фразеологизме *Прометеев огонь* ассоциируется с огнём знания, стремлением к прогрессу и самопожертвованию. Первоначальное значение имени Прометея как титана, принёсшего людям огонь, переносится на более обобщённый уровень, символизируя «неодолимое, неугасимое стремление к достижению высоких, благородных целей» [21, с. 432].

Метонимия, как и в случае с нарицательными именами, базируется на смежности понятий. Во фразеологических единицах имена собственные могут использоваться для обозначения объектов, связанных с данными именами по временным, пространственным или причинно-следственным связям. Примером метонимического переноса является фразеологизм *Все пути ведут в Рим*, который может означать стремление достигнуть высокой цели, независимо от средств и способов. Рим в культуре ассоциируется с величием и исторической значимостью. Здесь название *Рим* используется как символ высокого достижения.

Синекдоха как разновидность метонимии предполагает использование части для обозначения целого или наоборот. Во фразеологических единицах синекдохический перенос может реализоваться через использование имени собственных, которые становятся символами целых категорий, как, например, во фразеологизме *Между Сциллой и Харибдой*, который используется в ситуации, когда «кто-то оказывается между двумя враждующими сторонами, и опасность исходит от них обеих» [13, с. 483]. Синекдоха как троп, основанный на количественном переносе, часто используется во фразеологизмах для обозначения сложных концептов через конкретные образы. В данном фразеологизме синекдоха проявляется через использование

имен собственных *Сцилла* и *Харибда* для обозначения общего понятия 'опасность' или 'угроза'. Важно отметить, что оба имени собственных в данном случае символизируют не только конкретные мифологические существа, но и олицетворяют любые две альтернативные опасности, требующие выбора.

Перенос значения имён собственных во фразеологизмах существенно влияет на семантическую структуру данных языковых единиц. Имя собственное, лишаясь своего первичного номинативного значения, обогащает фразеологизм новыми смыслами и культурными ассоциациями.

Имена собственные в составе фразеологизмов часто теряют свою первоначальную идентифицирующую функцию и приобретают новое семантическое значение, тесно связанное с культурным и историческим контекстом. Как отметил В. В. Виноградов, «во фразеологическом единстве значение целого никогда не равняется сумме значений элементов. Это – качественно новое значение, возникшее в результате своеобразного химического соединения слов» [4, с. 343]. В таком случае имя собственное становится символом определенной идеи или качества, что позволяет усилить выразительность фразеологизма, используя способность слова становиться носителем целого комплекса значений и ассоциаций. Это позволяет экономить языковые средства, передавая сложные концепции с помощью компактных выражений, например: *Гордиев узел*, *Слава Герострата* и др. Подобные фразеологизмы с компонентом-именем собственным «представляют наибольший интерес в плане выявления национально-культурной специфики, так как именно эти единицы в большей степени отражают культуру, традиции и ментальность народа» [6, с. 237], что позволяет говорить о фразеологизмах как о своеобразных хранителях культурной памяти.

Обсуждение и выводы

Имена собственные во фразеологических единицах выполняют ряд важных функций, включая создание семантической глубины, усиление образности и передачу историко-культурного контекста. Эти функции обуславливают важную роль имен собственных в формировании значений фразеологизмов и их восприятии носителями языка. Механизмы пере-

носа значения имён собственных во фразеологизмах являются сложными и многосоставными процессами, незаменимыми для обогащения языка и развития его семантической структуры. Метафора, метонимия, синекдоха обеспечивают разнообразие и гибкость языковых выражений, позволяя именам собственным становиться важными культурными маркерами. Изучение этих механизмов углубляет понимание природы фразеологизмов и их функций, а также открывает новые перспективы для исследований в области фразеологии и семантики.

Фразеологизмы с именами собственными служат средством создания ярких и легко узнаваемых образов, что делает их мощным инструментом экспрессивной и метафорической речи. Эти выражения могут передавать сложные идеи и концепции, используя культурные, исторические и мифологические ассоциации, которые заключены в имени собственном. Изучение таких фразеологизмов способствует более глубокому пониманию их семантической структуры и механизмов формирования значений, что важно для развития теоретической лингвистики.

Список литературы

1. Андреев В. Н. Арготические фразеологизмы, включающие в себя имена собственные и их омонимы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11 (65): в 3-х ч. – Ч. 1. – С. 72–74. EDN: WTIEFV
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Очерки общей и русской фразеологии. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. – 280 с.
3. Булгаков С. Н. Философия имени / предисл. Л. Зандер. – СПб.: Наука, 1998. – 446 с.
4. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 322 с.
5. Гвоздарев Ю. А. Фразеологические сочетания современного русского языка. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1973. – 104 с.
6. Дороднева Н. В., Ермакова Е. Н. Лингвокультурологические свойства фразеологизмов с компонентом-именем собственным (на материале русского и английского языков) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1. – С. 236–247. EDN: QNLJKZ
7. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: П. Валент, 2001. – 198 с. EDN: BVVWXB
8. Жуков А. В. К вопросу о существенных свойствах и семантической классификации фразеологизмов // Вестник НовГУ. – 2006. – № 36. – С. 55–59. EDN: MUJGCP
9. Жуков А. В. Фразеологическая синонимия и ценность языкового знака // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. – Выпуск № 1 (5). – С. 91–97. EDN: RYINDU
10. Зализняк А. А. Русская семантика в типологической перспективе. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 635 с. EDN: VRRZXB

11. Ковшова М. Л., Дронов П. С. Вариативность русских фразеологизмов с компонентами-антропонимами // Русистика. – 2022. – Т. 20. – № 3. – С. 269–283. EDN: OVMJMU
12. Кондакова И. А. Фразеологизмы, содержащие топонимы, как средство выражения микроавтостереотипа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. № 3 (45) – Ч. 1. – С. 103–107. EDN: TIQSAD
13. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка: [7000 выражений и словосочетаний]. – М.: Аделант, 2014. – 511 с.
14. Михайлова О. А. Типы имен собственных в русских фразеологизмах // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте: материалы ежегодной международной конференции. – Екатеринбург: [УрФУ], 2015. – С. 49–53. EDN: XXFLPR
15. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. – 2-е изд., перераб. – СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2005. – 256 с. EDN: QRSEAT
16. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
17. Прохоров А. М. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Норинт, 2004. – 1452 с.
18. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: Локид-Пресс. 2005–303 с.
19. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973–366 с.
20. Суперанская А. В. Что такое топонимика / отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 177 с.
21. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 828 с.
22. Хомутникова Е. А., Леготина Ю. В. Фразеологизмы с компонентом-именем собственным в английском языке: культурно-специфичный и семантико-грамматический аспекты // Вестник Курганского государственного университета. – 2018. – № 2 (49). – С. 73–77. EDN: YVMVFR

Личный вклад соавторов
 Personal co-authors contribution
 60 / 40 %

Maxim Derbedenev, Maryana Yagodkina

Semantic Features of Proper Names as Part of Phraseological Phrases

The present article explores the lexical-semantic characteristics of proper names that are part of phraseological units. The study analyzes the process of integrating toponyms and anthroponyms into phraseological expressions, examines the mechanisms of semantic shift, and considers the cultural and historical aspects that influence the meaning of phraseologisms with proper names. As a result of the research, key features of the functioning of such phraseological expressions in the language were identified, allowing for a deeper understanding of the processes occurring at the intersection of onomastics and phraseology. The insufficient study of the semantic transformations of proper names in the context of phraseology, despite the importance of these processes for understanding language as a cultural phenomenon, as well as the extensive application of the linguistic units under consideration, determine the relevance of this research. The work emphasizes the importance of studying semantic shifts for a deeper understanding of the interaction between language and culture, which is significant for both linguistics and intercultural communication.

Key words: proper name, phraseology, toponym, anthroponym, semantics, etymology.

For citation: Derbedenev, M. E., Yagodkina, M. V. (2024) Semanticheskie osobennosti imen sobstvennyh v sostave frazeologicheskikh oborotov [Semantic Features of Proper Names as Part of Phraseological Phrases]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 128–140. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_4_128. EDN: VPFPXH

References

1. Andreev, V. N. (2016) Argoticheskie frazeologizmy, vlyuchayushchie v sebya imena sobstvennye i ih omonimy [Argotic phraseological units including proper names and their homonyms]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Gramota – Philological sciences. Questions of theory and practice*. No. 11 (65). Part 1. Pp. 72–74. (In Russian). EDN: WTIEFV
2. Baranov, A. N., Dobrovolskij, D. O. (2024) *Ocherki obshchej i russkoj frazeologii* [Essays on General and Russian Phraseology]. Moscow: Izdatel'skij Dom YASK Publ. (In Russian).
3. Bulgakov, S. N. (1998) *Filosofiya imeni* [The Philosophy of Names]. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
4. Vinogradov, V. V. (1977) *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works: Lexicology and Lexicography]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
5. Gvozdev, Yu. A. (1973) *Frazeologicheskie sochetaniya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseological Combinations of Modern Russian]. Rostov on Don: Izd-vo Rostovskogo unta. (In Russian).
6. Dorodneva, N. V., Ermakova, E. N. (2013) Lingvokul'turologicheskie svoystva frazeologizmov s komponentom-imenem sobstvennym (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) [Linguocultural Features of Phraseological Units with Proper Nouns (By the Material of the Russian and English Languages)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*. No. 1. Pp. 236–247. (In Russian). EDN: QNLJKZ
7. Ermolovich, D. I. (2001) *Imena sobstvennye na styke yazykov i kul'tur* [Proper Names at the Intersection of Languages and Cultures]. Moscow: R.Valent Publ. (In Russian). EDN: BBWVXB
8. Zhukov, A. V. (2006) K voprosu o sushchestvennyh svoystvah i semanticheskoy klassifikacii frazeologizmov [On the Question of the Essential Properties and Semantic Classification of Phraseological Units]. *Vestn. NovGU – Bulletin of the Novgorod State University*. No. 36. Pp. 55–59. (In Russian). EDN: MUJGCP
9. Zhukov, A. V. (2021) Frazeologicheskaya sinonimiya i cennost' yazykovogo znaka [Phraseological synonymy and the value of a language sign]. *Tul'skij nauchnyj vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie – Tula Scientific Bulletin. A series of Stories. Linguistics*. No. 1 (5). Pp. 91–97. (In Russian). EDN: RYIH DU
10. Zaliznyak, A. A. (2013) *Russkaya semantika v tipologicheskoy perspective* [Russian Semantics in a Typological Perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russian). EDN: VRRZXB
11. Kovshova, M. L., Dronov, P. S. (2022) Variativnost' russkih frazeologizmov s komponentami-antroponimami [Variability of Russian phraseological units with personal names]. *Rusistika – Russian language studies*. Vol. 20. No. 3. Pp. 269–283. (In Russian). EDN: OBMJMU
12. Kondakova, I. A. (2015) Frazeologizmy, sodержashchie toponimy, kak sredstvo vyrazheniya mikroavtostereotipa [Phraseological units containing toponyms as a means of expressing micro-auto-stereotype]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Questions of theory and practice*. No. 3 (45). Pp. 103–107. (In Russian). EDN: TIQSAD
13. Larionova, Yu. A. (2014) *Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: [7000 vyrazhenij i slovosochetaniij]* [Phraseological Dictionary of Contemporary Russian: 7000 Expressions and Collocations]. Moscow: Adelant Publ. (In Russian).
14. Mihajlova, O. A. (2015) *Tipy imen sobstvennyh v russkih frazeologizmah* [Types of Proper Nouns in Russian Phraseological Units]. *Russkij yazyk i lingvokul'tura v sopostavitel'nom aspekte* [The Russian language and linguistic culture in a comparative aspect]. Proceedings of the annual International Conference. Ekaterinburg: Ural Federal University. Pp. 49–53. (In Russian). EDN: XXFLPR.

15. Mokienko, V. M. (2005) *Zagadki russkoj frazeologii* [The Mysteries of Russian Phraseology]. St. Petersburg: Avalon Publ. (In Russian). EDN: QRSEAT
16. Molotkov, A. I. (1968) *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ. (In Russian).
17. Prohorov, A. M. (2004) *Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* [Great Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg: Norint Publ. (In Russian).
18. Serov, V. V. (2005) *Enciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij* [Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Phrases]. Moscow: Lokid-Press Publ. (In Russian).
19. Superanskaya, A. V. (1973) *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Names]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
20. Superanskaya, A. V. (1985) *Chto takoe toponimika* [What is Toponymy]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
21. Fedorov, A. I. (2008) *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow: AST Publ. (In Russian).
22. Homutnikova, E. A., Legotina, YU. V. (2018) *Frazeologizmy s komponentom-imenem sobstvennym v anglijskom yazyke: kul'turno-spezifichnyj i semantiko-grammaticeskij aspekty* [Phraseological units with proper name components: cultural and semantical grammatical aspects]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Kurgan State University*. No. 2 (49). Pp. 73–77. (In Russian). EDN: YVMVFR

Об авторах

Дербеднев Максим Евгеньевич, магистрант Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: maxisers@mail.ru; ORCID ID: 0009-0000-0269-5553

Ягодкина Марьяна Валерьевна, заведующий кафедрой рекламы и общественных коммуникаций Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: kafrok@lengu.ru; ORCID ID: 0000-0002-4244-4166

About the Authors

Maxim Derbednev, Master's Student, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: maxisers@mail.ru; ORCID ID: 0009-0000-0269-5553

Maryana Yagodkina, Head of the Department of Advertising and Public Communications, Pushkin Leningrad State University, Doctor of Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: kafrok@lengu.ru; ORCID ID: 0000-0002-4244-4166

дата получения: 01.09.2024 г.
дата принятия: 30.09.2024 г.
дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 01 September 2024
date of acceptance: 30 September 2024
date of publication: 28 December 2024

Е. В. Чудинова, О. С. Шурупова

Проблема двойничества: от романтизма до постмодернизма (на примере романа Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка»)

В статье рассматривается проблема двойничества, получившая отражение в многочисленных произведениях как русской, так и зарубежной художественной литературы. Актуальность статьи объясняется необходимостью исследования романа современного автора Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка», который во многом продолжает традиции английской классической литературы, с точки зрения реализации в нем проблемы двойничества. Целью данной работы стало исследование того, как особенности двойничества проявляются в романе «Тринадцатая сказка». Объект исследования – совокупность художественных концептов, которые получили репрезентацию и интерпретацию в тексте романа «Тринадцатая сказка» и благодаря признакам которых в тексте создается образ двойников. Для достижения цели исследования использованы описательный метод, метод анализа словарных дефиниций и метод компонентного анализа. В ходе исследования подвергнуты анализу особенности репрезентации и интерпретации базового концепта «twin» («близнец»), его информационное содержание и ассоциативное поле.

Ключевые слова: «Тринадцатая сказка» Д. Сеттерфилд, проблема двойничества, концепт, художественный текст, базовый концепт, концептосфера, twin (близнец).

Для цитирования: Чудинова Е. В., Шурупова О. С. Проблема двойничества: от романтизма до постмодернизма (на примере романа Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка») // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 141–153. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_141. EDN: VRPIZZ

Цель данной статьи заключается в том, чтобы подвергнуть анализу проблему двойничества в современной английской литературе на примере романа Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка». Актуальность исследования объясняется необходимостью изучения романа, который оказал значительное влияние на читающую публику Англии, удостоившись в посвященных ему критических статьях звания «новой “Джен Эйр”», а также достиг большой популярности и среди современных российских читателей. Задачи исследования связаны

с тем, чтобы проанализировать базовый концепт «twin», его информационное содержание и ассоциативное поле, сформулировать основные признаки, приобретаемые им в смысловом пространстве романа «Тринадцатая сказка». Научная новизна статьи связана с обращением к концептосфере романа Д. Сеттерфилд, ранее не подвергавшейся систематическому изучению в отечественной науке. Хотя образы двойников в этом произведении уже рассматривались рядом авторов [3; 7], они посвящали свои работы двойничеству как подобию и противопоставленности героев текста, не фокусируя свое внимание на глубинных связях главных персонажей – Эммелины, Аделины и их сводной сестры. На наш взгляд, исследование этих связей поможет выявить главные особенности реализации проблемы двойничества в литературе постмодернизма.

Проблема двойничества неизменно вызывает интерес как исследователей отечественной и зарубежной литературы, так и культурологов. Так, в своих работах Л. А. Абрамян доказывает, что мифы и образы, связанные с близнецами, существовали в культуре разных народов в самые ранние исторические эпохи [1–2]. Например, в мифах индейцев Северной и Южной Америки, народов Океании один из близнецов является воплощением доброго начала, а второй – воплощением злой силы, при этом между братьями начинается борьба. В некоторых мифах братья-близнецы не находятся в противоборстве друг с другом, а дополняют друг друга и «воплощают ... два начала» [11, с. 174]. Исследователи указывают на значение мифов, касающихся близнецов, в культуре разных народов: первоначально у большинства народов мира рождение близнецов считалось «уродливым, а сами близнецы – ... опасными» [11, с. 175]. В дальнейшем происходит сакрализация близнецов и их родителей, которая связана с представлением о связи рождения близнецов с плодородием. Наконец, особое значение близнецный культ имеет «в религии обществ с ярко выраженными следами дуальной организации» [11, с. 176], в которых существовало «сочетание двух экзогамных родов» [10].

В дальнейшей культурной традиции мифы о близнецах развиваются и трансформируются в идеи о двойственной природе человека, о его двойнике, тени, отражении. Проблеме двойничества посвящены исследования О. М. Фрейден-

берг, которая, описывая функцию двойничества, связывала ее с делением мира на «пространство жизни» и «пространство смерти», при этом двойником человека являлась его душа [13]. В современных работах Б. Зейтца [19], И. Шило [21], К. Беркмен [16] проблема двойничества рассматривается с точки зрения различных подходов: психоаналитического, антропологического, исторического, литературоведческого, – при этом авторы работ приходят к выводу о том, что двойничество – сложный феномен, которому нельзя дать однозначного определения. Как указывает О. А. Джумайло в своем исследовании «Новые книги о двойничестве», ученые дают максимально широкое понимание двойничества: «от бинарности и повторов разного рода до выделения “альтер-эго”, обнаружения реляций, указывающих на подобие / противопоставленность двух разных персонажей, трансгрессию, проявленность двух сторон одной и той же личности, возможность множественного “Я” и т. д. и т. п.» [7, с. 244].

Как известно, тема двойничества привлекала особое внимание представителей романтизма. Как писал В. Гюго в своеобразном манифесте европейского романтизма «Предисловие к «Кромвелю», «человек является двойственным, как и его судьба, заключает в себе животное и дух, душу и тело, – словом – является точкой пересечения, общим звеном обеих цепей тех существ, которые обнимают собою все сущее, существ материальных и существ бестелесных» [7, с. 79]. Эта тема получила развитие в творчестве немецких романтиков, в частности, Э. Т. А. Гофмана. Как указывает Н. Берковский, «суть не в удвоении, суть в том, что подтачивается единственность человеческой личности» [3, с. 498]. Так, в романе «Эликсиры дьявола» этот «мотив внутреннего раздвоения личности» [15, с. 10] был реализован прежде всего в противопоставлении и связи образов Медарда и Викторина, при этом Викторин выступал в качестве подсознательной злой, темной силы, которая подталкивала Медарда к преступлениям. «Второй Медард вынут из души Медарда первого, отсюда и тождество между ними. Второй Медард – оглашенная тайна, нечаянно показавшаяся людям и миру тайна Медарда первого. В первом Медарде скрыт некий “черный” человек, насильник и убийца» [3, с. 533]. Однако Медард, способный любить и каяться, в кон-

це романа старается искупить свои прегрешения искренним покаянием и молитвами, переживая внутреннее очищение. Мир произведения Гофмана гармоничен: в нем есть добро и зло, любовь и ненависть, главные герои могут искупить грехи своих предков или заслужить прощение ценой своей жизни или молитвенным покаянием.

По утверждению А. Григорьева, «пусть романтическое веяние пришло извне, от западной жизни и западных литератур, оно нашло в русской натуре почву, готовую к его восприятию, – и потому отразилось в явлениях совершенно оригинальных...» [5, с. 15]. В русской литературе получает развитие проблема двойничества как проявления зловещего и темного второго лика человека, который внезапно проявляется и даже выходит наружу и «занимает место рядом со своим подлинником, становится тоже действующим лицом» [3, с. 535]. Встреча с двойником знаменует победу злого начала в душе героя и одновременно служит ему своеобразным наказанием. Это происходит и с коллежским асессором Ковалевым, который с изумлением узнает, что его собственный нос отделился от хозяина и стал делать карьеру, и с господином Голядкиным из повести Ф. М. Достоевского «Двойник», который сталкивается с Голядкиным-младшим, готовым безжалостно вытеснить из жизни своего подлинника. Появление двойника в этих произведениях явно воспринимается как происки бесовских сил, которым человек неосторожно покорился. По словам М. М. Дунаева, «Голядкину покоя не дает его амбициозность, то есть одно из пошлейших проявлений... гордыни, его несогласие со своим званием. Он... встречается в диковинном смешении фантазии и обыденности со своим двойником, который, как вскоре выясняется, своею жизнью... весьма доволен и оттого преуспевает в ней вполне, постепенно вытесняя из действительности самого Голядкина-подлинного» [9, с. 417].

В реалистическом романе Ф. М. Достоевского «Подросток» тема двойничества раскрывается как тема мучительного раздвоения личности. Так, его персонаж Версилов заявляет: «Знаете, мне кажется, что я весь раздваиваюсь... Право, мысленно раздваиваюсь и ужасно этого боюсь. Точно подле вас стоит ваш двойник» [8, с. 408–409]. Писатель исследует пси-

хологическую сущность раздвоения человека как результата внутреннего разлада и утраты самоидентичности.

В современной литературе постмодернизма происходит возвращение к свойственному для романтизма пониманию таинственной и мрачной природы двойничества. Для постмодернизма характерно игровое, во многом ироническое обращение к культурному наследию предыдущих эпох, поэтому закономерно, что роман современного английского автора Д. Сеттерфилд изобилует аллюзивными отсылками к прецедентным текстам английской литературы. Так, зеленые глаза героинь-близнецов напоминают о таких персонажах викторианских романов, как Джен Эйр и Ребекка Шарп, а безумная страсть их родителей заставляет вспомнить об отношениях Кэтрин и Хитклифа из «Грозового перевала» Э. Бронте. Однако в постмодернистском тексте характерные для классической литературы мотивы, в том числе мотив двойничества, приобретают особенно зловещее звучание.

Материалы и методы

В современной английской литературе тема двойничества находит иную интерпретацию. Так, в романе Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» [20], послужившем материалом данного исследования, она реализована прежде всего через образы сестер-близнецов. Объект исследования – концепт “twin”, получающий репрезентацию и интерпретацию в его пределах. Для достижения цели и решения задач исследования использованы описательный метод, метод анализа словарных дефиниций и метод компонентного анализа.

Результаты

В отличие от мира произведения Э. Т. А. Гофмана, художественная действительность произведения «Тринадцатая сказка» Д. Сеттерфилд дисгармонична. В нем также описана история одной семьи, страстей и безумия представителей разных поколений вырождающегося рода. В этом мире дети рождаются от насилия или в результате кровосмесительных отношений, а для убийства и жестокости не нужна особая причина. В центре описываемых событий – близнецы-девочки Эммелина и Аделина, родившиеся от красивой, но бездушной

и впоследствии безумной Изабеллы, которая совершенно не занималась их воспитанием: “...she had not a single maternal bone in her body” [20, p. 64] / «у нее не было ни одной черточ-ки, которая делала бы ее матерью». Их отцом был не менее бездушный и жестокий Чарли, которого пожирала нездо-ровая страсть к сестре. Подросшие близнецы создали свой собственный мир, в котором не было нужды в других людях и в котором существовал свой собственный язык: “It was no language she had ever heard... They didn't talk properly” [20, p. 69] / «Никогда до этого она не слыхала такого языка. Они не говорили как подобает». Автор постоянно подчеркивает связь между двумя девочками-близнецами, описывая их. Героини романа все делали вместе, их невозможно было отли-чить друг от друга, часто они выполняли какие-то действия синхронно, например, поворачивали головы с началом боя часов. Иногда они тайно следили за происходящим в доме, тогда за другими людьми подглядывали две пары глаз (“two pairs of wide green eyes” [20, p. 70] / «две пары огромных зеле-ных глаз»). Д. Сеттерфилд делает акцент на ненормальности близнецов: так, по мнению служанки Миссиз, они не воспри-нимали других людей как живых существ: “They don't know that anyone is alive but themselves” [20, p. 70]. Или восприни-мают людей как ампутантов, лишенных другой половины – своего близнеца. Попытка разделить близнецов приводит к их болезни: «They were apart; they were alone; they were in a kind of limbo. They were like amputees» [20, p. 150] / «Они были разделены; они были одиноки; они пребывали в состоянии неизвестности. Их будто оторвали друг от друга».

Анализ романа позволяет выделить ключевые слова, связан-ные с темой сестер-близнецов: “unnatural” / «неестественный» (6), “ghosts” / «призраки» (6), “amputees” / «оторванные (друг от друга)» (3), “monstrous” / «ужасный» (2), “strange” / «стран-ный, чужой» (2), “odd” / «странный» (2). При этом автор романа подчеркивает, что характеры близнецов представляли собой противоположности: Эммелина была добра, а Аделина жестока: “...had the goodness of two children in her, and Adeline the wick- edness of two” [20, p. 68] / «Эммелине была добра за двоих, а Аделина – зла за двоих». Однако сестры не вступают в про-тивоборство, не происходит борьбы добра со злом: Эммелина

пассивна и глупа, она была готова терпеть жестокость сестры. Мир близнецов искажен и ненормален, в нем отсутствует гармония, поскольку добро не может противостоять злу и лишено рассудка, а жестокость Аделины торжествует. Так в близнецах уродливо переплелись качества гармоничного человека: доброта, общительность, ум, изобретательность, которые были разделены между двумя личностями. Можно предположить, что двойничество в этом случае является метафорой: Эммелина как символ человеческой души, открытой к общению, добру, любви, и Аделина как символ человека, лишённого души.

Девочки, являющиеся сестрами-близнецами, по сути становятся двойниками друг друга, и концепт “twin” («близнец») реализует в данном тексте признак, связанный с двойничеством. Рассмотрим информационное содержание концепта «twin» в английской и американской лингвокультуре. Словарь “Cambridge Advanced Learner’s Dictionary” приводит следующие значения слова “twin”: “1. One of two children who are born to the same mother on the same occasion; 2. One of two very similar things” [17, p. 1697] / «1. Один из двух детей, одновременно рожденных одной и той же матерью; 2. Одна из двух очень похожих вещей». Словарь “Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English” дает два значения слова: «1. one of two children born at the same time to the same mother; 2. one of two similar things that make a pair” / «1. один из двух детей, рожденных в одно и то же время одной и той же матерью; 2. один из двух парных предметов» [18, p. 1668].

С помощью анализа ассоциаций, которые вызывает данное слово у носителей английского языка, можно представить следующую модель ассоциативного поля данного концепта: в ядерную зону входит признак рождения в одно и то же время одной матерью. В ближнюю периферию входят признаки схожести, похожести, связи между близнецами. К дальней периферии относится признак необычности.

Если сравнить информационное содержание концепта “twin” с его интерпретацией в тексте Д. Сеттерфилд, то можно отметить, что автор романа переносит в ближнюю периферию признак необычности, кроме этого, к ближней периферии концепта относятся признаки ненормальности, неполноценности, неестественности, призрачности.

Идея двойничества реализуется в романе не только через образы близнецов Аделины и Эммелины, но и с помощью образа их сводной сестры, которая в последующей жизни принимает имя-псевдоним Виды Винтер. Хотя о существовании третьей девочки читатель узнает только в конце романа (“Once upon a time there were three” [203, p. 282] / «Когда-то их было трое»), Д. Сеттерфилд намекает гораздо раньше, что речь пойдет не о двойне, а о трех главных персонажах: “Ah, the rule of three...The magic number” [20, p. 41] / «Ах, правило трех... Волшебное число»). Если говорить о символическом значении числа три, то нужно отметить, что третий персонаж призван решить проблему противоречия между двумя сестрами-близнецами: тройка «олицетворяет решение конфликта, поставленного дуализмом» [14, с. 74], третий персонаж должен выполнять «гармонизирующую функцию» [14, с. 75]. Интересно, что автор изначально лишает свою главную героиню имени, дав ей прозвище Тень: “John called me Shadow” [20, p. 292] / «Джон звал меня Тенью». Даже позднее, выбирая псевдоним для своей писательской деятельности, она решает взять себе имя Виды Винтер, так как оно обозначает пустоту, ничто: “Vide in French means empty. The void. Nothingness” [20, p. 29] / «По-французски *vide* значит пустой. Пустота. Ничто». Безымянная девочка-подкидыш, не знающая своей матери и не признанная своим отцом, тайно живущая в имени своих сестер, вобрала в себя все лучшие качества: доброту, способность сопереживать и любить, ум, волю и способность действовать. Для создания ее образа автор использует метафоры «привидение», «призрак», «девочка из мглы», подчеркивая нереальность, неправдоподобность ее существования. Деятельная и активная «девочка, вышедшая из мглы», обладая умом и добрым сердцем, не смогла решить конфликт сестер-близнецов: ревность Аделины и ее ненависть к ребенку Эммелины привели к трагедии, к смерти одной из сестер и трагическому перевоплощению второй сестры: ее лицо обезображено, она не может или не хочет говорить, и читатель даже не знает точно, кто из сестер-близнецов уцелел: Аделина или Эммелина. Уцелевшая сестра теряет свою индивидуальность и также становится призраком, тенью без лица и без имени. В романе не происходит ни примирения сестер, ни раскаяния за совер-

шенное зло, ни искупления, связи между сестрами разорваны, но это не приводит к решению конфликта: сестры не могут существовать ни вместе, ни порознь, так как представляют собой одно целое и противоречивое «Я».

Иначе представлена проблема двойничества на примере другой героини романа, Маргарет, которая потеряла сестру-близнеца Мойру в младенчестве. Она также чувствует себя неполноценной, разделенной, половинкой, как будто бы кто-то отнял у нее душу: "What kind of an unnatural creature was I? What abomination of nature is it that divides a person between two bodies before birth, and then kills one of them? And what am I that is left? Half-dead, exiled in the world of the living by day, while at night, my soul cleaves to its twin in a shadowy limbo" [20, p. 150] / «Что я за противоестественное создание? Какое извращение природы делит личность человека на два тела еще до рождения, а потом убивает одно из них? И что именно осталось от двоих во мне? Я наполовину мертва, днем обречена влачить земное существование, а ночью моя душа прилипает к неопределенной тени своего двойника».

Однако, несмотря на драматичность описываемых в романе событий, Д. Сеттерфилд не отнимает у читателя надежду: Вида Винтер обретает успокоение в том, что она перед смертью рассказала правдивую историю своей жизни, сын Эмме-лины Аврелиус находит своих родных, Маргарет видит свою сестру во сне и прощается с ней.

Обсуждение и выводы

Анализ концептосферы романа позволяет сформулировать его смысл: в современном мире нарушена гармония, он жесток и дисгармоничен, в нем нарушена целостность образа человека, образа «Я», он раздроблен и потерян, но даже в этом мире есть место для любви и добра. На наш взгляд, в романе Д. Сеттерфилд выявляются особенности реализации проблемы двойничества в литературе постмодернизма: образ «Я» искажен и раздроблен на несколько частей, человек изображен в виде ампутанта, лишённого души, окружающий мир неестественен, дисгармоничен. Если в текстах русской и немецкой литературы эпохи романтизма двойник представлял собой уродливое, греховное отражение сущности человека,

порождение его тщеславия или других низменных страстей, которое можно было одолеть с помощью покаяния, то в романе современного английского автора примирение человека с самим собой и гармония возможны только после смерти. В данном тексте светлая сторона личности не может одолеть темную, так как они слишком тесно связаны друг с другом.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в детальном изучении концептосферы романа Д. Сеттерфилд, а также других произведений английской литературы постмодернизма, что позволит исследовать особенности современного миропонимания, характерного для английских текстов, и осмыслить пути его развития и возможности влияния на российских читателей.

Список литературы

1. Абрамян Л. А. Об идее двойничества по некоторым этнографическим и фольклорным данным // Историко-филологический журнал. – 1977. – № 2. – С. 47–60.
2. Абрамян Л. А. Человек и его двойник (к вопросу об истоках близнецного культа) // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. – М., 1977. – С. 60–77.
3. Берковский Н. Романтизм в Германии. – М.: РИПОЛ классик, 2021. – 576 с.
4. Бурцева М. А., Гизатулина Г. Е. Система персонажей-двойников в романе Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» // Вестник Бурятского государственного университета. – 2016. – Вып. 1. – С. 49–56.
5. Григорьев А. А. Литературная критика. – М.: Наука, 1967. – 516 с.
6. Гюго В. Предисловие к «Кромвелю» // Собрание сочинений в 15-ти т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – Т. 14. – С. 74–132.
7. Джумайло О. А. Новые книги о двойничестве // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2017. – Т. 2. – № 1. – С. 243–256. EDN: ZBKQOD
8. Достоевский Ф. М. Подросток // Полное собрание сочинений в тридцати томах. Художественные произведения (тома I–XVII) / АН СССР, Ин-т русской литературы. – Т. 13. – Л.: Наука, 1975. – 456 с.
9. Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. – М.: Храм Святой мученицы Татианы при МГУ, 2002. – Ч. III. – 768 с.
10. Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология / отв. ред. А. Л. Файнберг. – М.: Наука, 1964. – 328 с.
11. Иванов В. В. Близнецные мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 1. – С. 174–176.
12. Ишимбаева Г. Г. Интертекстуальность романа Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т. 21. – № 4. – С. 1072–1076. EDN: XSBKKT
13. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. – М: Лабиринт, 1994. – 448 с.
14. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. – М.: АСТ; Харьков, Тросинг, 2003. – 591с.
15. Эшбаева Н. У. Двойничество в творчестве Э. Т. А. Гофмана и Ф. М. Достоевского // Вестник науки и творчества. – 2022. – № 3. – С. 9–12.
16. Burkman K. (2016) *The Drama of the Double*. – New York: Palgrave Macmillan, 2016. – 197 p.
17. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Fourth Edition / ed. by Colin McIntosh. – Cambridge, Cambridge University Press, 2008. – 1844 p.

18. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Eighth Edition. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 1796 p.

19. Seitz B. Intersubjectivity and the Double: Trouble Matters. – New York: Palgrave Macmillan, 2016. – 170 p.

20. Setterfield D. The Thirteenth Tale. – London: Orion Books, 2013. – 456 p.

21. Shiloh I. The Double, the Labyrinth and the Locked Room. Metaphors of Paradox in Crime Fiction and Film. – New York: Peter Lang, 2011. – 186 p.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Elena Chudinova, Olga Shurupova

The Problem of Duality: From Romanticism to Postmodernism (on the Example of *The Thirteenth Tale* by D. Setterfield)

The article examines the problem of duality, reflected in numerous works of both Russian and foreign fiction. The relevance of the study is explained by the need to study the novel by the modern author D. Setterfield *The Thirteenth Tale*, which in many ways continues the traditions of English classical literature, from the point of view of the implementation of the problem of duality in it. The purpose of this work is to study how the features of duality are manifested in the novel *The Thirteenth Tale*. The object of the study is a set of artistic concepts that were represented and interpreted in the text of the novel *The Thirteenth Tale* and due to the features of which the image of doubles is created in the text. To achieve the goal of the study, the descriptive method, the method of analysis of dictionary definitions and the method of component analysis were used. In the course of the study, the features of representation and interpretation of the basic concept "twin", its information content and associative field were analyzed.

Key words: *The Thirteenth Tale* by D. Setterfield, the problem of duality, concept, artistic text, basic concept, concept sphere, twin.

For citation: Chudinova, E. V., Shurupova, O. S. (2024) Problema dvoynichestva: ot romantizma do postmodernizma (na primere romana D. Setterfild «Trinadsataya skazka») [The Problem of Duality: From Romanticism to Postmodernism (on the Example of *The Thirteenth Tale* by D. Setterfield)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 141–153. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_4_141. EDN: VRPIZZ

References

1. Abramyan, L. A. (1977) Ob idee dvoynichestva po nekotorym etnograficheskim i fol'klornym dannym [On the idea of duality according to some ethnographic and folklore data]. *Istoriko-filologicheskij zhurnal – Historical and Philological Journal*. No 2. Pp. 47–60. (In Russian).

2. Abramyan, L. A. (1977) Chelovek i ego dvojniki (k voprosu ob istokah bliznechnogo kul'ta) [Man and his double (to the question of the origins of the twin cult)]. *Nekotorye voprosy izucheniya etnicheskikh aspektov kul'tury* [Some issues in the study of ethnic aspects of culture]. Moscow. Pp. 60–77. (In Russian).

3. Berkovsky, N. (2021) *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Moscow: RIPOL klassik Publ. (In Russian).

4. Burceva, M. A., Gizatullina, G. E. (2016) Sistema personazhej-dvojnikov v romane D. Set-terfild «Trinadcataya skazka» [The system of double characters in the novel «The Thirteenth Tale» by D. Setterfield]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Buryat State University*. Issue 1. Pp. 49–56. (In Russian).
5. Grigor'ev, A. A. (1967) *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
6. Hugo, V. (1956) *Predisloviye k «Kromvelyu»* [Preface to «Cromwell»] *Sobraniye sochineniy v 15-ti tomakh*. T. 14 [Collected Works in 15 vols. Vol. 14]. Moscow: State Publishing House of Fiction Publ. Pp. 74–132. (In Russian).
7. Dzhumajlo, O. A. (2017) *Novye knigi o dvojnichestve* [New Books on Duality]. *Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovanij – Practices and Interpretations: A Journal of Philological, Educational and Cultural Studies*. Vol. 2. No. 1. Pp. 243–256. (In Russian).
8. Dostoevskij, F. M. (1975) *Podrostok* [Teenager]. *Polnoe sobranie sochinenij v tridcatti tomakh. Xudozhestvenny'e proizvedeniya (toma I–XVII)* [Complete works in thirty volumes. Works of fiction (volumes I–XVII)]. Vol. 13. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
9. Dunaev, M. M. (2002) *Pravoslavie i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian literature] In 6 parts. Part III. Moscow: Xram Svyatoj muchenicy Tatiyan' pri MGU Publ. (In Russian).
10. Zolotarev, A. M. (1964) *Rodovoj stroj i pervobytnaya mifologiya* [Tribal system and primitive mythology]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
11. Ivanov, V. V. (1980) *Bliznechnye mify* [Twin myths]. *Mify narodov mira: Enciklopediya* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia. Vol. 1]. Moscow: Sovetskaya Enciklopediya Publ. Pp. 174–176. (In Russian).
12. Ishimbaeva, G. G. (2016) *Intertekstual'nost' romana D. Setterfild «Trinadcataya skazka»* [Intertextuality of the novel «The Thirteenth Tale» by D. Setterfield]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of the Bashkir University*. Vol. 21. No. 4. Pp. 1072–1076. (In Russian).
13. Frejdenberg, O. M. (1994) *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre]. Mos-
cow: Labirint Publ. (In Russian).
14. Shejnina, E. Ya. (2003) *Enciklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow: AST Publ.; Har'kov: Trosing Publ. (In Russian).
15. Eshbaeva, N. U. (2022) *Dvojnichestvo v tvorchestve E. T. A. Gofmana i F. M. Dosto-
evskogo* [Duality in the works of E. T. A. Hoffmann and F. M. Dostoevsky]. *Vestnik nauki
i tvorчества – Bulletin of science and creativity*. No. 3. Pp. 9–12. (In Russian).
16. Burkman, K. (2016) *The Drama of the Double*. New York: Palgrave Macmillan.
17. Colin McIntosh (2008) (ed.) *Cambridge Advanced Learner's Dictionary Fourth Edition*.
Cambridge: Cambridge University Press.
18. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* (2015) Eighth Edition.
Oxford: Oxford University Press.
19. Seitz, B. (2016) *Intersubjectivity and the Double: Trouble Matters*. New York:
Palgrave Macmillan.
20. Setterfield, D. (2013) *The Thirteenth Tale*. London: Orion Books.
21. Shiloh, I. (2011) *The Double, the Labyrinth and the Locked Room. Metaphors of Paradox
in Crime Fiction and Film*. New York: Peter Lang.

Об авторах

Чудинова Елена Владиславовна, доцент Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации кандидат педагогических наук, доцент (г. Липецк, Российская Федерация); e-mail: tschudinowa@mail.ru; ORCID ID: 0009-0008-9608-6545

Шурупова Ольга Сергеевна, профессор Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского доктор филологических наук, доцент (г. Липецк, Российская Федерация); e-mail: shurupovaolgas@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-6987-9883

About the Authors

Elena Chudinova, Associate Professor, Lipetsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD in Philology (Lipetsk, Russian Federation); e-mail: tschudinowa@mail.ru; ORCID ID: 0009-0008-9608-6545

Olga Shurupova, Professor, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, Doctor of Philology (Lipetsk, Russian Federation); e-mail: shurupovaolgas@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-6987-9883

дата получения: 15.09.2024 г.
дата принятия: 30.10.2024 г.
дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 15 September 2024
date of acceptance: 30 October 2024
date of publication: 28 December 2024

Р. Е. Булат, С. В. Титовец, Х. С. Байчорова

Перспективы развития спортивной терминологии в области баскетбола

Авторами исследована тенденция перехода в состав лексики русского языка иностранной спортивной терминологии в области баскетбола. Выявлены причины закономерности, состоящей не только в отсутствии замены английских терминов на русские, но и в увеличении объёма англицизмов, которые изначально перешли в состав русского языка в правилах баскетбола. Приведены примеры транскрипции, транслитерации и калькирования, которые способны привносить в русский язык чуждые смыслы, обозначая понятия и реалии иных культур. Критическому анализу подвержены издания словарей баскетбольной терминологии, не прошедшие процедуру научного рецензирования. В рамках констатирующего эксперимента подтверждено мнение о нецелесообразности дальнейшей замены русских баскетбольных терминов и понятий англицизмами. Доказывается, что практическая реализация принципов необходимости и достаточности при заимствованиях может быть воплощена Российской баскетбольной федерацией в обновлениях официальных правил вида спорта баскетбол, в которых будет введён раздел об основных понятиях и терминах этого вида спорта.

Ключевые слова: русский язык, заимствования, спортивная терминология, баскетбол, физическая культура и спорт, транскрипция, транслитерация, калькирование.

Для цитирования: Булат Р. Е., Титовец С. В., Байчорова Х. С. Перспективы развития спортивной терминологии в области баскетбола // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 154–169. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_154. EDN: UTUNFT

Язык является основным способом обеспечения функционирования общественных отношений. При этом влияние на язык факторов социальной действительности создает механизмы их речевой реализации [9; 17]. У представителей разного рода отраслей имеются различия в используемой терминологии, отражающей их область знаний, и для точного понимания специалистам необходимо употреблять их соответствующим образом [5; 10; 22]. Вместе с тем, как отметил лексиколог Н. М. Шанский еще в прошлом веке, одной из тенденций увеличения лексического объёма русского

языка составляет переход в него иностранных слов¹. При этом немаловажной составляющей рассматриваемого направления обогащения словарного состава русского языка лексическими единицами является спортивная терминология, исходным языком которой чаще всего является английский [11; 14]. Данный процесс связан в большей степени с тем, что сами виды спорта и спортивные дисциплины зарождались в англоязычных странах (баскетбол, футбол и другие) и в дальнейшем популяризировались в России. В результате спортивная терминология, характеризующаяся достаточной простотой перехода формы английского слова с соответствующей фонетической и грамматической адаптацией, получила распространение в русском языке не только в области физической культуры и спорта, но и в других видах деятельности, т. е. принималась носителями языка вне зависимости от особенностей социальной группы (например, *отфутболить*, *фолить* и т. п.), становясь тем самым референциальным явлением [2; 20].

Приведённые примеры свидетельствуют о наиболее распространённых процессах обогащения в области спортивной терминологии за счёт перенесения как материальной формы слова – приставки, суффикса и реже окончания (транскрипция, транслитерация), так и значения (калькирование). При этом калькирование как непрямой способ языковых изменений принято относить к наиболее мягкому, для языка отнюдь не разрушительному. Вместе с тем рассматриваемые транскрипция и транслитерация как прямые способы языковых изменений привносят в систему принимаемого языка чуждые смыслы, обозначая понятия и реалии иных культур, и общественное мнение этот процесс не одобряет. Так, в рамках исследования было выявлено, что, если *‘фол’*, *‘блок-шот’*, *‘пас’*, *‘аутсайдер’*, *‘прессинг’* и другие термины в активном словаре любого баскетболиста, тренера, судьи или болельщика бесспорны, то ряд баскетбольных понятий при их взаимодействии всё ещё сохраняют терминологию, исторически сложившуюся в советский период. При этом в баскетбольной среде всё ещё применяются: *‘заслон’* (реже – *‘двойка’*), а не *‘пик-н-ролл’*; *‘двойное ведение’*, а не *‘двойной дриблинг’*; *‘команда’*, а не *‘тим’*; *‘площадка’*, а не *‘court’* (pitch); *‘тренер’*,

¹ Шанский Н. М. Русский язык. Лексика. Словообразование. М.: Просвещение, 1975. 239 с.

а не 'коуч'; 'дополнительная пятиминутка', а не 'овер-тайм'; 'корзина', а не 'баскет'; 'разыгрывающий', а не 'плеймейкер'; 'прыжок с мячом', а не 'ап энд даун'; 'спорный мяч', а не 'джамп бол'; 'сирена' ('финальный свисток'), а не 'баззер'; 'минутный перерыв' ('минута'), а не 'тайм-аут' и др.

В тоже время учёными отмечается немногочисленность исследований по профессиональному спортивному языку в англо-русской языковой паре. Поэтому многие из них опираются на англо-русские баскетбольные термины, представленные в исследованиях Р. В. Попова¹ и в учебном словаре А. Ф. Рассказова². В связи с этим следует отметить, что 20-летний период является более чем значительным в условиях глобализации и развития транснациональных социальных отношений. Так, в Концепции государственной языковой политики Российской Федерации (июнь 2024 года) указано, что «есть проблемы, обусловленные усилением глобализации. В частности – необоснованное использование в официальном общении иностранных слов, имеющих общеупотребительные аналоги в русском языке»³. Поэтому опора на исследования 2003 и 2010 года может ввести в заблуждение. Следовательно, актуализируются дальнейшие научные исследования в области динамики применения участниками спортивных мероприятий баскетбольных понятий и терминов.

Материалы и методы

В ходе исследования проводился сравнительный анализ насыщения правил баскетбола на русском языке с 1941 (рисунк) до 2022 года англоязычными терминами и понятиями, который выявил положительную динамику. Так, баскетбольная терминология, закреплённая в официальных правилах баскетбола, изданных Российской федерацией баскетбола⁴, в процессе переноса из исходного языка (английского)

¹ Попов Р. В. Русская спортивная терминология (на материале баскетбольной терминосистемы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Северодвинск, 2003. 24 с. EDN ZMSIRJ

² Рассказов А. Ф. Учебный словарь баскетбольных терминов английского языка. Сургут: Шадринский дом печати, 2010. 99 с.

³ Утверждена Концепция государственной языковой политики Российской Федерации. Электронный ресурс. URL: <https://rg.ru/2024/06/14/ravnye-prava-dlia-vseh-iazykov-narodov-rossii-glavnoe-iz-konsepicii-iazykovo-politiki-rg.html> (дата обращения: 21.07.2024).

⁴ Документы Российской федерации баскетбола. Электронный ресурс. URL: <https://russiabasket.ru/federation/documents?cat=правила> (дата обращения: 21.07.2024).

нашла своё отражение в учебном словаре А. Ф. Рассказова¹: 'труссы' эволюционировали в 'шорты'; 'минутный перерыв' – в 'тайм-аут' (с дефисом); 'дополнительная пятиминутка' – в 'овертайм' (без дефиса); 'секундомер' – в 'таймер'; 'персональная ошибка' – в 'фол'; 'боковая' ('лицевая') линия – в 'аут' и т. д.

Рисунок. Правила баскетбола 1941 года издания

В ходе исследования применялся метод выборки лексических единиц из печатных материалов баскетбольной тематики и словарей, а также опросы респондентов из разных профессиональных сообществ.

Результаты

Казалось бы, по мере объективизации и подстраивания изначально пришедшие в русский язык из английского правила баскетбола могли бы принять тенденцию к замене английских терминов на русские. Однако данный процесс принял обратную направленность. Так, А. В. Сысоев, Д. В. Соболев, С. Н. Горлова и В. П. Брюховецкий² отмечают, что современный баскетбол характеризуется обилием англицизмов в русском языке, которые становятся всё более распространёнными.

При этом следует отметить, что более поздние издания напоминают некий путеводитель для переходящих в зарубежные

¹ Рассказов А. Ф. Учебный словарь баскетбольных терминов английского языка. Сургут: Шадринский дом печати, 2010. 99 с.

² Баскетбол. Словарь-справочник: учеб. пособие / А. В. Сысоев, Д. В. Соболев, С. Н. Горлова, В. П. Брюховецкий. Воронеж: РИТМ, 2020. 145 с.

команды российских тренеров. Однако следует признать, что подобные издания негативно воздействуют на подсознание молодёжи тем, что способствуют принудительному насаждению иностранных слов в отечественное баскетбольное сообщество. При этом некоторые из них печатаются как красочно иллюстрированный «самиздат», не проходят соответствующую процедуру научного рецензирования, и поэтому не имеют выходных типографских данных¹. В связи с этим важно подчеркнуть, что существенным генератором дальнейшего усиления тенденции к переходу иностранных слов из исходного (английского) языка могли стать излишнее рвение и стремление составителей словарей к увеличению объёма своих публикаций [8; 15; 21].

Можно предположить и то, что одной из существенных причин усиления тенденции к переносу иностранных слов из исходного языка в русский стало чрезмерное применение баскетбольных терминов-американизмов тренерами профессиональных команд, которые с девяностых годов прошлого столетия увлеклись массовым приглашением англоязычных игроков. Далее данную тенденцию подхватили административные служащие, которые сами из руководителей, управляющих и чиновников (от сл. *чин*) превратились в *менеджеров*. В результате лексикон тренеров профессиональных команд не мог не распространиться на коллег из детско-юношеских и любительских баскетбольных команд.

Другой причиной следует признать то, что термины-американизмы стали активно применять при освещении спортивных мероприятий. Так, по мнению Р. В. Попова, «эффект зарубежной новизны американизмов позволяет употреблять их в качестве прагматического средства воздействия на адресат речи»². В результате избыточное применение представителями спортивной прессы приёма «вставка красного словца» посредством применения англоязычных терминов (вопреки наличию аналогов в русском языке) усилило популяризацию американизмов.

Кроме того, Р. В. Попов связывает популяризацию американизмов с тем, что 90-е годы прошлого столетия характе-

¹ Терминология баскетбола. Электронный ресурс. URL: <https://russiabasket.ru/news/37726/izdana-terminologiya-basketbola> (дата обращения: 07.06.2024).

² Попов Р. В. Русская спортивная терминология (на материале баскетбольной терминосистемы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Северодвинск, 2003. 24 с. EDN: ZMSIRJ

ризовались пересмотром многих политических, социальных и культурных ценностей, изменением социального статуса спорта в нашей стране, признанием его профессиональным видом деятельности. Вызывает интерес и наблюдение автора о том, что термин 'трипл-дабл' хорошо отражает присутствующий в этническом стереотипе американцев культ индивидуализма, противоречащий исследуемым нами вопросам формирования коллективизма и развития межкультурного взаимодействия среди спортсменов¹.

Вместе с тем на основании всего нескольких цитат некоторые авторы утверждают, что «русскоязычные игроки быстро и органично воспринимают сокращенный терминологический жаргонизм "ник" (усеченная транслитерированная форма *ник* от *ник-н-ролл* (*pick-and-roll*)) [12]. Однако сокращённое 'ник' может обозначать два разных указания тренера, что приведёт к непониманию игроков, так как: 'ник-н-ролл' – движение игрока (который ставит заслон) под кольцо для атаки из-под кольца; 'ник-н-поп' – движение игрока (который ставит заслон) на среднюю дистанцию для атаки со средней.

Наряду с этим следует отметить олимпийскую победу сборной Советского Союза под руководством В. П. Кондрашина в 1972 году над родоначальниками баскетбола без пик-н-роллов, пин-н-попов и кост-ту-костов. 'Двойка', 'тройка', 'усы', 'нарашают', 'вертушка', 'дальнобойщик' и иные спортивные сленгизмы были более чем достаточны для передачи тренерской мысли литовцам, эстонцам, грузинам и представителям других национальностей. По всей видимости, тренеры видели успех команды не в обильном усвоении американизмов, а в творческом переосмыслении тактико-технических, психофизиологических и других достижений американского баскетбола.

В связи с этим для выявления степени разрушительности дальнейшей замены русских слов английскими аналогами и увеличения объёма переноса иноязычной спортивной терминологии в области баскетбола нами был проведён опрос 238 респондентов, представляющих следующие профессиональные сообщества: игроки, тренеры, судьи и другие представители

¹ Попов Р. В. Русская спортивная терминология (на материале баскетбольной терминосистемы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Северодвинск, 2003. 24 с. EDN ZMSIRJ

баскетбольного сообщества; специалисты в области физической культуры и спорта; специалисты в области русского языка.

Опрос проводился в удалённом формате посредством платформы Google Forms. Экспертам было предложено дать ответы на вопросы о целесообразности / нецелесообразности замены русскоязычных баскетбольных терминов и обозначений англоязычными заимствованиями. Результаты опроса представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты опроса о целесообразности замены русскоязычных баскетбольных терминов и обозначений англоязычными заимствованиями

Считаете ли Вы целесообразной дальнейшую замену в баскетбольном диалектизме	игроки, тренеры, судьи и другие представители баскетбольного сообщества		специалисты в области физической культуры и спорта		специалисты в области русского языка		итого	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1 «двойное ведение» на «двойной дриблинг»								
да	26	10,9	2	0,8	37	15,5	65	27,3
нет	79	33,2	18	7,6	52	21,8	149	62,6
затрудняюсь	7	3,0	1	0,4	16	6,7	24	10,1
2 «тренер команды» на «коуч команды»								
да	20	8,4	4	1,7	19	8,0	43	18,1
нет	89	37,4	15	6,3	81	34,0	185	77,7
затрудняюсь	3	1,3	2	0,8	5	2,1	10	4,2
3 «разыгрывающий» на «плеймейкер»								
да	35	14,7	8	3,4	44	18,5	87	36,6
нет	71	30,0	13	5,5	53	22,3	137	57,6
затрудняюсь	6	2,5	0	0,0	8	3,4	14	5,9
4 «сирена» (финальный свисток) на «баззер»								
да	31	12,6	4	1,7	18	7,6	53	22,3
нет	77	32,4	15	6,3	79	33,2	171	71,8
затрудняюсь	4	1,7	2	0,8	8	3,4	14	5,9
5 «аспано» (двойка) на «кик-и-ролл»								
да	55	23,1	5	2,1	23	9,7	83	34,9
нет	53	22,3	13	5,5	72	30,3	138	58,0
затрудняюсь	4	1,7	3	1,3	10	4,2	17	7,1
6 «прыжок с мячом» на «ап энд дуун»								
да	10	4,2	3	1,3	21	8,8	34	14,3
нет	100	42,1	18	7,6	78	32,8	196	82,4
затрудняюсь	2	0,8	0	0,0	6	2,5	8	3,4
7 «спорный мяч» на «джамп бол»								
да	15	6,3	3	1,3	28	11,8	46	19,3
нет	93	39,1	18	7,6	69	29,0	180	75,6
затрудняюсь	4	1,7	0	0,0	8	3,4	12	5,0
8 «команды на площадке» на «тими на корте»								
да	9	3,8	3	1,3	12	5,0	24	10,1
нет	101	42,5	18	7,6	89	37,4	208	87,4
затрудняюсь	2	0,8	0	0,0	4	1,7	6	2,5
9 «мяч в корзине» на «бол в баскете»								
да	3	1,3	2	0,8	10	4,2	15	6,3
нет	109	45,8	19	8,0	93	39,1	221	92,9
затрудняюсь	0	0,0	0	0,0	2	0,8	2	0,8
10 «крюк» (бросок крюком) на «сук шот»								
да	21	8,8	7	2,9	52	21,8	80	33,6
нет	84	35,3	13	5,5	48	20,2	145	60,9
затрудняюсь	7	3,0	1	0,4	5	2,1	13	5,5
ИТОГО								
да		9,41		1,3		11,1		22,3
нет		36,01		6,8		30,0		72,7
затрудняюсь	238	1,68	238	3,7	238	3,3	238	5,0

Данные, представленные в таблице, показывают, что 72,7% из 238 опрошенных поддерживают мнение о нецелесообразности дальнейшей замены в баскетбольном лексиконе русских терминов и понятий американизмами. При этом лишь 22,3% респондентов придерживаются обратного мнения. В результате соотношение не поддерживающих / поддерживающих дальнейший переход в русский язык иностранных слов составило 3,26 к 1.

Таблица 2

Результаты опроса о целесообразности замены русскоязычных баскетбольных терминов и обозначений англоязычными заимствованиями по возрастным категориям

№ вопроса	игроки, тренеры, судьи и другие представители баскетбольного сообщества										
	до 22 лет		от 23 до 30 лет		от 31 до 40 лет		более 40 лет		всего		
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	
1	да	7	6,3	13	11,6	1	0,9	5	4,5	26	23,2
	нет	27	24,1	13	11,6	18	16,1	21	18,8	79	70,5
	затрудняюсь	1	0,9	3	2,7	1	0,9	2	1,8	7	6,3
2	да	14	12,5	3	2,7	1	0,9	2	1,8	20	17,9
	нет	21	18,8	24	21,4	19	17,0	25	22,3	89	79,5
	затрудняюсь	0	0,0	2	1,8	0	0,0	1	0,9	3	2,7
3	да	16	14,3	12	10,7	2	1,8	5	4,5	35	31,3
	нет	16	14,3	16	14,3	17	15,2	22	19,6	71	63,4
	затрудняюсь	3	2,7	1	0,9	1	0,9	1	0,9	6	5,4
4	да	21	18,8	4	3,6	1	0,9	5	4,5	31	27,7
	нет	13	11,6	23	20,5	18	16,1	23	20,5	77	68,8
	затрудняюсь	1	0,9	2	1,8	1	0,9	0	0,0	4	3,6
5	да	25	22,3	11	9,8	9	8,0	10	8,9	55	49,1
	нет	9	8,0	18	16,1	9	8,0	17	15,2	53	47,3
	затрудняюсь	1	0,9	0	0,0	2	1,8	1	0,9	4	3,6
6	да	3	2,7	3	2,7	1	0,9	3	2,7	10	8,9
	нет	31	27,7	25	22,3	19	17,0	25	22,3	100	89,3
	затрудняюсь	1	0,9	1	0,9	0	0,0	0	0,0	2	1,8
7	да	9	8,0	3	2,7	0	0,0	3	2,7	15	13,4
	нет	24	21,4	25	22,3	19	17,0	25	22,3	93	83,0
	затрудняюсь	2	1,8	1	0,9	1	0,9	0,0	0,0	4	3,6
8	да	5	4,5	2	1,8	0	0,0	2	1,8	9	8,0
	нет	29	25,9	27	24,1	20	17,9	25	22,3	101	90,2
	затрудняюсь	1	0,9	0	0,0	0	0,0	1	0,9	2	1,8
9	да	1	0,9	0	0,0	0	0,0	2	1,8	3	2,7
	нет	34	30,4	29	25,9	20	17,9	26	23,2	109	97,3
	затрудняюсь	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
10	да	11	9,8	3	2,7	3	2,7	4	3,6	21	18,8
	нет	20	17,9	24	21,4	17	15,2	23	20,5	84	75,0
	затрудняюсь	4	3,6	2	1,8	0	0,0	1	0,9	7	6,3
ИТОГО											
	да	%	10	%	4,8	%	1,6	%	3,6	%	20,1
	нет	от	20	от	19,9	от	15,7	от	20,7	от	76,4
	затрудняюсь	112	1,2	112	1,1	112	0,5	112	0,6	112	3,5

Анализ этого же соотношения среди специалистов в области физической культуры и спорта (5,23 к 1) показал: данная категория специалистов наиболее консервативна в применении терминов и понятий. Распределение сторонников и противников замены русских терминов и понятий американизмами среди игроков, тренеров, судей и других представителей баскетбольного сообщества составило 3,83 к 1. При этом было зафиксировано, что из всех анализируемых категорий респондентов положительно настроенными к вхождению иностранных терминов и понятий в русский язык являются сами специалисты в области русского языка: соотношение среди них составило 2,7 к 1.

Следует отметить, что в рамках нашего дальнейшего анализа данные, полученные в результате опроса представителей баскетбольного сообщества, были дифференцированы по возрастным категориям: до 22 лет (студенческий возраст); от 23 до 30 лет; от 31 до 40 лет и более 40 лет. Ответы специалистов в области русского языка и специалистов в области физической культуры и спорта не были подвержены дифференциации по возрасту (табл. 2).

Анализ ответов игроков, тренеров, судей и других представителей баскетбольного сообщества, дифференцированных по возрастным категориям, показал, что соотношение не поддерживающих / поддерживающих дальнейший переход в русский язык иностранных слов в категории до 22 лет составило 2 к 1; в категории от 23 до 30 лет составило 4,2 к 1; в категории от 31 до 40 лет составило 9,8 к 1; в категории более 40 лет составило 5,7 к 1.

Результаты анализа свидетельствуют, что респонденты студенческого возраста наиболее склонны применять в своём баскетбольном лексиконе американизмы вместо русских терминов и понятий. Наибольшее число противников необоснованного использования иностранных слов, имеющих общепотребительные аналоги в русском языке, было установлено в возрастной категории от 31 до 40 лет. В категории более 40 лет было выявлено меньшая, чем в возрастной категории от 31 до 40 лет, доля респондентов, отторгающих принудительное насаждение иностранных слов в отечественное баскетбольное сообщество, однако она превысила аналогичную долю респондентов в категории от 23 до 30 лет.

Результаты опроса также показали, что такие термины, как ‘плеймейкер’, ‘пик-н-ролл’ и ‘хук шот’ респонденты готовы использовать чаще имеющихся русскоязычных аналогов. Меньшая готовность опрошенных была выявлена к замене русскоязычных терминов и понятий такими американизмами, как ‘коуч команды’, ‘ап энд даун’ и др.

Вместе с тем следует отметить, что результаты опроса во многом коррелируют с выводами наших более ранних исследований, в которых аргументируется значимость просветительской составляющей терминологии [4; 6]. В связи с этим при формировании «Национального словарного фонда»¹ представляется целесообразным отказ от безосновательного включения англоязычных терминов, имеющих аналоги в русском языке и ещё не являющихся столь распространенными, во избежание навязывания иной культуры посредством терминов и понятий [7; 18–19]. Поэтому, рассматривая существенное значение русского языка в развитии личности обучающихся через феномен русской культуры, мы придерживаемся мнения в том, что процесс усвоения русским языком слова, выражения или значения другого языка допускает проявление их семантических характеристик. Так, перенасыщение русского языка лексическими и словообразовательными заимствованиями из других языков не является интернационализацией, а приводит к пренебрежению нормами речевой культуры [3; 13; 16]. Соответственно, введение заимствований должно быть необходимым и достаточным [1; 4]. Практическая реализация такого решения может быть воплощена Российской баскетбольной федерацией в обновлениях официальных правил вида спорта баскетбол, в которых будет введён раздел, подобный ст. 2 Федерального закона № 329-ФЗ².

Обсуждение и выводы

Таким образом, исследование перспектив развития спортивной терминологии в области баскетбола позволило сформулировать следующие выводы:

¹ Цифровая платформа Национального словарного фонда будет запущена к концу 2025 года. Электронный ресурс. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/81204/?lang=ru> (дата обращения: 21.07.2024).

² Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе.

* чрезмерное насыщение сферы физической культуры и спорта всё новыми иноязычными лексическими единицами и избыток синонимичных понятий среди них порождает видимость формирования принципиально иных представлений и, как следствие, деятельной разработки теоретических положений;

* чрезмерное применение в сфере физической культуры и спорта заимствований, имеющих русскоязычные аналоги, способствует переносу фокуса с педагогического потенциала русской культуры на привитие обучающимся ценностей иной культуры;

* необоснованное включение в словари иноязычных лексических единиц и безосновательное применение их представителями СМИ ведёт к увеличению ретранслирующей функции в сфере физической культуры и спорта;

* терминоведение с социолингвистических позиций способно обеспечить выполнение принципов необходимости и достаточности применения новых иноязычных лексических единиц в сфере физической культуры и спорта [1];

* педагогический потенциал терминоведения состоит в реализации решения о том, что новые нормативные словари должны содержать перечень иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке;

* во избежание необоснованного перенасыщения русского языка лексическими и словообразовательными заимствованиями из других языков и пренебрежения нормами традиционных культурных ценностей России целесообразно при обновлении Российской баскетбольной федерацией официальных правил вида спорта баскетбол ввести раздел, подобный ст. 2 Федерального закона № 329-ФЗ¹.

Список литературы

1. Анисимова О. Б., Ярмолинец Л. Г. Лексическая составляющая английского социолокта командных видов спорта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 12. – С. 180–183. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.12.40. EDN: IREFTF

2. Антюфеева А. Р. Семантический способ образования терминов баскетбола в английском языке // Перспективные направления взаимодействия науки и общества как основа инновационного развития: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2020. – С. 59–62. EDN: YYDKVS

¹ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федер. закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ.

3. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2 (7). – С. 5–22. EDN: IQXRH
4. Булат Р. Е., Байчорова Х. С. Воспитательный потенциал терминоведения // Art Logos. – 2023. – № 4 (25). – С. 216–230. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_216. EDN: ORBHLV
5. Булат Р. Е., Байчорова Х. С. К вопросу применения терминов в системе образования // Развитие современного образования в контексте педагогической компетентологии. Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием. ЧГУ им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2023. – С. 19–26. DOI: 10.31483/r-105571. EDN: BLWUPP
6. Булат Р. Е., Байчорова Х. С. Правовые особенности терминов в образовании // Юрист ВУЗа. – 2023. – № 11. – С. 26–31. EDN: PBILWE
7. Волков В. В. Проблемы презентации «традиционных ценностей» в современной ситуации русского языка как иностранного // Язык. Культура. Образование. – 2023. – № 8. – С. 131–137. EDN: PCTNTK
8. Волков В. В. Филологическая экология: культура речи, языковая, речевая и лингвистическая среда // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2016. – № 1. – С. 103–113. EDN: WBOTTT
9. Волков В. В., Волкова Н. В., Гладилина И. В. Функциональная грамотность и лингводиактика: к герменевтике термина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2022. – № 1 (72). – С. 67–77. DOI: 10.26456/vtfilol/2022.1.067. EDN: KZUNZO
10. Герд А. С. Прикладное терминоведение в его отношении к терминоведению и прикладной лингвистике // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. – 2005. – № 7. – С. 1–6. EDN: WCNHNN
11. Егошина Н. Б. Английские заимствования в русском языке как способ пополнения словарного состава (на примере спортивной терминологии) // Новая наука: От идеи к результату. – 2016. – № 5–3 (84). – С. 101–106. EDN: VZGKRF
12. Заимствования американских баскетбольных терминов в русском спортивном дискурсе // С. В. Власенко, А. В. Егоров, О. А. Гученко, Н. Н. Титко // New world. New language. New thinking: Сборник материалов II ежегодной международной научной-практической конференции. Дипломатическая академия МИД РФ. – М., 2019. – С. 529–538. EDN: KSHTZX
13. Иванова С. В. Языковая картина мира как объект и инструмент анализа: что не так в учебнике? // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 4 (54). – С. 25–35. DOI: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-25-35. EDN: VYEWYB
14. Ильющенко Н. С., Шифрина С. А., Цолоева С. Б. Имплементация и способы перевода английских заимствований тематического поля «Спортивная терминология» в современном русском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 4. – С. 134–138. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.04.19. EDN: DANPBZ
15. Копнина Г. А., Еремина Е. В. Системность языка, экология коммуникации и гуманитарная составляющая образования: к 85-летию юбилею профессора А. П. Сквородникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2015. – № 1(25). – С. 21–29. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.1.2. EDN: RXPXFI
16. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. – 2-е изд., стереотип. – М.: Знак, 2009. – 231 с. EDN: PUDJBV
17. Лейчик В. М. О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 87–97.
18. Мальцева Т. В. Главное национальное богатство: как сохранить и как защитить? // Современное состояние русского языка и проблемы речевой культуры. Материалы круглого стола. – СПб., 2023. – С. 10–18. EDN: NENGCV
19. Мещерякова О. А. Реконструкция рефлексии носителя языка и культуры как задача лингвокультурологии // Язык. Человек. Культура: Сборник научных трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. – М.: Канцлер, 2022. – С. 113–119. EDN: BHIKLO
20. Мусина Г. Ф., Сатарова Л. Заимствования в спортивной терминологии русского языка // Русский лингвистический бюллетень. – 2023. – № 3 (39). DOI: 10.18454/RULB.2023.39.5. EDN: HCJZQB

21. Осман С. М., Осман М. М. Особенности употребления англоязычного спортивного сленга в средствах массовой коммуникации. Способы его перевода на русский язык // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 95-2. – С. 103-107. DOI: 10.18411/trnio-03-2023-86. EDN: FCAUEO.

22. Федюченко Л. Г. Определение понятия "термин" в рамках когнитивного терминоведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 3. – С. 29-36. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-29-36. EDN: QMBEPZ

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
33/33/34 %

Roman Bulat, Stanislav Titovets, Khafiza Baychorova

Prospects for the Development of Sports Terminology in the Field of Basketball

The authors of the study focus on the increase in the use of foreign words in the Russian language, specifically in relation to basketball terminology. They explore the reasons for this trend, which not only include the lack of replacement of English terms with Russian equivalents over time but also the growing volume of anglicisms that have become integrated into Russian basketball vocabulary. The study provides examples of different linguistic processes such as transcription, transliteration, and calcification, which contribute to the introduction of foreign meanings into the Russian language. It criticizes basketball terminology dictionaries that have not undergone proper scientific review. The study confirms the view that it is unnecessary to further replace Russian terms and concepts with anglicisms in the basketball dialect and argues for the Russian Basketball Federation to incorporate a section similar to Article 2 of the Federal Law "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation" in the official rules of the sport.

Key words: Russian language, loanwords, sports terminology, basketball, physical education and sport, transcription, transliteration, calcination.

For citation: Bulat, R. E., Titovets, S. V., Baychorova, Kh. S. (2024) Perspektivy razvitiya sportivnoy terminologii v oblasti basketbola [Prospects for the Development of Sports Terminology in the Field of Basketball]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 154–169. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_4_154. EDN: UTUNFT

References

1. Anisimova, O. B. Yarmolinets, L. G. (2023) Leksicheskaya sostavlyayushchaya anglijskogo sociolekta komandnykh vidov sporta [lexical component of the English sociolect of team sports]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki – Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series "Humanities"*. No. 12. Pp. 180–183. (In Russian). EDN: IREFTP

2. Antyufeeva, A. R. (2020) Semanticheskij sposob obrazovaniya terminov basketbola v anglijskom yazyke [Semantic way of formation of basketball terms in English language]. *Perspektivnye napravleniya vzaimodejstviya nauki i obshchestva kak osnova innovacionnogo razvitiya: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Perspective areas of interaction between science and society as a basis for innovative development: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference]. Ufa. Pp. 59–62. (In Russian). EDN: YYDKVS

3. Boldyrev, N. N. (2006) YAzykovye kategorii kak format znaniya [Linguistic categories as a format of knowledge]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. No. 2 (7). Pp. 5–22. (In Russian). EDN: IIQXRH

4. Bulat, R. E., Baychorova, Kh. S. (2023) Vospitatel'nyj potencial terminovedeniya [Educational potential of terminology]. *Art Logos – Art Logos*. No. 4 (25). Pp. 216–230. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_216. EDN: ORBHLV

5. Bulat, R. E., Baychorova, Kh. S. (2023) K voprosu primeniya terminov v sisteme obrazovaniya [On the issue of the use of terms in the education system]. *Razvitie sovremennoj obrazovaniya v kontekste pedagogicheskoy kompetencii: materialy III Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Development of modern education in the context of pedagogical competence: materials of the III All-Russian Scientific Conference with International participation]. Cheboksary: I. N. Ulyanov Chuvash State University. Pp. 19–26. (In Russian). DOI: 10.31483/r-105571. EDN: BLWUPP

6. Bulat, R. E., Baychorova, Kh. S. (2023) Pravovye osobennosti terminov v obrazovanii [Legal features of terms in education]. *YUrist VUZA – Lawyer of the University*. No. 11. Pp. 26–31. (In Russian). EDN: PBILWE

7. Volkov, V. V. (2023) Problemy prezentacii «tradicionnyh cennostej» v sovremennoj situacii russkogo yazyka kak inostrannogo [Problems of presentation of "traditional values" in the modern situation of Russian as a foreign language]. *YAzyk. Kul'tura. Obrazovanie – Language. Culture. Education*. No. 8. Pp. 131–137. (In Russian). EDN: PCTNTK

8. Volkov, V. V. (2016). Filologicheskaya ekologiya: kul'tura rechi, yazykovaya, rechevaya i lingvisticheskaya sreda [Philological ecology: speech culture, language, speech and linguistic environment]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya – Vestnik TvGU Series: Philology*. No. 1. Pp. 103–113. (In Russian). EDN: WBOTTT

9. Volkov, V. V., Volkova, N. V., Gladilina, I. V. (2022). Funkcional'naya gramotnost' i lingvodidaktika: k germenevtike termina [Functional literacy and Linguodidactics: towards the Hermeneutics of the term]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya – Vestnik TvGU Series: Philology*. No 1 (72). Pp. 67–77. (In Russian). DOI: 10.26456/vtfilol/2022.1.067. EDN: KZUNZO

10. Gerd, A. S. (2005). Prikladnoe terminovedenie v ego otnoshenii k terminovedeniyu i prikladnoj lingvistike [Applied terminology in its relation to terminology and applied linguistics]. *Nauchno-tehnicheskaya informaciya. Seriya 2: Informacionnye processy i sistemy – Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*. No. 7. Pp. 1–6. (In Russian). EDN: WCNHNN

11. Egozhina, N. B. (2016) Anglijskie zaimstvovaniya v russkom yazyke kak sposob popoleniya slovnogo sostava (na primere sportivnoj terminologii) [English borrowings in the Russian language as a way to replenish the vocabulary: on the example of sports terminology]. *Novaya nauka: Ot idei k rezul'tatu – New Science: From Idea to Result*. No. 5–3 (84). Pp. 101–106. (In Russian). EDN: VZGKRF

12. Vlasenko, S. V., Egorov, A. V. Guchenko, O. A., Titko N. N. (2019) Zaimstvovaniya amerikanskikh basketbol'nyh terminov v russkom sportivnom diskurse [Borrowings of American basketball terminology into Russian sports discourse]. *New world. New language. New thinking: Sbornik materialov II ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchnoj-prakticheskoy konferencii* [New world. New language. New thinking: Collection of materials of the II annual international scientific-practical conference]. Moscow: Diplomatic Academy of the MFA of the RF. Pp. 529–538. (In Russian). EDN: KSHTXZ

13. Ivanova, S. V. (2022). YAzykovaya kartina mira kak ob'ekt i instrument analiza: chto ne tak v učebnike? [Language worldview as an object and an instrument of analysis: what is wrong with the textbook?]. *Voprosy psiholingvistiki – Journal of psycholinguistics*. No. 4 (54). Pp. 25–35. (In Russian). DOI: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-25-35. EDN: VYEWYB

14. Ilyushchenko, N. S., Shifrina, S. A., Tsoloeva, S. B. (2024) Implementaciya i sposoby perevoda anglijskikh zaimstvovaniy tematicheskogo polya «sportivnaya terminologiya» v sovremennoe russkoe yazyke [Implementation and methods of translation of English borrowings of the thematic field "sports terminology" in the modern Russian language]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki – Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series "Humanities"*. No. 4. Pp. 134–138. (In Russian). DOI: 10.37882/2223-2982.2024.04.19. EDN: DAHPBZ

15. Koptina, G. A., Eremina, E. V. (2015) Sistemnost' yazyka, ekologiya kommunikacii i gumanitarnaya sostavlyayushchaya obrazovaniya: k 85-letnemu yubileyu professora A. P. Skovorodnikova [Language consistency, ecology of communication and humanitarian constituent of education: devoted to the 85th anniversary of Professor A. P. Skovorodnikov]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: YAzykoznanie – Science journal of Volgograd State University. Linguistics*. No. 1 (25). Pp. 21–29. (In Russian). DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.1.2. EDN: RPFHFI

16. Krongauz, M. A. (2009) *Russkij yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian on the verge of a nervous breakdown]. Moscow: Znak. (In Russian). EDN: PUDJĖV

17. Lejchik, V. M. (1986). O yazykovom substrate termina [About the linguistic substratum of the term]. *Voprosy yazykoznanija – Questions of linguistics*. No. 5. Pp. 87–97. (In Russian).

18. Mal'ceva, T. V. (2022) Glavnoe nacional'noe bogatstvo: kak sohranit' i kak zashchitit'? [Main national wealth: how to preserve and how to protect?]. *Sovremennoe sostoyanie russkogo yazyka i problemy rechevoj kul'tury. Materialy kruglogo stola* [Modern state of the Russian language and problems of speech culture. Materials of the roundtable]. St. Petersburg. Pp. 10–18. (In Russian). EDN: NENGCV

19. Meshcheryakova, O. A. (2022) Rekonstrukciya refleksii nositelya yazyka i kul'tury kak zadacha lingvokul'turologii [Reconstruction of native speaker's reflection and culture as a task of linguoculturology]. *YAzyk. CHElovek. Kul'tura: Sbornik nauchnyh trudov, posvyashchennyj yubileyu Marii Lvovny Kovshovoj* [Language. Human. Culture: Collection of scientific papers dedicated to the anniversary of Maria Lvovna Kovshova]. Moscow. Pp. 113–119. (In Russian). EDN: BHIKLO

20. Musina, G. F. Satarova, L. (2023) Zaimstvovaniya v sportivnoj terminologii russkogo yazyka [Borrowings in the sports terminology of the Russian language]. *Russkij lingvisticheskiy byulleten' – Russian Linguistic Bulletin*. No. 3 (39). (In Russian). DOI: 10.18454/RULB.2023.39.5. EDN: HCJZQB

21. Osman, S. M., Osman, M. M. (2023) Osobennosti upotrebleniya angloyazychnogo sportivnogo slenga v sredstvakh massovoj kommunikacii. Sposoby ego perevoda na russkij yazyk [Peculiarities of the use of English-language sports slang in mass communication media. Ways of its translation into Russian]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya – Trends in the development of science and education*. No. 95–2. Pp. 103–107. (In Russian). DOI: 10.18411/trnio-03–2023–86. EDN: FCAUEO

22. Fedyuchenko, L. G. (2019). Opredelenie ponyatiya "termin" v ramkah kognitivnogo terminovedeniya [Term definition for the purpose of cognitive terminology]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the MSRU. Series Linguistics*. No. 3. Pp. 29–36. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-29-36. EDN: QMBEPZ

Об авторах

Булат Роман Евгеньевич, профессор Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина доктор педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: bulatrem@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2652-6380

Титовец Станислав Викторович, доцент Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: larista@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-5656-0969

Байчорова Хафиза Срафилъевна, доцент Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: baj-hafizka@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1079-0419

About the Authors

Roman Bulat, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Doctor of Education (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: bulatrem@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2652-6380

Stanislav Titovets, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, PhD in Education (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: larista@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-5656-0969

Khafiza Baychorova, Associate Professor, Military Academy for Material and Technical Supply, PhD in Education (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: baj-hafizka@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1079-0419

дата получения: 17.08.2024 г.

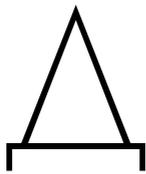
дата принятия: 30.09.2024 г.

дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 17 August 2024

date of acceptance: 30 September 2024

date of publication: 28 December 2024

ИСКУССТВА

Е. А. Цуканов

Делаем новости или творим пустые миры: журналисты как демиурги постмодернистского мультиверсума

В статье делается попытка глубже отразить проблему бесперспективности перехода отечественных массмедиа к функционированию с опорой на постмодернистские этические и эпистемологические принципы, исповедуемые западной журналистикой. Жесткая игровая установка современных СМИ, их мировоззренческий скепсис, склонность к релятивизму порождают сегодня в аудитории ложное ощущение подлинного творчества и даже своего рода космологической миссии, направленной якобы на конструирование новых миров через множественные интерпретации текущих процессов и событий. Автор полагает, что необходимо всемерно разоблачать сомнительную связь гносеологии и онтологии в данном вопросе, поскольку она приводит к рождению все новых и новых симулякров и имитаций деятельности средств массовой информации, подталкивая общество к регрессу.

Ключевые слова: медиа, мультивселенная, журналистика, деконструкция, бытие и ничто, истина, релятивизм, игра, интерпретация, регресс.

Для цитирования: Цуканов Е. А. Делаем новости или творим пустые миры: журналисты как демиурги постмодернистского мультиверсума // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 172–183. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_172. EDN: XUOBNM

Один чрезвычайно культовый французский постмодернистский философ, без всякого намека на провокацию, утверждал, что книга, предложение, слово – эти вещи сами по себе составляют антиматерию мира и могут заменить целую вселенную [21, с. 12]. И он в этом мнении не одинок: еще Гегель утверждал, что «чтение утренних газет современному человеку заменяет молитву» [5, с. 537], а современный философ Ж. Бодрийяр высказался о СМИ еще определеннее: «О медиа следует думать лучше так, будто они находятся на внешней орбите и являются чем-то вро-

де генетического кода, который управляет мутацией реального в гиперреальное» [3, с. 48].

Согласившись в целом с подобной постановкой проблемы, следовало бы, наверное, сделать небольшое дополнение – целую вселенную сегодня уже с успехом заменяют средства массовой информации. Внимательному наблюдателю становится все более очевидно, что именно совокупными усилиями современных медиа разгоняется дискурс о мультивселенной, – тех медиа, которые под прессингом третьей волны [17] вынуждены были переакцентироваться с хрестоматийной «охоты» за новостями на деятельность по их утонченной, перманентно-рекурсивной интерпретации, фактически не имеющей (прогноз Умберто Эко)¹ пределов, а, следовательно, направленной в беспредельное. Добавим также, что у современных СМИ постепенно сформировалась новая онтологическая амбиция: вместо качественного выполнения своей базовой функции осуществления помощи в постижении действительности – такой, какая она есть, медиа переключились на функцию конструирования действительности во всем разнообразии утопических вариантов. Еще раз: средства массовой информации теперь не пытаются познавать действительность, но стремятся ее на свой лад созидать. И лозунг «Не познавать, а конструировать!» имеет, на наш взгляд, право сегодня быть вывешенным на входе многих редакций медиакорпораций.

Материалы и методы

Материалом статьи являются тексты современных СМИ о важнейших мировых событиях, объектом исследования – способы интерпретации событий реальности современными медиа, новые функции СМИ и новые деструктивные стратегии работы с информацией, основанные на постулатах постмодернистских философских систем и теории мультивселенной, перенесенной на медийную почву. При исследовании медийных текстов применен критический анализ инструментов создания медиаконтента современными СМИ, выполняющими манипулятивную функцию. Методология анализа базируется на историко-генетическом и герменевтическом подходах к материалу.

¹ Носачев П. Г. Пределы интерпретации текста как ключевая проблема концепции Умберто Эко: дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. 214 с.

Результаты

Мультивселенная – понятие, рожденное в области передовой физики, означающее многомировую структуру континуума жизни, неким парадоксальным образом коррелирующую с когнитивными способностями сознающего субъекта, мозг которого является скорее инструментом сознания, чем его генератором. Данная концепция была впервые представлена в 1957 году американским специалистом в области квантовой механики Хью Эвереттом. Вот, что из себя представляет логика квантовой механики, согласно толкованию М. Б. Менского: «Она ведет к таким выводам, в которые трудно поверить, но которые трудно игнорировать. Самый важный из этих выводов состоит в том, что квантовый мир, с его «квантовой реальностью», может быть адекватно представлен как набор многих классических миров, параллельных миров. Эти классические миры – фактически различные "проекции" единственного объективно существующего квантового мира. Они отличаются друг от друга некоторыми деталями, но все они – образы одного и того же квантового мира. Эти параллельные классические миры сосуществуют, и мы все (и каждый из нас) параллельно живем во всех этих мирах» [11, с. 26–27]. Данное объяснение хорошо вписывается в кантовскую эвристическую модель, согласно которой «возможны лишь два случая, при которых синтетическое представление и его предметы могут сообразоваться, необходимым образом относиться друг к другу и как бы встречаться друг с другом: если предмет делает возможным представление или если представление делает возможным предмет» [8, с. 92–93]. При этом интересно, что сам Кант, видимо, больше склонялся ко второй возможности, что делает его в высокой степени поборником не объективного, а, наоборот, субъективного идеализма, в духе берклианского солипсизма [1].

Однако стоит констатировать, что повальное увлечение журнализмом в условиях информационного общества лишило мультивселенную статуса естественнонаучной абстракции: теперь это не где-то там, в необъятных космических далах, это не про теорию относительности или квантовую механику с астрономией, не про теорию Большого взрыва, это, прежде всего, про медиaprостранство и про неограниченные возможности современных медийщиков генерировать бесконечное ко-

личество беспорядочных версий в отношении любого события, попавшего в повестку дня (agenda setting). Приведем репрезентативные примеры. На пике эпидемии коронавируса ощущался серьёзный переизбыток версий происхождения, а также целей распространения опасной инфекции, транслируемых по каналам отечественных и иностранных СМИ: вирус возник сам по себе и перекинулся на людей напрямую от летучих мышей или через промежуточного хозяина; его сконструировали ученые, а затем произошла лабораторная утечка; не исключено, что вирус нашли у животных, а уже потом из-за оплошности в лаборатории им заразились люди; это было сделано с целью замедления мировой экономики и борьбы с кризисом перепроизводства; с целью заработать на вакцинах, службах доставки, программном обеспечении для удаленной работы и т. п.; с целью борьбы с конкурентами (создали в США, а потом завезли в Китай, чтобы наложить на Китай санкции) и обложить много-миллиардными штрафами; как альтернатива – создали в Китае (лаборатория в Ухане), а потом завезли в США, чтобы продавить дополнительный экспорт собственных товаров, то есть шантаж гегемона; разработан в России, чтобы якобы столкнуть лбами конкурентов в лице Китая и США; для реализации стратегии «золотого миллиарда» («рептилоидная» версия: во всем виноват Билл Гейтс, на которого работал известный жулик-иммунолог и инфекционист Э. Фаучи); для продвижения технологий 5G (наночастицы в вакцинах); самая экстравагантная версия: нет никакого коронавируса, нас просто обманывают правительства, чтобы как-то объяснить надвигающийся мировой экономический кризис. Как видим, разрослась целая мультивселенная трактовок SARS-CoV-2, что стало причиной повальной ковидной истерии, убившей, наверное, больше людей, чем сама болезнь. Псевдоаналитическая манера работы журналистов с новостями в эпоху пандемии напоминала попытку расщепления волоска на все более мелкие составляющие. Потребителю же новостного контента по заветам квантовой механики не оставалось ничего иного, как самому определиться, в каком из предлагаемых медиаверсий-миров ему уютней будет устроиться, чтобы продолжить брэнное существование.

Необходимо отметить, что в современном постмодернистском медиамультиверсуме объективная истина открыто отвер-

гается, но взамен этого постулируется игра как произвольное обращение с фактами и верх эстетства, всеобщий плюрализм, насмешливость [15, с. 334]. Консервативный ум знает, что истина есть соответствие мысли и слова реальности. Современная же медиадетельность протекает в принципиально релятивистском ключе: внутри постмодернистской матрицы истинно то, что соответствует моим интересам в текущем моменте, а значит истина растяжима до бесконечности, гибка и призвана обслуживать чьи-то потребности в развлечениях.

Приведем еще один пример функционирования описываемого метода тотальной редупликации смыслов в рамках освещаемой средствами массовой информации темы. Эммануэль Макрон, являясь известной публичной персоной, не так давно разразился целым каскадом резонансных медиазаявлений: Франция обязательно направит военные контингенты в помощь Украине; через день – Франция уже не собирается отправлять солдат на войну с Россией; то вдруг Франция только лишь увеличит объемы поставок военной техники на Украину; а то лишь ограничится денежными траншами, а Путина попытается усадить за стол переговоров. С одной стороны, это похоже на затейливую цирковую эквилибристику с элементами китча, увлекательного пиар-жонглирования, но с другой стороны, это создает иллюзию мировоззренческого многомирия, в рамках которого структура события растягивается в прах, обращаясь в конечном итоге в ничто, оставляя реципиента в состоянии недоумения и неопределенности, аналогичной ступору кота Шредингера, угодившего в сети Суперпозиции [20].

Третий пример, иллюстрирующий проблему головокружительного распада медийного дискурса за счет отказа от единой трактовки действительности, – целый клубок противоречивых интерпретаций вторжения ВСУ в Курскую область в августе 2024 г.: чтобы-де получить более выгодные переговорные позиции с Россией при заключении мирного договора на условиях Украины; для принуждения России к окончанию СВО; для провоцирования роста протестных настроений в России; с целью получения доказательств полезности Украины для Запада и отправки очередных порций помощи; конспирологическая версия: кто-то среди украинского генералитета (Сырский) подыграл таким образом России, чтобы отвлечь

большое количество войск ВСУ с Донбасса, на котором идет главное наше наступление; чтобы, наоборот, предотвратить наступление ВС Российской Федерации на Сумщину и Черниговщину, нанеся превентивный удар; чтобы продлить военное положение на Украине в интересах просроченного президента Зеленского; забавная версия: для знакомства с «Пятерочкой»; бредовая: Россия намеренно якобы впустила ВСУ на свою территорию, чтобы упростить задачу нашей армии перемалывания вражеских контингентов – дома, типа, и стены помогают. Похоже, что буйство журналистского воображения фонтанирует здесь в русле методологии деконструкции Ж. Дерриды [6], представляющей собой множество бессодержательных отсылок к языку при отсутствии знаний, убеждений или аргументации. Как справедливо заметил Стивен Хикс, язык при деконструкции выступает лишь как риторический прием, лишенный когнитивного начала [19, р. 233]. Он же предлагает рассматривать деконструкцию как опасную образовательную стратегию, глубоко внедренную сегодня в когнитивные практики, ложно научающую ее приверженцев видеть мир как весьма шаткую конструкцию, лишенную эпистемологических оснований [19, р. 246]. На самом же деле этот познавательно-коммуникативный прием следовало бы рассмотреть как типичную квазиинтеллектуальную спекуляцию, рассчитанную на интерес в среде душевнобольных людей, страдающих шизофреническими расстройствами (дословно с греч. σχιζω – раскол и φρήν – ум) [2]. Нас беззастенчиво забавляют фактажом через раскол сознания, играя с нами, в лексике Н. Постмана, – до самой смерти [22]. Есть в деконструкции, кстати, и политическое начало: С. Хикс говорит о преднамеренном использовании политическими игроками противоположных дискурсов [19, р. 242], а Г. Почепцов о подаче противоречивых сигналов в инфополе ради сбивания аудитории с толку¹ как новых модификациях старого «доброе» римского принципа управления *Divide et Impera*. Закономерно, что чем больше складывается таких обособленных друг от друга интерпретационных вселенных, тем более раздробленным становится общество, и тем легче им в итоге управлять.

¹ Носачев П. Г. Пределы интерпретации текста как ключевая проблема концепции Умберто Эко: дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. С. 145.

В то же время не стоит думать, что деятельность СМИ, взятая в контексте теории мультивселенной, замыкается исключительно на манипулятивной составляющей. Повторимся, что опосредованно разбираемый здесь сюжет имеет выход и на онтологию. Ставшая ныне популярной в журналистском сообществе фраза-мотиватор «Мы делаем новости» [4] означает нечто большее, чем банальный эвент экшн. За нею может скрываться претензия на производство миров (когда представление, особенно усиленное совокупной мощью медиа, делает возможным предмет, а не наоборот) и координацию хода истории! Сбивчивый медийный шквал объяснений происходящего в реальности, неконтролируемые вербальные интервенции СМИ есть в каком-то смысле попытка программирования массового сознания на нормальность хаоса и неопределенности в окружающем нас недобытии. И тогда резонен вопрос: нет ли на самом деле во всем этом демургического стремления встать на один уровень с Творцом, может быть даже вместо Творца или выше Него? Абсурдом и богоборчеством отдает идея о том, что существует лишь то, что подсвечено в новостях. Тем самым подтверждается правда руководителя Анненбергской школы коммуникативистики Дж. Гербнера [7, с. 197], предложившего метафору журнализма как нового духовенства: в общественном сознании прочно закрепляется установка, что сильной молитвой медийщиков (программы, отдельные месседжи etc.) сегодня уже можно и горы с места на место переставлять, и гибнущих со дна моря доставать! Словом, как в сказке: что на газетных страницах и в телеэфирах загадывается, то в жизни потом исполняется. Там – аукивается, здесь – откликается.

В описываемой системе координат журналистский медиадискурс выступает одновременно и в роли паноптикума – идеальной тюрьмы, все камеры которой обращены внутрь ее территории (схема Бентама [10, с. 38–49]), и в роли платоновской пещеры [13, с. 239], в которой некие таинственные сущности забаррикадировали выход в пространство подлинности, разыгрывая представление-симулякр в фиктивном театре теней, и в роли поглощающего экрана Станислава Лема, отчуждающего человека от него самого чарами медийных сумерек [9, с. 570–574]. Россыпь медиасобытий превращается

в дополнительный человеческий экзистенциал [18], застревая в котором, навсегда теряешь возможность встречи с теми, кто обитает по соседству, что хорошо показано в киноленте Кшиштофа Кисльевского «Три цвета: Синий. Белый. Красный». В заключительной части картины только трагедия позволила пересечься двум молодым людям, прожившим всю жизнь неподалеку друг от друга синхронно, как в параллельных мирах.

Обсуждение и выводы

В заключение необходимо сделать кое-какие обобщающие выводы. Нам представляется бесспорным, что средства массовой информации с течением времени претерпевают кардинальные изменения своей первоначальной природы. Существенные трансформации происходят, прежде всего, на уровне понимания профессиональным сообществом медиарботников собственной миссии, которая в прошлом стандартно заключалась в максимально объективном и достоверном отражении фактов реальности. Адаптация же медиа к постмодернистским канонам творчества заставила их сменить мировоззренческую оптику и апробировать невероятные ранее стратегии работы с информацией. На наш взгляд, данные стратегии по стилю имеют много общего с гностическими коммуникативными и вероучительными практиками, имевшими хождение в древности. Гностицизм как направление деструктивной мысли, возникшей в первые века новой эры и столетиями сопровождавшей человечество, в частности, предлагает рассматривать базовую реальность как несовершенную, неказистую и простоватую, в связи с чем обреченную на слом и ликвидацию [16, с. 269]. Данный слом, как мы показали в работе, ведется сегодня медийщиками под философским прикрытием квантовой механики и теории мультивселенной. Готовые до бесконечности трактовать текущие события журналисты, тем самым, как бы участвуют в виртуальном медиакосмогоническом процессе, обильно создавая множественные нерелевантные друг другу миры, получая нелегитимный опыт демиургической деятельности. Требуется сказать, что значительный рост «идеального коммуникативного сообщества интерпретаторов» (концепт, предложенный К.-О. Апелем [12, с. 38]) из числа журналистов

и блогеров представляет серьезную угрозу раскола массового сознания, и, соответственно, обрушения единого – адекватного – взгляда на мир, что чревато потерей социальной стабильности. К сожалению, объективная картина обыденной и монотонной жизни Реальности № 1 все чаще заслоняется пустыми по своей сути, но яркими и броскими понятиями с модной соединительной формой, обозначающей множественность: мультикультурализм, мультимиллиардер, мультипликатор банковский, мультикары, мультиварки, мультивселенная. Данный актуальный момент журналистам нельзя упускать из виду, чтобы не превратиться в армию лудоманов-дезертиров, предающих в креативном азарте за бесценнок подлинное Бытие.

Список литературы

1. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания и другие сочинения. – М.: Академический проект, 2020. – 554 с.
2. Блейлер Э. Психические расстройства. Шизофрения, депрессия, аффективность, внушение, паранойя. – М.: Родина, 2022. – 256 с.
3. Бодрийяр Ж. Процессия симулякров // Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. [Пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Постум, 2015. – С. 5–61.
4. Васильева Л. А. Делаем новости! Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 190 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. В 2 т. – М.: Мысль, 1970. – Т. 2. – 630 с.
6. Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. Différance. – Томск: Водолей, 1999. – 160 с.
7. Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации: англо-русский толковый словарь концепций и терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 416 с.
8. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Академический проект, 2020. – 567 с.
9. Лем Станислав. Сумма технологии. – М.: АСТ, 2021. – 800 с.
10. Луковенков С. Г. Паноптикон братьев Бентам: мифическое чудовище или полезный проект? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2021. – № 2. – С. 38–49.
11. Менский М. Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности). – Фрязино: Век 2, 2011. – 320 с.
12. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.
13. Платон. Государство. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с.
14. Почепцов Г. Г. Пропаганда и контрпропаганда. – М.: Центр, 2004. – 256 с.
15. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 2003. – 608 с.

16. Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. – М.: Политиздат, 1987. – 336 с.
17. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
18. Хайдеггер М. Событие. – СПб. – Алетея, 2023. – 336 с.
19. Хикс Стивен. Объясняя постмодернизм. – М.: РИПОЛ классик, 2021. – 320 с.
20. Шреддингер Эрвин. Квантовый кот вселенной. – М.: Алгоритм, 2017. – 224 с.
21. Foucault Michel. Foucault Live (Interviews, 1961–1984). Edited by Sylvère Lotringer. Translated by Lysa Hochroth and John Johnston. – New York: Semiotext(e), 1989. – 336 p.
22. Postman Neil. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. – New York: Viking Penguin Inc., 1985. – 208 p.

Evgeny Tsukanov

Making News or Creating Empty Worlds: Journalists as Demiurges of Postmodern Multiversum

The article attempts to reflect more deeply on the problem of the futility of the transition of domestic mass media to functioning based on postmodernist ethical and epistemological principles professed by Western journalism. The rigid game-like attitude of modern media, their ideological skepticism, and tendency toward relativism today generate in the audience a false sense of genuine creativity and even a kind of cosmological mission aimed at allegedly constructing new worlds through multiple interpretations of current processes and events. The author believes that it is necessary to fully expose the dubious connection between epistemology and ontology in this issue, since it leads to the birth of more and more new simulacra and imitations of the activities of the media, pushing society toward regression.

Key words: media, multiverse, journalism, deconstruction, being and nothingness, truth, relativism, game, interpretation, regression.

For citation: Tsukanov, A. E. (2024) Delaem novosti ili tvorim pustye miry: zhurnalisty kak demiurgi postmodernistskogo multiversuma [Making News or Creating Empty Worlds: Journalists as Demiurges of Postmodern Multiversum]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 172–183. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_4_172. EDN: XUOBNM

References

1. Berkli, Dzh. (2020) *Traktat o principah chelovecheskogo znaniya i drugie sochineniya* [Treatise on the Principles of Human Knowledge and Other Works]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ. (In Russian).
2. Blejler, E. (2022) *Psihicheskie rasstrojstva. SHizofreniya, depressiya, affektivnost', vmushenie, paranojya* [Mental Disorders. Schizophrenia, Depression, Affectivity, Suggestion, Paranoia]. Moscow: Rodina Publ. (In Russian).
3. Bodrijar, ZH. (2015) *Processiya simulyakrov* [The Procession of Simulacra] Bodrijar ZH. *Simulyakry i simuljacyi*. Per. s fr. A. Kachalova [Baudrillard J. Simulacra

and Simulations]. Translated from French by A. Kachalov. Moscow: Postum Publ. Pp. 5–61. (In Russian).

4. Vasil'eva, L. A. (2003) *Delaem novosti! Uchebnoe posobie* [Making News! Study Guide]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian).

5. Gegel, G. V. F. (1970) *Raboty raznyh let. V 2 t.* [Works of Different Years. In 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian).

6. Gurko, E. (1999) *Teksty dekonstrukcii. Derrida ZH. Différance* [Deconstruction Texts. Derrida J. Différance]. Tomsk: Vodolej Publ. (In Russian).

7. Zemlyanova, L. M. (2004) *Kommunikativistika i sredstva informacii: Anglorusskij tolkovyj slovar' koncepcij i terminov* [Communication Studies and the Media: English-Russian Explanatory Dictionary of Concepts and Terms]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian).

8. Kant, I. (2020) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ. (In Russian).

9. Lem, S. (2021) *Summa tekhnologii* [Sum of Technology]. Moscow: Izdatel'stvo AST Publ. (In Russian).

10. Lukovenkov, S. G. (2021) *Panoptikon brat'ev Bentam: mificheskoe chudovishche ili poleznyj proekt?* [The Bentham Brothers Panopticon: A Mythical Monster or a Useful Project?]. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie» – Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Philosophy. Sociology. Art Criticism"*. No. 2. Pp. 38–49. (In Russian).

11. Menskij, M. B. (2011) *Soznanie i kvantovaya mekhanika: ZHizn' v paralel'nyh mirah (CHudesa soznaniya – iz kvantovoj real'nosti)* [Consciousness and Quantum Mechanics: Life in Parallel Worlds (Miracles of Consciousness – from Quantum Reality)]. Fryazino: Vek 2 Publ. (In Russian).

12. Nazarchuk, A. V. (2009) *Teoriya kommunikacii v sovremennoj filosofii* [Theory of Communication in Modern Philosophy]. Moscow: Progress-Tradiciya, (In Russian).

13. Platon (2015) *Gosudarstvo* [State]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ. (In Russian).

14. Pochepcov, G. G. (2004) *Propaganda i kontrpropaganda* [Propaganda and Counter-Propaganda]. Moscow: Centr Publ. (In Russian).

15. Rudnev, V. P. (2003) *Enciklopedicheskij slovar' kul'tury XX veka: Klyuchevye ponyatiya i teksty* [Encyclopedic Dictionary of Twentieth Century Culture: Key Concepts and Texts]. Moscow: Agraf Publ. (In Russian).

16. Svencickaya, I. S. (1987) *Rannee hristianstvo: stranicy istorii* [Early Christianity: Pages of History]. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian).

17. Toffler, E. (1999) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST Publ. (In Russian).

18. Hajdegger, M. (2023) *Sobytie* [Event]. St. Petersburg. Aletejya Publ. (In Russian).

19. Hiks, Stiven (2021) *Ob'yasnyaya postmodernism* [Explaining Postmodernism]. Moscow: RIPOL klassik Publ. (In Russian).

20. SHredinger, Ervin (2017) *Kvantovyj kot vselennoj* [Quantum cat of the universe]. Moscow: Algoritm Publ. (In Russian).

21. Foucault, M. (1989) *Foucault Live (Interviews, 1961–1984)*. Edited by Sylvère Lotringer. Translated by Lysa Hochroth and John Johnston. New York: Semiotext(e).

22. Postman, N. (1985) *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business*. New York: Viking Penguin Inc.

Об авторе

Цуканов Евгений Александрович, доцент Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна кандидат филологических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: tsukanov_1975@inbox.ru; ORCID ID: 0009-0002-5743-3707

About the Author

Evgeny Tsukanov, Associate Professor, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Higher School of Printing and Media Technologies, PhD in Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: tsukanov_1975@inbox.ru; ORCID ID: 0009-0002-5743-3707

дата получения: 25.10.2024 г.
дата принятия: 30.11.2024 г.
дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 25 October 2024
date of acceptance: 30 November 2024
date of publication: 28 December 2024

ОБЗОРЫ
И РЕЦЕНЗИИ

О. Б. Абакумова, А. Д. Бакина

VIII Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение» (Орел, 10–11 октября 2024 г.)

В статье обсуждаются итоги пленарного заседания и мастер-классов VIII Международной конференции «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение», ежегодно организуемой в стенах Орловского государственного университета в Институте иностранных языков на кафедре английской филологии. В качестве участников международной конференции выступили российские и зарубежные лингвисты (Россия, Белоруссия, Испания, Украина, Чехия, Бенин), предложившие к обсуждению результаты своих новейших актуальных исследований в рамках современной лингвистики, а именно в области языковой семиотики, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, теории текста и дискурса, фразеологии, паремиологии, стилистики, гендерной и социолингвистики и пр. Конференция давно уже стала особой платформой, помогающей устанавливать и поддерживать имеющиеся научные контакты, осуществлять обмен мнениями лингвистов из разных высших образовательных учреждений и представителей разных наций и культур, мотивировать молодое поколение ученых к повышению своего профессионального уровня.

Ключевые слова: языковая семиотика, поликодовость этноязыка, фразеология и паремиология, интегративный подход, трансформации и смена языкового статуса, значение и смысл, переводческие трансформации, лингвокультурология, гендер, топонимия, меронимия, текст и дискурс, культурно-языковой ландшафт, межкультурное и межпоколенное взаимодействие.

Для цитирования: Абакумова О. Б., Бакина А. Д. VIII Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение» (Орел, 10–11 октября 2024 г.) // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 186–196. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_186. EDN: XZXFVL

10–11 октября 2024 года в Орловском государственном университете имени И. С. Тургенева на базе Института иностранных языков состоялось очередное научное мероприятие, VIII Международная научно-практическая конференция «ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ: ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ».

Пленарное заседание научно-практической конференции открылось приветствиями директора департамента по международным связям, профессора Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева Светланы Анатольевны Ароновой, директора института иностранных языков Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева Максима Валерьевича Якушева, заведующего кафедрой английской филологии Анны Дмитриевны Бакиной.

Выступления гостей начались с доклада доктора филологических наук профессора Самарского социально-педагогического университета Владимира Михайловича Савицкого, который поделился со слушателями своими идеями на тему «Первичный код и вторичные коды этноязыка». В докладе рассматривались модели порождения словосочетаний, существующие на первом и втором уровнях ономаσιологической системы языка. Показывается, что на первом и втором ономаσιологических уровнях словосочетания порождаются с помощью первичного и вторичного кодов соответственно. Демонстрируется этноспецифика моделей второго уровня. В докладке содержались примеры из английского и ряда других индоевропейских языков. На первом ономаσιологическом уровне осуществляется первичная, а на втором – вторичная номинация. На втором ономаσιологическом уровне существуют не столько строгие значения, сколько «правила содержательного варьирования». Иными словами, вторичные (фигуральные) значения единиц языка в целом более размыты и вариативны, чем первичные (буквальные). Этническое своеобразие их структуры говорит о своеобразии моделей, по которым они созданы. Следовательно, каждый этноязык располагает совокупностью своих собственных этноспецифичных порождающих моделей.

В докладе профессора Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина доктора филологических наук Владимира Ильича Карасика «Отклонение от аналогии как принцип языковой семиотики» рассматривается отклонение от аналогии как один из принципов знаковой организации общения. В семиотическом плане аналогия и аномалия образуют бинарное единство, при этом аналогия осмысливается как рациональное освоение реальности, а анома-

лия – как выход за рамки рациональности. Аномалия на фоне аналогии воспринимается как рематическое выдвигание важной информации. Обсуждаются различные типы лингво-семиотических аномалий, в ряду которых можно выделить значимые отклонения в сферах морфологии, лексической семантики и речевых жанров. Отклонения в морфологии применительно к супплетивным формам возникают вследствие важных категориальных значений соответствующих словоформ. Отклонения в лексической семантике особенно значимы в индивидуально-авторской речи как знаки привлечения внимания адресатов к содержанию высказываний. В стилистике особенной значимостью обладают авторские метафоры и катахрезы. Отклонения в дискурсивной организации речи значимы в тех типах дискурса и речевых жанрах этих дискурсивных образований, которые нарушают логику стандартного общения, переводя его в транс.

Доклад ведущего научного сотрудника Института языкознания Российской академии наук доктора филологических наук, доцента Ирины Владимировны Зыковой был посвящен вопросам *теории фразеологии в начале XX века: о факторах влияния и направлениях развития*. Автором был сделан экскурс в историю вопроса, начиная с работ В. В. Виноградова и Ш. Балли. Был отмечен вклад в становление дисциплины советских писателей, поэтов, влияние авангарда и футуризма, так же, как и собирателей и исследователей фольклорных текстов Даля, Максимова, Михельсона, Срезневского и других. В ходе исследования более 70 текстов программно-теоретического характера было установлено, что для создания языка будущего релевантна установка на идиоматизацию. В период после 1920 г. впервые в докладе Аничкова обосновывается необходимость выделения идиоматики как новой лингвистической дисциплины, а Г. О. Винокур вводит в научный оборот понятие «революционная фразеология».

Профессор МГУ имени М. В. Ломоносова Андрей Эдуардович Левицкий выступил с докладом «*Возможный мир и мир возможного: перспективы лингвистического анализа*». Автором были представлены результаты эксперимента, в котором приняли участие студенты языковых факультетов Московского государственного университета. Цель

эксперимента состояла в выявлении сходных и различных мнений респондентов-студентов и точки зрения искусственного интеллекта (платформы ИИ Chat GPT) на ряд предложенных вопросов, касающихся мира «реального / нереального / ирреального» и «возможного».

Главный научный сотрудник ИЯз РАН доктор филологических наук Мария Львовна Ковшова познакомила коллег со своим видением проблемы фразеологической деривации как системно-языкового и дискурсивного явления. Автор понимает ФД как один из видов трансформации фразеологизмов, редукцию, превращающую фразеологизм в одно отфразеологическое слово. Исследователь приходит к следующим выводам. Условия обычной интернет-коммуникации (некодируемость, полимодальность и др.), активные процессы в молодежном сленге и сетевых жаргонах влияют на структуру языка и его фразеологию, способствуют изменению фразеологизмов, их формальной и смысловой редукции, их жаргонизации, «смены» вербальности на полимодальность, полной или частичной девербализации и «кентавризации» (авторский термин). Фразеологическая деривация усиливается благодаря Интернет. ФД не находит отражения в фразеологических словарях, а также в корпусных базах данных. Интернет-коммуникация представляет собой простор возможностей трансформации, разных морфологических и синтаксических типов фразеологизмов, их способности «сворачиваться» в слово или переходить в невербальный знак, не теряя связи с исходным фразеологизмом.

Заведующий кафедрой английского языка для факультетов естественных наук профессор МГУ Лидия Валериановна Полубиченко рассказала слушателям о научной концепции лингвистической школы МГУ, касающейся эволюции фразеологии от цитаты к идиоме и терминологизму на материале англоязычного медиадискурса. Автор ставит серьезный вопрос, на который ищет ответ в своем исследовании: что остается в коллективной памяти народа и в индивидуальной памяти носителя языка в качестве инварианта цитаты, а что поддается варьированию. На материале цитат из произведений Дж. Осборна и Р. Киплинга исследователь показывает динамику их языкового статуса через функционирование этих

единиц в средствах СМИ, отражающую процесс пополнения языка идиоматическими выражениями и терминологизмами.

Доклад доктора искусствоведения, члена-корреспондента Академии художеств Украины ИИФЭ НАНУ Игоря Николаевича Юдкина-Рипуна был посвящен *многозначности меронимии как источника многомерности повествования в русской прозе середины XX в.* Меронимы, обозначения частей оказываются наиболее пригодными для превращения в узлы повествовательных линий. Предпосылкой этому являются семантические переходы «предмет – признак» в ряду синекдох и метонимий, где отсутствие обобщений у абстракции изоляции открывает возможности различной мотивировки событий. Абстракция изоляции открывает путь художественного исследования таких возможностей обособленных предметов как представителей мира в целом. Меронимы открывают окно в мир возможностей, скрываемых в частных подробностях, и потому становятся средством создания многомерной, стереоскопической картины мира.

Профессор кафедры иностранных языков в сфере физико-математических и химических наук Санкт-Петербургского государственного университета доктор филологических наук Алексей Генриевич Минченков выступил с докладом *«К вопросу о значении в процессе перевода»*. В докладе в рамках когнитивно-эвристического и холистического подходов на материале англоязычных переводов пьесы А. Н. Островского анализируются и уточняются понятия значения и смысла, их природа и преобразования в переводческом процессе. С учетом природы смысла определяется понятие переводимости. На взгляд петербургского исследователя, обозначение слов текста перевода как вариантов, а не эквивалентов гораздо лучше отражает суть происходящего. Если говорить о двуязычных словарях, то автору представляется, что те слова языка перевода, которые мы там находим, также не являются ни эквивалентами, ни значениями, их следует считать возможными контекстуальными вариантами перевода на определенный язык. В соответствии со сказанным переводимость стоит понимать как возможность передачи без существенных изменений на языке перевода смысла, актуализированного на основе исходного текста.

Профессор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова Ольга Владимировна Петрова в своем докладе «*Так что же такое переводческие трансформации?*» вновь поднимает насущную проблему обучения переводу студентов языковых вузов. С одной стороны, набор и количество использованных переводчиком трансформаций часто рассматриваются как показатель качества перевода, а с другой – как фактор, препятствующий сохранению формы текста и представляющий опасность для воспроизведения распределения смысловой нагрузки при переводе. Фактически, как считает автор, они являются средством описания результатов сопоставления текстов на ИЯ и ПЯ и элементами метаязыка при обучении переводу.

Заведующий кафедрой немецкого языка Московского педагогического государственного университета доктор филологических наук, профессор Любовь Аркадьевна Нефедова приняла участие в нашей конференции с докладом «*Ключевые понятия современных гендерных исследований и их репрезентация в английском, немецком и русском языках*». В докладе были рассмотрены такие ключевые понятия современных гендерных исследований, как «гендер», «гендерное разнообразие», «гендерная идентичность», «язык, учитывающий гендерный фактор» и их репрезентация в английском, немецком и русском языках. В результате исследования автор пришла к следующим выводам: вербализованные лексическими единицами ключевые понятия гендерных исследований характеризуют социально-культурный фон человека, а также окружающее пространство, в котором ему приходится взаимодействовать; гендерные исследования подвластны социальным тенденциям, в связи с чем объектом исследований выступает гендерное разнообразие в странах Запада.

Доклад кандидата филологических наук Ольги Сергеевны Орловой, научного сотрудника Института языкознания РАН, был посвящен актуальным вопросам *универсального и культурно-специфического в непрямых номинациях русского и англоязычного интернет-пространства*. В результате когнитивно-культурологического анализа непрямых номинаций, таких как эвфемизмы, экспрессивная лексика, эмоционально окрашенные слова, было отмечено, что в русскоязыч-

ном сегменте интернета наиболее распространенными стали иностранные заимствования, которые могут употребляться как с эвфемистической целью, так и для усиления экспрессии. По мнению автора, знаки непрямого номинации культурно маркированы и декодируются с опорой на знание эталонов, стереотипов, символов, культурно-исторических текстов, созданных в данной культуре, и др.

Темой выступления профессора СПбГУ доктора филологических наук Светланы Викторовны Ивановой стала проблема выявления и описания *типологии межкультурного взаимодействия в знаках культурно-языкового ландшафта Петербурга*. В сообщении предлагается подход к интерпретации типологии знаков лингвокультурного пространства Петербурга, в которых репрезентируется разнообразное осмысление межкультурного взаимодействия. Проведенный анализ показывает, что есть все основания выделить три группы вербальных знаков, которые объективируют нарративную линию о межкультурном взаимодействии в петербургском тексте: имеющие в своем составе (1) этноним; (2) культуроним и (3) антропоним. Каждая из этих групп номинаций по-своему реализует нарратив о межкультурном взаимодействии, предлагая несколько вариантов реализации данной идеи. Совершенно очевидно, что, с одной стороны, Петербург как воплощение взаимодействия культур представлен через множественность упоминаемых культур, что свидетельствует о плюралистичном характере их взаимодействия. С другой стороны, культуры находятся в состоянии более сложного переплетения и интегрированности, что можно охарактеризовать как поликультурность, указывающую на их тесную взаимосвязь. Наконец, взаимодействие культур осуществляется через ссылку на объекты культуры или личности, их репрезентирующие.

Профессор Южного федерального университета доктор филологических наук Наталья Борисовна Боева-Омелечко в своем исследовании поднимает проблему полидискурсивности в произведениях английского писателя М. Р. Джеймса, основоположника жанра «хоррор». Автором детально описываются факторы, обуславливающие полидискурсивную специфику анализируемых произведений. Среди множества видов дискурса, взаимодействующих

в произведениях М. Р. Джеймса, отмечаются такие виды, как социолингвистические, прагмалингвистические и речежанровые. Н. Б. Боева-Омелечко делает вывод о разнообразии дискурсивной карты произведений английского писателя. Взаимодействующие интердискурсивные включения придают особенную специфику анализируемым текстам, способствуют динамике сюжета и сюжетно-ролевому развитию, обеспечивают внутритекстовую связность.

В докладе заведующего кафедрой английской филологии Орловского государственного университета доктора филологических наук Анны Дмитриевны Бакиной, посвященном проблеме интеграции исследовательских подходов для исследования библейских фразеологизмов германских языков, кратко представлены итоги диссертационной работы на соискание ученой степени доктора филологических наук. Интегративный подход к системному анализу и описанию библейской фразеологии английского и немецкого языков, по мнению автора, является наиболее адекватным и оптимальным с учетом поставленной цели и конкретных задач проведенного исследования. Интегративность понимается в широком смысле: определяется и как полиаспектность, и как целостность изучения библейской фразеологии, и как пересечение исследовательских парадигм, позволяющих обширно и наиболее объективно исследовать феномен библейской фразеологии германских языков. Интегративный подход предполагает многоаспектный и полипарадигмальный анализ библейских фразеологизмов в аспектах их структуры, семантики и прагматики функционирования; декларирует полидисциплинарность и холизм как маркеры современной лингвистики. Автор успешно доказывает, что библейская фразеология представляет собой отдельную подсистему, вмещающую пласт устойчивых переосмысленных единиц, различающихся по своему лингвистическому статусу, структурным типам и семантическим свойствам. На основании проведенного комплексного исследования выстраивается теория интегративного описания библейской фразеологии германских языков, которая систематизирует все отрывочные представления об объекте исследования, его структурных типах, специфике его семантики и прагматики во вторичных

контекстах, его отношениях с текстом-источником и текстом-донором и функциональной специфики.

С актуальными вопросами стилистического описания паремий познакомила аудиторию профессор кафедры английской филологии Орловского государственного университета доктор филологических наук Ольга Борисовна Абакумова в своем докладе «*Контраст и сравнение в пословицах о времени (на материале русских пословиц о времени и возрасте)*». Сообщение посвящено проблемам анализа и описания средств выражения контраста и эксплицитных и имплицитных разновидностей устойчивых сравнений в семантике и структуре русских пословиц о времени и возрасте. Пословица как популярная форма описания и освоения мира, окружающего человека, обладает тройственной природой: с одной стороны, логической основой и четким построением фразы, с другой стороны, метафорической мотивированностью и образностью, которая повышает ее экспрессивность, эмоциональность и оценочность, привлекает внимание слушающих и заставляет воспринимать говорящего как своего человека, а с третьей – пословица как коммуникативный фразеологизм обладает разными прагматическими функциями, ведущей из которых является дидактическая, регулятивная, поэтому она оказывает нужное воздействие на слушающего как прямой или косвенный речевой акт и часто манипулирует сознанием адресата, заставляя его изменить свое представление о человеке и ситуации и поступить определенным образом, на что намекает адресант, использующий пословицу в бытовом общении.

Во второй день конференции прошли мастер-классы, где выступил большой друг института иностранных языков ОГУ им. И. С. Тургенева доктор философии Эндрю Чарльз Бриз, профессор Наваррского университета (Памплона, Испания), с докладом «*Britain's Isles of Scilly and the Greeks*». Топонимические исследования автора показали, что эти острова Великобритании исторически связаны с англо-греческими событиями и отношениями, их название имеет греческие корни.

Пленарное заседание завершил доклад профессора из Волгоградского государственного социально-педагогического университета, главного научного сотрудника лаборатории

филологических исследований департамента научной деятельности государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (ГИРЯ) доктора филологических наук Ольги Аркадьевны Леонтович, которая выступила с докладом «Механизмы вежливости в межпоколенном общении».

В заключение отметим, что VIII Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение» продолжает уже ставшие хорошей традицией филологические и лингводидактические встречи на международном уровне в рамках международной научно-практической конференции, на протяжении восьми лет организуемые в Институте иностранных языков ОГУ имени И. С. Тургенева. Мы очень высоко ценим и благодарим наших постоянных участников, отечественных лингвистов (из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Самары, Перми, Брянска, Белгорода и др.) и зарубежных исследователей (из Испании, Чехии, Китая, Белоруссии, Украины, Бенина) и всегда открыты новым контактам, концепциям и идеям.

Olga Abakumova, Anna Bakina

VIII International Scientific and Practical Conference "Language. Culture. Communication: Study and Teaching" (Orel, October 10–11, 2024)

The article discusses the results of the Plenary session and master classes of the VIII International Conference "Language. Culture. Communication: Learning and Teaching", annually organized within the walls of Orel State University in the Institute of Foreign Languages at the Department of English Philology. The participants of the international conference were Russian and foreign linguists (Russia, Belarus, Spain, Ukraine, Czech Republic, Benin), who offered for discussion the results of their latest relevant research in modern linguistics, namely in the field of linguistic semiotics, linguoculturology and intercultural communication, theory and practice of translation, text and discourse theory, phraseology, paremiology, stylistics, gender and sociolinguistics, etc. The conference was organized by the Department of English Philology of the Oryol State University. The conference has long been a special platform that helps to establish and maintain existing scientific contacts, to exchange opinions of linguists from different higher educational institutions and representatives of different nations and cultures, to motivate the young generation of scientists to improve their professional level.

Key words: language semiotics, polycode of ethnic language, phraseology and paremiology, integrative approach, transformation and change of linguistic status, meaning and sense, translation transformations, linguistics, gender, toponymy, meronymy, text and discourse, cultural-linguistic landscape, intercultural and intergenerational interaction.

For citation: Abakumova, O. B., Bakina, A. D. (2024) VIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Yazyk. Kul'tura. Kommunikaciya: izuchenie i obuchenie» (Orel, 10–11 oktyabrya 2024 g.) [VIII International Scientific and Practical Conference "Language. Culture. Communication: Study and Teaching" (Orel, October 10–11, 2024)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 186–196. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_4_1 86. EDN: XZXFVL

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Абакумова Ольга Борисовна, профессор Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева доктор филологических наук, доцент (г. Орел, Российская Федерация); e-mail: abakumova-ob@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9488-1440

Бакина Анна Дмитриевна, заведующий кафедрой английской филологии Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева доктор филологических наук, доцент (г. Орел, Российская Федерация); e-mail: heart-anna@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8217-1828

About the Authors

Olga Abakumova, Professor, Orel State University named after I. S. Turgenev, Doctor of Philology, Associate Professor (Orel, Russian Federation); e-mail: abakumova-ob@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9488-1440

Anna Bakina, Head of English Philology Department, Orel State University named after I. S. Turgenev, Doctor of Philology, Associate Professor (Orel, Russian Federation); e-mail: Heart-anna@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8217-1828

дата получения: 23.10.2024 г.
дата принятия: 30.11.2024 г.
дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 23 October 2024
date of acceptance: 30 November 2024
date of publication: 28 December 2024

Н. К. Данилова

Поклонение Достоевскому

Рецензия на книгу: Камэяма И. Поклонение: 59 страниц с Достоевским. — СПб.; М.: RUGRAM_Пальмира, 2022. — 155 с.

В рецензии даётся характеристика книги японского переводчика Икуо Камэямы о романах Ф. М. Достоевского. Одно из главных утверждений японского автора: творчество Достоевского зиждется на идее отцеубийства, определяется связь идеи с политическими убийствами в России XIX века и с вечной трагедией первогреха. Для подтверждения своих мыслей автор отправляется по местам, связанным с детством писателя и с сюжетами его произведений, среди них усадьбы Даровое, Черемошня и Дрезденская картинная галерея. Указываются параллели романов Достоевского с социальными потрясениями современности. Постоянное обращение к писателю – это ещё и своего рода попытка исследователя понять жизнь, людей и самого себя.

Ключевые слова: творчество Ф. М. Достоевского, «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы».

Для цитирования: Данилова Н. К. Поклонение Достоевскому // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 197–202. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_197. EDN: ZUDWAA

Икуо Камэяма – переводчик, писатель, специалист по русской литературе и культуре XX века, Президент Университета иностранных языков в Нагое (Япония). Перевёл на японский язык романы Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Бесы», «Записки из подполья», «Братья Карамазовы», «Идиот». Свою книгу о Достоевском Икуо Камэяма называет «телеграфного вида автобиографическими записями», в которых зафиксировано его путешествие с Достоевским в пространстве и времени. В записях нет строгой хронологической последовательности, но есть события, оставшиеся в памяти, ассоциации, параллели, размышления.

Название книги – «Поклонение» – контрастирует с Прологом, где автор говорит о тяжелом состоянии, в котором прибыл в Москву. Закончился его «двухлетний медовый месяц» с Достоевским (время работы над переводом «Братьев Карамазовых») и, прибыв в «переродившуюся» Россию, он почувствовал, что полувековая любовь к русской литературе на этом закончилась. Такое резкое признание готовит читателя к тому, что в книге не будет славословия и комплиментов в адрес России и русской словесности.

Икуо Камэяма не делится особенностями работы переводчика, поиском нужного слова, адекватного оригиналу, как можно было бы предположить. Его метод в некоторых главах можно определить как биографический. Также есть обращение к психоанализу и собственным ощущениям, снам, воспоминаниям, которые так или иначе связаны с чтением романов Достоевского. Камэяма излагает свое видение истоков творчества писателя. В первую очередь, его интересует история убийства отца писателя и то, почему Достоевский это скрывал. Автор приходит к неожиданному заключению. Он считает, что у писателя после ссылки выработался двойной стандарт поведения (из-за полицейского надзора). Но главное – это утверждение, что творчество Достоевского зиждется на факте убийства отца. Оно переплетается с политическими убийствами в России 1870-х годов, а впоследствии начинает восприниматься как извечная драма человечества о стыде первогреха. По мнению переводчика, желание воспроизвести эту драму на более широком историческом материале – подоплека создания «Братьев Карамазовых». Эти размышления привели Икуо Камэяма к необходимости посетить места, связанные с семьёй Ф. М. Достоевского.

Первыми пунктами путешествия стали Даровое и Черемошня, связанные с детством писателя и убийством отца. Исследователь повторяет давно известные положения фрейдистских прочтений текстов писателя и доверяет своему воображению, пытаясь представить юного Достоевского в момент получения страшного известия. Обращает внимание на то, что писатель не бывал в этих местах сорок лет, вплоть до начала работы над «Братьями Карамазовыми». И делает вывод, что «произведение отражает хроникку сорокалетне-

го странствия души писателя, начавшегося в восемнадцать лет после потрясения, вызванного смертью отца».

Далее исследователь пытается обнаружить мотив отцеубийства в романе «Преступление и наказание», высказывает предположение, что в образе Свидригайлова изображён вторым планом отец. Для автора эта мысль важна, потому что она помогает ему разобраться в собственных ощущениях. Он вспоминает свой юношеский интерес к роману Достоевского и по прошествии лет понимает, что этот интерес был вызван желанием удивить властного отца.

Работа над переводом романа «Преступление и наказание» привела к парадоксальному выводу: множество мотивировок преступления якобы говорит о том, что сам писатель не видит, какой мотив главный. Отмечается наличие в романе двух частей: «книги воли» и «книги судьбы». Гордыня привела героя к убийству, она же стала доказательством его «Я», «доказательством того, что делает человека индивидуумом». Возвращаясь постоянно к роману, исследователь повторяет свои вопросы: это произведение о том, что Божье создание человек способен превратиться в беса? Или об истинной человеческой сущности без учёта какой-либо божественности? Вопросы звучат напряжённо, искренне, эмоционально, но, безусловно, они не обнимают сложнейшей проблематики произведения русского писателя. Через несколько страниц приводится параллель Раскольникова с лидером преступной секты Аум-синрикё, подчеркивается сходство философии сверхчеловека, имеющего право переступить закон, с революционными идеями Асахары. Такая философия, по мнению Икуо Камэямы, вытекала из их понимания справедливости в истории. Названная параллель кажется поверхностной, но она свидетельствует о том, как прочно запечатлелось в памяти имя героя Достоевского и его деяние.

Знакомство с творчеством Достоевского это ещё и своего рода попытка исследователя понять жизнь, людей и самого себя. Иногда размышления кажутся неожиданными. Так, роман «Идиот» для него – горестное откровение о любви и даже гомосексуальном влечении.

Впечатление переводчика от романа «Бесы» способно обескуражить, он считает, что «это опасное произведение»,

его лучше не читать, потому что трудно выстоять против соблазнов трагической «мистики». Попутно отмечается, что при чтении финала несчастная девочка-самоубийца вызвала у него не сочувствие, а отвращение. Для Камэямы «Бесы» Достоевского ещё и социальное пророчество: через сто лет в Японии произошли события, фактически описанные в романе. В связи с этими событиями особое внимание исследователя привлёк мотив подстрекательства или соблазнения, в котором он видит источник зла. А чуть позже находит ещё одну параллель современной истории с романом Достоевского – теракт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке.

Оказавшись волею судьбы в Семипалатинске, Икуо Камэяма размышляет о жизни Достоевского после каторги, о любви и браке писателя с Марией Исаевой. Опять неожиданные параллели и парадоксальные выводы: с писателем случается приступ эпилепсии, как и после известия о гибели отца. Припадок на вершине счастья? Автор считает, что «женитьба для писателя могла означать то же, что "отцеубийство"».

Тяжёлые вопросы, которые возникают у автора в результате знакомства со страшными потрясениями в жизни (убийство, желание смерти ближнего, террор, страх, невозможность прощения), сопровождаются обращением к Достоевскому и героям его произведений. В деяниях камбоджийских красных кхмеров Камэяма видит реализацию предсказаний Достоевского из романа «Бесы». Так он пытается найти если не ответы, то хотя бы поддержку в этих поисках.

Оглядка на творчество Достоевского помогает исследователю выносить тонкие суждения о современных японских авторах, подмечая, например, у них напряжённую работу по соединению в одно целое жизни и слова.

Отдельно упоминается посещение музеев с желанием посмотреть на картины, о которых говорится в романах Достоевского: «Пейзаж с Ацисом и Галатеей» Клода Лоррена и «Мёртвый Христос в гробу» Ганса Гольбейна. Эти полотна играют значительную роль в тексте, помогая понять состояние героев и особенности философской мысли писателя.

Работа над переводом «Братьев Карамазовых» приводит Икуо Камэяма к неожиданному решению: написать продолжение романа. Его воображение особенно занимала глава

«Мальчики», потому героем «продолжения» у Камэямы становится повзрослевший подросток Коля, теперь уже лидер антиправительственного движения, организатор покушения на жизнь императора.

Сосредоточенно размышляя о сюжете, Камэяма делает невероятные предположения о романе Достоевского и жизни. По его мнению, если бы Достоевский остался жив, он бы всё равно не написал продолжения, потому что вскоре был убит император Александр II. Или наоборот: если бы писатель не умер, то рука террориста дрогнула бы и Александр остался жив. Может, тогда и сам Икуо Камэяма не стал бы переводчиком и не сочинял своё продолжение.

В эпилоге автор возвращается к толкованию финала романа «Преступление и наказание». Герою дарована жизнь, потому что он «вышел из холодного состояния», он не мертвец. Исследователь задаётся вопросом: что ждёт Раскольников после воскрешения. Его ответ – героя ждёт подлинное страдание. Воскрешение означает прозрение смысла жизни.

Последние слова книги также весьма любопытны. Камэяма пишет: «Но достаточно я уже наговорил. Продолжать не буду. Дальнейшее предоставляю читателю». Совсем в духе русской литературы!

Natalia Danilova

Adoration of Dostoevsky

Book review: Kameyama, I. (2022) *Poklonenie: 59 stranstviy s Dostoevskim* [Adoration: 59 Journeys with Dostoevsky]. St. Petersburg; Moscow: RUGRAM_Palмира Publ.

The review describes the book by Japanese translator Ikuo Kameyama about the novels of F. M. Dostoevsky. The author of the book claims that Dostoevsky's work is based on the idea of parricide, and the idea is connected to political murders in 19th-century Russia and the eternal tragedy of the original sin. To confirm his thoughts, the author goes to places associated with the writer's childhood and the plots of his works. The author visited the estates of Darovoe, Cheremoshnya and the Dresden Picture Gallery. Parallels between Dostoevsky's novels and the social upheavals of the era are pointed out. The author's constant appeal to the writer is a kind of attempt by the researcher to understand life, people, and himself.

Key words: Dostoevsky's work, Crime and Punishment, Demons, The Brothers Karamazov.

For citation: Danilova, N. K. (2024) Poklonenie Dostoevskomu [Adoration of Dostoevsky]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 197–202. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_4_197. EDN: ZUDWAA

Об авторе

Данилова Наталья Кузьминична, научный сотрудник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

About the Author

Natalia Danilova, Researcher, Pushkin Leningrad State University, PhD in Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

дата получения: 05.10.2024 г.
дата принятия: 30.10.2024 г.
дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 05 October 2024
date of acceptance: 30 October 2024
date of publication: 28 December 2024

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «Art Logos» («Искусство слова»)

К публикации в журнале «Art Logos» принимаются статьи, отражающие широкий спектр проблем современного научного знания в области филологии.

Материал должен быть представлен одним файлом в следующей последовательности:

1. Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>), контактный телефон.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом не менее 1000 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

3. Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Суг, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 10 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word. Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в алфавитном порядке) помещается после текста статьи.

Русские источники необходимо транслитерировать, для автоматической транслитерации использовать программу <https://transliteration.pro/bsi>

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

1. Определите тип публикации:

- *научная статья* / *Original article* – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- *обзорная статья* / *Review* – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- *краткое сообщение* / *Short Communication* – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

2. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

3. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

4. DOI и EDN присваиваются редакцией после принятия статьи к публикации.

5. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты. NB! В заголовке на английском языке все знаменательные слова должны начинаться с прописной буквы. Служебные слова (артикли, союзы и предлоги меньше четырех букв) пишутся со строчной буквы. Не допускается написание заголовка на обоих языках исключительно прописными буквами. Пример: Formation and Implementation of the Plan of A. A. Blok's Essay "The Last Days of Imperial Power".
- **Аннотация.** Рекомендуемый объем не менее 1000 знаков с пробелами. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».

- **Ключевые слова.** 7–10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.
- **Введение.** Рекомендуемый объем 2–4 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно рассмотреть не менее 20 публикаций. Завершить введение следует формулировкой цели, задач и гипотезы исследования. Заголовок «Введение» внутри статьи не указывается, ввиду особенностей технической верстки журнала.
- **Материалы и методы.** Рекомендуемый объем 1–2 страницы. Содержит описание методики исследования, ее объекта и последовательности.
- **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы).
- **Обсуждение и выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций, источников, недоступных широкой научной общест-венности (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок).

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать личный вклад в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
00/00%

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисуночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ со статьей, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакции отдельными файлами в следующих форматах:

- TIFF (300 dpi)
- PNG
- JPG/ JPEG

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в виде перечисленных форматов.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

Примеры оформления библиографического описания различных источников

Монография

- Гродецкая А. Г. Гончаров в литературном доме Майковых. 1830–1840-е годы. – СПб.: ИРЛИ РАН; Полиграф, 2021. – 432 с. EDN: VMHZME

Книга под редакцией

- Письма А. П. Чехова. 1–6 т. / Под ред. М. П. Чеховой. – М.: Книгоиздательство писателей, 1912–1916. EDN: ABCDEF

Статья в журнале (с указанием DOI)

- Николина Н. А., Петрова З. Ю. Ключевые образные поля в текстах современной русской прозы // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 4. – С. 93–101. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-93-101. EDN: IKSZXJ

Статья в сборнике трудов конференции

- Жуков А. В. О потенциальности фразеологических единиц // Пушкинские чтения-2018. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXIII Международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 371–379. EDN: UPWPDR

Статья в сборнике научных статей

- Мучник Х. «Раковый корпус»: Судьба и вина // Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика 1974–2008: сб. науч. ст. – М.: Русский путь, 2010. – С. 558–574. EDN: ABCDEF

Монография на иностранном языке

- Durand R. Handbook to the poetry of Rudyard Kipling. – Garden City; New York: Doubleday, Page&Co., 1914. – 386 p.
- Jeffris L. Opposition in discourse. The construction of oppositional meaning. – London: Continuum, 2010. – 150 p.

Статья в журнале на иностранном языке

- Ralph M. Balthasar and Speyr: First Steps in a Discernment of Spirits // Angelicum. – 2014. – Vol. 91. – No. 2 – Pp. 273–302.

Примеры описания постраничных сносок

Интернет-ресурсы

- Адамов А. Ветвь // Слово/Word. – 2013. – № 78. Электронный ресурс. URL: <https://magazines.gorky.media/slovo/2013/78/vetv.html?ysclid=l7n9k8i1l701490013> (дата обращения: 01.07.2022).
- Трубецкая Н. А. Вера Анатольевна Пушкина (Константинович): к неизвестным страницам биографий представителей рода Пушкиных // Музеумания. Электронный ресурс. URL: https://muzeumania.ru/2022/06/06/trubeckaya-pushkina/?ysclid=l7nc2do7fp72375959#_ftn7 (дата обращения: 01.07.2022).

Интернет ресурсы на иностранном языке

- Clubfoot. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/clubfoot> (accessed 20 June 2022).

Нормативные правовые акты

- Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273-ФЗ от 29 дек. 2012 г.

Учебные издания

- Русский язык. 8 класс: учеб. / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова, О. В. Загоровская, А. Г. Нарушевич. – М.: Просвещение, 2017. 223 с.
- Пасечник С. В. Логика: учеб. М.: Просвещение, 2006. 256 с.

Диссертация и автореферат диссертации

- Мкртчян Т. Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиointerview (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 181 с.

- Сотова И. А. Теория и практика самоконтроля в письменной речевой деятельности школьников на уроках русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 47 с.

References

References должны быть представлены на латинице. Необходимо учитывать, что:

- при переводе указанных сведений недопустимо использовать автоматический машинный перевод;
- сведения должны соответствовать тексту на русском языке.
- для оформления References целесообразно использовать автоматические системы транслитерации, например, <http://translit-online.ru/> используя две основные формулы:

Для научных статей

Familia, I. O. (Year) Transliteraciya zagolovka stat'i [Translation of the headline of the article]. Transliteraciya nazvaniya istochnika – Translation of the headline of the source. Vol. 0. No. 0. Pp. 0–0. (In Russian).

Для книг

Familia, I. O. (Year) Transliteraciya nazvaniya knigi [Translation of the headline of the book]. Place: Izdatel'stvo. (In Russian).

Примеры оформления References

Монография

- Grodeckaya, A. G. (2021) *Goncharov v literaturnom dome Majkovykh. 1830–1840-e gody* [Goncharov in the Maikov literary house. 1830–1840s / rev. Ed. A. Yu. Balakin]. St. Petersburg: Institute of Russian Literature RAS; Poligraf. (In Russian). EDN: VMHZME

Статья в журнале

- Kilina, L. F., Sokolova, A. (2022) *Feminitivy s suffiksom -ih(a) v tekstah XVIII–XX vv.: korpusnoe issledovanie* [Feminitives with the suffix -ih(a) in the texts of the 18th–20th centuries: a corpus study]. *Voprosy yazykoznaviya – Questions of linguistics*. No. 1. Pp. 85–105. (In Russian). EDN: GNFCJS

Статья в сборнике трудов конференции

- Zhukov, A. V. (2018) *O potencial'nosti frazeologicheskikh edinic* [On the potentiality of phraseological units]. *Pushkinskie chteniya-2018. Hudozhestvennye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst* [Pushkin Readings-2018. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text]. Proceedings of the XXIII International Scientific Conference. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 371–379. (In Russian). EDN: UPWPDR

Статья в сборнике научных статей

- Muchnik, KH. (2010) «Rakovyy korpus»: Sud'ba i vina [“Cancer Ward”: Fate and Guilt]. *Solzhenitsyn: myslitel', istorik, khudozhnik. Zapadnaya kritika 1974–2008* [Solzhenitsyn: thinker, historian, artist. Western Criticism 1974–2008]. Moscow: Russkiy put' Publ. Pp. 558–574. (In Russian). EDN: ABCDEF

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном, размещенным в разделе "Авторам" на странице журнала: <https://lengu.ru/mag/art-logos/avtoram-5>

Материалы, оформленные в соответствии с требованиями, необходимо направлять на e-mail главного редактора art.logos@lengu.ru

Для заметок

научный журнал

Art Logos

(искусство слова)

№ 4 (29)
2024

Редактор **Т. В. Мальцева**
Технический редактор **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 28.12.2024. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Jost, Loga. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 13. Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)
Заказ № 2002

Адрес редакции
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-91-76 <http://lengu.ru/>
e-mail: art.logos@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru